

4

2006

РОСССНЯ XXI

4.2006 июль-август

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Отставка генпрокурора:
«техническое решение» или начало крупных
политических трансформаций _____ **4**

Ярлыки и мифы

Андрей Каравашкин

Власть мучителя. Конвенциональные модели
тирании в русской истории _____ **62**

Пути духовных исканий

Альберт Соболев

О русской философии права
(школа П.И.Новгородцева) _____ **112**

Виктор Шаповалов

Миф о «тевтонском пленении» _____ **140**

Россия в мире

Джеймс Рассел

«Соловьи, соловьи...» _____ **156**

Contents in English look at the page 200

Вниманию читателей!
Вышла в свет новая книга С.Кургиняна
«Слабость силы»
(аналитика закрытых элитных игр
и ее концептуальные основания).

Справки по вопросу приобретения книги
по тел. (495)291-74-79.

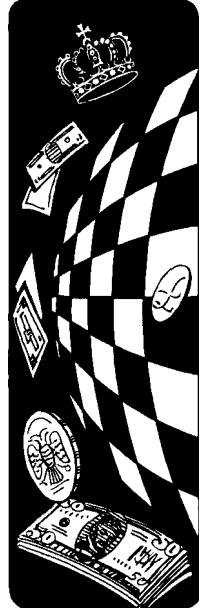
РОССИЯ XXI

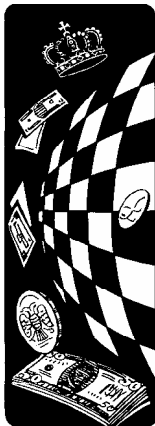
**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

№ 3. 2006

« ».

«
».
«
».

Сергей Кургиня

ОТСТАВКА ГЕНПРОКУРОРА:

«ТЕХНИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ»
ИЛИ
НАЧАЛО КРУПНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ?¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

The author examines the dismissal of the Prosecutor General not as a single event but as a component of a major political process and pays the particular attention to the alliance between Ustinov as a member of «Krasnodar grouping» and I.Sechin, the deputy head of the President's administration. The author draws a parallel between resignation of Ustinov and resignations of A.Korzhaikov and Yu.Skuratov and points out that excessive economic and political ambitions of clans that included the aforementioned persons are the common denominator in both cases. In case of Ustinov this hypothesis finds confirmations in the following events: attacks on Alpha Group, Gazprom, LUKoil and Transneft'. It means that the Prosecutor General office under Ustinov as well as under Skuratov initiated proceedings that affected too many influential figures. Sechin-Ustinov group much in the same way as Korzhakov-Barsukov-Soskovets group earlier sought after establishment of its monopoly over the key export segments of the Russian economy. The author indicates mistakes the Prosecutor General might commit and examines political and psychological consequences of the resignation for Sechin grouping and for the Russian power at large.

¹ Доклад на заседании клуба «Содержательное единство» 15 июня 2006 года.

Введение

2 июня 2006 года президент России Владимир Владимирович Путин отправил в отставку генерального прокурора РФ Владимира Васильевича Устинова. С тех пор прошло 13 дней. Все эти 13 дней заполнены по большей части кулуарными обсуждениями того, что последует за эпопеей с Устиновым. Мне кажется, что последует очень многое. Иначе я не стал бы посвящать заседание клуба такому, согласитесь, частному и устаревшему (отставки быстро устаревают) вопросу. Но речь идет не о событии, а о процессе. Причем процессе, заряженном большой политической энергией. Процессе, безусловно, не административном, а именно политическом.

И все же (несмотря на все значение события) я, может быть, и не стал бы так подробно его обсуждать, если бы речь шла только о политическом вызове. Мол, меняется соотношение групп... Возникает новое равновесие между этими самыми группами... Соответственно, возникает и новая властная конфигурация... И так далее, и тому подобное.

Все это очень важно. Все это я тоже хочу обсудить. Но для меня, в силу моей профессии, еще важнее другое. Отставка произошла. Все понимают, что это дело нешуточное. Но обсуждать отставку не могут. А почему не могут? Вот это, пожалуй, важнее всего. Не могут, видите ли, потому, что политика «ушла под ковер». И что именно происходит там «под ковром» – неясно. А раз неясно, то и обсуждать нечего. Некоторые (Жванецкий, например) аж стонут по этому поводу: «Просверлите хоть дырочку где-нибудь сбоку, чтобы мы что-то могли увидеть...».

Сказать, что за время, прошедшее со дня отставки Устинова, никто ничего об этой отставке не написал, нельзя. Многие писали. В том числе и что-то вполне вразумительное. Но никто не занялся таким, казалось бы, очевидным (но, видимо, и неподъемно скучным) делом, как СИСТЕМНАЯ АНАЛИТИКА этой отставки. Даже в столь важных случаях, как случай с Устиновым (ведь все понимают, что этот случай важный), общество, выдавая спрос на понимание, не может получить предложение под этот спрос. Казалось бы, чем выше спрос, тем обильнее предложение. Ан нет! Тогда какой же рынок?

Если у вас группу людей оттеснили к пропасти, причем к такой, через которую мост быстро не построишь, а можно только перелететь... Если у них, у этих людей, ну «офигительное» желание перелететь (иначе надо падать... а они не хотят падать...). И они даже, в общем, понимают, что можно перелететь... Вон стервятники парят над пропастью в ожидании, когда людей туда сбросят, чтобы начать клевать... Аж зависть берет! Эти-то могут летать! Опять же, песенка приходит на ум: «Чому ж я не сокол, чому не летаю?» И деньги есть, чтобы заплатить. Но... не изобретены технические средства, позволяющие человеку летать.

Почему в случаях таких крупных политических событий спрос на аналитику опережает предложение? У меня вот в машине иногда детали ломаются. А ехать надо. И организация моя имеет возможность заплатить. Но, если деталь дефицитная, надо ждать две–три недели. Я что, могу дороже заплатить, чтобы мне за два дня поставили деталь? Не получится.

И все же дело не в том, что, кроме меня, никто не может заняться аналитикой такой отставки. Я, повторяю, имею в виду именно системную аналитику. Аналитикой постмодерна, аналитикой хаоса, может быть, могут заняться немногие. А аналитикой отставки высокого должностного лица... думаю, что тут у многих есть адекватность. Но есть-то она есть, а аналитики нет. Спрос есть. Адекватность есть. А системной аналитики нет. Почему?

То, что ее нет, – это уже индикативный признак. Это один из факторов системного анализа. Я понимаю, почему молчат телевизионные каналы. Вряд ли это «знак качества». Но тут, по крайней мере, понятно, что происходит: нет импульса – нет аналитики. А источник импульса очень локализован. Но он что, в какой-нибудь «Новой газете» так же локализован? Почему в ней нет двойного разворота с подробным анализом? Данных нет? Так ведь не в данных суть. Были же такие развороты по другим поводам! Кроме оппозиционных СМИ (какое-нибудь «Эхо Москвы», та же «Новая газета» et cetera), еще есть новый информационный ресурс – интернет-сайты. Они ведь тоже молчат в том смысле, который я имею в виду. Потому что вне того смысла, который я имею в виду, не молчат ни сайты, ни «Эхо Москвы», ни «Новая газета».

Они что-то говорят. Что-то компактное и более или менее умное. Но в сказанном нет ни объема, ни системы. И что-то мне подсказывает: не в директивном запрете дело. И не в летней жаре и лени. И не в том, что игра не доиграна, а потому – «нишкни!» Есть и жара, и какие-то невнятные директивы. И насчет игры ясно, что «еще не вечер», и есть интересные, да еще какие!

Но не сводится все к этому. Остается еще какой-то невнятный и недоосмысленный фактор, который я называю «нарастанием несхватываемости».

Представьте себе, что реальность государственной (административной, бюрократической, как хотите) игры требует для своего освоения этого самого «схватывания». Чтобы ее понять, игру эту, ее надо упорядочить. В том числе и с использованием достаточно известных правил. И она, реальность эта, раскинулась вокруг и, в общем-то, не скрывает того, что подлежит упорядочиванию («схватыванию» этому самому). А вы смотрите на эту реальность и почему-то (не со страха и даже не от лени) не хотите применить к ней упорядочивающие процедуры в полном объеме.

Что, неинтересно? Да нет! Судьба России кому-то может быть неинтересна, а такая отставка всегда интересна. Интерес есть, страх не на-

столько велик, чтобы его перекрыть. Леня как таковая, конечно, присутствует, но не в таком же объеме! А «схватывания» нет.

Есть какое-то парализующее воздействие этой реальности. То воздействие, которое каждого, кто на нее смотрит, лишает любых интенций по части схватывания.

Люди определенной духовной традиции вам по этому поводу дадут примерно такие разъяснения: «Мол, у этого "схватывания" есть свой субъект. Некий ангел, так сказать. И когда вы начинаете смотреть на нынешнюю реальность, то этот ангел вас покидает. И вы не схватываете. Потому что схватывает всегда он, а не вы. А у него к схватыванию по данному поводу – аллергия. Вот вы даже не понимаете, почему не схватываете, а не схватываете, и все. А поскольку не понимаете, то считаете, что все нормально».

Другая традиция интерпретирует этот феномен иначе. Она скажет, что схватывание – часть определенной культуры. И что в культуре постмодерна, например, схватывание невозможно. Дескать, эта культура отрицает целостность вообще, а тогда что схватывать? Чем глубже общество погружается в культуру постмодерна, тем меньше оно может и хочет схватывать.

Возможны, наверное, и другие реакции на этот феномен «отсутствия схватывания». Я пока лишь зафиксирую феномен. И если несхватывание порождено погружением в постмодерн, то у меня, кроме политического мотива все разобрать, есть и мотив иного порядка. Более высокий. Я с таким погружением в постмодерн боролся и буду бороться. И потому начну упорядочивать так, как положено. А вот удастся что-то схватить или нет – отдельный вопрос.

А как положено – известно. И, пожалуйста, не говорите мне, что никто не знает, как это делается. Любой профессионал, который ничего не понимает в подковерных интригах, но хочет что-то понять, начнет с того, что затребует биографию отставленного лица. И не абы какую (дежурную), а подробную. Потребуется, получит и попробует ее как можно внимательнее прочитать. И я здесь ничем не хочу отличаться от этого стандартного профессионала. Может, на других этапах я и продемонстрирую отличие, но для начала сделаю, что положено.

Часть 1. **Биография Владимира Васильевича Устинова**

1.1. Общий аспект

Владимир Васильевич Устинов родился 25 февраля 1953 года в г. Николаевске-на-Амуре Хабаровского края. Устинов – потомст-

венный юрист: его отец был прокурорским работником. Прокурорским работником был и старший брат экс-генпрокурора.

С шести лет Владимир Устинов жил в Краснодарском крае, куда получил назначение его отец.

В 1968–1972 гг. работал токарем-инструментальщиком Кореновского сахарного завода в Краснодарском крае, затем проходил срочную воинскую службу.

В 1978 году окончил Харьковский юридический институт.

В 1978–1992 гг. работал в районных прокуратурах Краснодарского края на различных должностях от стажера до прокурора.

В 1992 году был назначен прокурором г. Сочи.

С 1994 по 1997 год – первый заместитель прокурора Краснодарского края – прокурор Сочи.

С 1997 года – заместитель генерального прокурора РФ. Назначен 15 октября 1997 года по результатам голосования в СФ ФС РФ.

В 1998 году был назначен начальником Главного управления Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе. Его заместителем был нынешний первый заместитель Генерального прокурора Юрий Бирюков.

11 января 1998 года Устинову указом президента был присвоен классный чин Государственного советника юстиции 2 класса.

6 апреля 1999 года он освобожден от должности начальника Главного управления Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе – заместителя Генерального прокурора, сохранив пост заместителя Генерального прокурора.

В начале августа 1999 года был назначен исполняющим обязанности Генерального прокурора РФ.

Отметим, что Устинов стал и.о. Генерального прокурора вместо Юрия Чайки, который был сначала формально отправлен на пенсию, а затем неожиданно назначен министром юстиции РФ.

Тогдашнее назначение Устинова у многих вызвало вопросы. Он был назначен и.о. Генерального прокурора, не будучи первым замом (именно на первого зама возлагается исполнение обязанностей в отсутствие главы ведомства). Согласно обычной процедуре, чтобы Устинов мог исполнять обязанности генпрокурора, Чайка должен был быть отправлен СФ в отставку с поста первого зама, а на этот пост официально должен был быть утвержден Устинов.

Однако Чайка сначала был отправлен в двухнедельный отпуск, а затем на пенсию. Именно таким образом Устинов стал и.о. генпрокурора.

В должности и.о. Устинов находился почти год, до 17 мая 2000 года, когда он был утвержден Советом Федерации в должности Генерального прокурора.

В апреле 2005 года Устинов утвержден Советом Федерации в должности Генпрокурора на новый пятилетний срок.

Будучи на посту Генерального прокурора, Устинов участвовал в расследовании ряда «резонансных» дел. В частности, он вел расследование в отношении В.Гусинского и Б.Березовского, а также лично стал государственным обвинителем на процессе С.Радуева.

Однако особую известность в послужном списке Устинова приобрело так называемое «дело ЮКОСа». В ходе этого расследования генпрокурор и его зам Владимир Колесников проявили особую активность. В глазах большинства публики именно Устинов и Колесников стали главными «посадчиками» Ходорковского и его сподвижников.

Это, так сказать, общая канва биографии Устинова. Но, кроме общего аспекта, в ней есть аспекты специфические. Далее – о них.

1.2. Специфически-профессиональный аспект

Людей посылают возглавлять ведомства с двумя целями. Либо чтобы эти ведомства ослаблять. Либо чтобы их усиливать. В случае Устинова надо зафиксировать, что он (пусть в самом приземленном, бюрократическом смысле слова) работал на усиление ведомства. Это не говорит о нем ни плохо, ни хорошо. В такой аналитике вообще нет места плохому и хорошему. Это мелкий индикатор бэкграунда Устинова и логики его назначения. Но для нас и мелкие индикаторы важны. Поэтому зафиксируем в полном объеме все то, что говорит об устиновской работе на усиление (а не ослабление) своей корпорации. Еще раз подчеркну – не закона, а корпорации. Ну, так вот...

В период своего пребывания на посту Генерального прокурора Владимир Устинов неоднократно и вполне последовательно выступал против любых законодательных нововведений, сокращающих полномочия прокуратуры.

В 2001 году Устинов выступал против внесения в Уголовно-процессуальный кодекс положений, закрепленных в Конституции РФ. Эти положения ограничивали полномочия прокуратуры по проведению арестов и других процессуальных действий, передавая их в компетенцию судов.

Весной 2001 года он направил письмо на имя тогдашнего председателя Совета Федерации Егора Строева, в котором выступил против внесения изменений в Арбитражный процессуальный кодекс, которые также должны были ограничить полномочия прокуратуры.

25 апреля 2001 года, выступая в Государственной Думе, Устинов высказался против концепции судебной реформы, подготовленной под руководством тогдашнего заместителя главы администрации президента Дмитрия Козака.

В связи с этим стоит отметить, что в настоящее время Козака считают одним из претендентов на пост Генерального прокурора. И нет гарантии, что в этом случае корпоративная ревнительность будет сохранена. Опять же – дело не в том, что я люблю такую ревнительность и не люблю обратного. Или что я так уж считаю, что крепость прокуратуры равна крепости державы. Совсем другому она равна! Но то, чему она равна, у Устинова сознательно наличествовало. А у его преемника может сознательно же отсутствовать. И это, безусловно, индикативно.

А теперь от таких мелочей перейдем к более существенному.

1.3. Специфически-семейное в биографии Устинова

В ноябре 2003 года в СМИ появились сообщения о бракосочетании Дмитрия Устинова (сына Владимира Устинова) с Ингой Сечиной (дочерью зам главы АП Игоря Сечина). Таким образом, Устинов и Сечин стали родственниками.

Отметим, что такая степень родства (брак детей) – вещь безусловная и, в определенных случаях, непостоянная. При этом зачастую такая «непостоянность родства» (попросту говоря – разводы детей) влияют и на отношения высокопоставленных отцов. Вспомним хотя бы резкое осложнение отношений между президентом Киргизии Аскармом Акаевым и президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым из-за развода их детей.

В данном случае, впрочем, постоянство семейных связей было дополнительно закреплено. Летом 2005 года СМИ сообщили о рождении общего внука Игоря Сечина и Владимира Устинова.

Неоднократно указывалось также, что родственный индекс в данном случае является одновременно индексом клановым. И что, соответственно, удар по одному (безусловно, периферийному) звену данного клана, имя которому В.Устинов, просто не может не задеть другое, неизмеримо более привилегированное звено этого же клана, имя которому И.Сечин. Я не буду обсуждать эти рефлексии. Я просто их зафиксирую.

Часть 2.

Первичный анализ общих биографических сведений

Мы видим, что Устинов – это коренной краснодарский кадр. Он не только с шести лет живет в Краснодарском крае. Он в этом крае работает большую часть жизни. Это может сказать о многом, а может ни о чем. Для того, чтобы принять решение, нужно всмотреться внимательнее.

Видно, что Устинов не опирался на семейные прокурорские возможности. Он ушел в армию, служил. Отправился учиться после службы в

не самый престижный Харьковский юридический вуз. Но, отучившись, он возвращается к себе на «малую» краснодарскую родину. И с 1978 года начинает там тянуть прокурорскую лямку. Тянет он ее 14 лет. Фактически весь «зрело-застойный» период и весь период так называемой «перестройки».

В советский период он блестящей карьеры не делает. Ни тогда, когда нужно по-застойному блюсти социалистическую законность, ни тогда, когда надо выделяться своими реформаторскими (в том числе и антисоциалистическими) порывами.

А вот сразу же после распада СССР Устинов получает блестящее по тем временам назначение. Точнее, и блестящее, и вполне индикативное. В 1992 году Устинов становится прокурором г. Сочи. Генеральным прокурором в это время является Валентин Степанков. Но Сочи – это город, куда никакой Степанков в одиночку не мог никого продвинуть. Устинова мог продвигать либо ранний (и не очень существенный) краснодарский проконсул Ельцина Василий Дьяконов (фактически креатура Юрия Скокова, тогдашнего секретаря Совета Безопасности). Либо относительно поздний (и гораздо более существенный) краснодарский проконсул того же Ельцина Николай Егоров.

Николай Егоров стал главой администрации Краснодарского края в конце 1992 года. С ним были связаны надежды Коржакова, его группы. Но и не только их. В своей первой биографии «Разговоры от первого лица» Владимир Путин говорит о том, что после поражения Собчака на выборах петербургского губернатора ему, Путину, было предложено место заместителя Николая Егорова, который стал к этому времени аж главой кремлевской администрации. Взлет Егорова однозначно связан с Коржаковым. Этот взлет начался в 1994 году, когда Егоров пошел на повышение в Москву.

Посмотрим, что в этот момент происходит с Устиновым. Если ничего не происходит, то, может быть, Устинов никак и не был связан с Егоровым. Что, в общем-то, противоестественно. Краснодарские методы управления не предполагают любви к чужим и нелояльным. А Устинов, по его биографии, мог быть для Егорова либо совсем своим, либо совсем враждебным. Он очень долго работал в крае, имел, что называется, корни.

Итак, в 1994 году Егоров идет на повышение в Москву, а Устинов? Устинов становится первым заместителем прокурора Краснодарского края – прокурором Сочи. Он очевидным образом идет на повышение. Не только приобретает более высокий формальный статус (место первого заместителя прокурора края), но и сохраняет очень важный неформальный компонент (место прокурора г.Сочи).

Очень пунктирно отметим, что г.Сочи – это действительно индикативное место сразу со многих точек зрения. Это рекреационный узел с

давной историей. Это спецзона, поскольку рекреация высоких лиц неразрывно связана с этим самым неизбывным спецфактором. Это удобная социальная зона. Потому что рекреация – это оптимальное время для завоевывания нужных контактов. Если не с самими отдыхающими хозяевами, то с их охраной. Которой ведь тоже хочется отдохнуть.

Никакой иронии в этом нет. Вы что, сменяясь на работе, не захотите банально купнуться в море? Или хоть чуточку расслабиться – при том, что есть где?

А раз есть где и есть хотение, то есть и все то, что вокруг этого хотения вращается. В Сочи инвентаризуется каждый миллиграмм такой возможности завязать какие-то московские связи. Вы заказали за свои кровные шашлык и стакан вина. Кто-то к вам обязательно подойдет – местный спецслужбист, которому положено, или еще кто-то. У вас возникнут связи. Вам просто не дадут их не завязать. Тем более, если вы их уже имеете. Вы уже поставили аж главу кремлевской администрации с краснодарской привязкой! Считайте, что вы побратались с Краснодаром. А значит, с Сочи.

Подчеркну: я не выдумываю и не утверждаю. Я рассуждаю. И никакую тень на плетень не навожу. Я биографию читаю, и все тут.

В 1996 году Николай Егоров возвращается в Краснодарский край: его назначили главой администрации. Вскоре он проигрывает выборы Николаю Кондратенко. А через несколько месяцев умирает от онкологии.

Казалось бы, Устинов должен был идти по нисходящей. Но он идет наверх. В 1997 году он уже зам Генерального прокурора. Генеральный прокурор в это время – Юрий Скуратов.

В 1998 году (Кириенко, как мы помним, заменяет Черномырдина, потом дефолт и премьерство Примакова) Устинов назначен начальником Главного управления Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе. Его первым замом становится Юрий Бирюков. С этого времени Устинов и Бирюков, что называется, работают в прочной связке.

Северный Кавказ – это очень проблемная зона. Она и сейчас проблемная. Но в 1998 году была несравненно более проблемной. Чечня фактически находилась в полунезависимом статусе... Да и вообще... Мне кажется, что тут не нужно ничего развернуто комментировать. Укажем только, что наблюдать за законностью в такой зоне можно только плотно взаимодействуя с так называемыми силовыми структурами. Ничего плохого в таком взаимодействии не вижу. Но указать на это обстоятельство просто обязан.

Итак, повторим, 6 апреля 1999 года Устинов освобожден от должности начальника Главного управления Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе – заместителя Генерального прокурора, сохранив сам пост заместителя Генерального прокурора.

За четыре дня до этого, 2 апреля 1999 года, Скуратов отстранен указом Ельцина от должности на время ведения следствия. История всем знакома. Одновременно с Устиновым Михаил Катышев освобождается от должности начальника Следственного управления, оставаясь простым замом Генерального прокурора. И.о. Генпрокурора стал Юрий Чайка.

Катышева отстранили по понятным причинам – чрезмерная лояльность к Скуратову. Устинова... может быть, причина была в том же самом. А может быть, и нет: он был все же далек от эпицентра происходящего. В любом случае, он сначала «подвис», но потом возвысился. Мы уже поняли, когда он «подвис». А вот возвысился...

В начале августа 1999 года Устинов был назначен исполняющим обязанности Генерального прокурора РФ. А Юрия Чайку (тогдашнего и.о. Генпрокурора) сначала отправили на пенсию. А потом – 17 августа 1999 года – назначили министром юстиции РФ. Но нас здесь, естественно, интересует Устинов.

С чем коррелируется его назначение?

Совершенно понятно с чем. 7 августа 1999 года начинается ваххабитское вторжение в Дагестан. 9 августа Владимир Путин назначен и.о. премьера РФ. А Устинов – и.о. Генпрокурора.

7 мая 2000 года – инаугурация Владимира Путина, ставшего президентом Российской Федерации.

17 мая 2000 года – утверждение Владимира Устинова в качестве Генерального прокурора РФ.

Такие мы пока получаем скудные аналитические данные. В чем-то слишком размытые, в чем-то слишком банальные. Но не будем огорчаться, а продолжим ощупывание всех этих биографо-политических обстоятельств.

Часть 3.

О неочевидной краснодарской специфике

Связь между Владимиром Устиновым и Игорем Сечиным обсуждается очень широко. И это тот редкий случай, когда утверждение о наличии связи не является абсолютной дезинформацией.

При этом понятно, что Устинов, находящийся на очень броской должности, не привилегированное звено в данной связке. А Сечин – звено, безусловно, привилегированное.

Реже обсуждается (но тоже обсуждается) вписанность в данный дуэт краснодарского губернатора Александра Ткачева. С учетом уже обсужденной нами краснодарской специфики Владимира Устинова, рассмотрение фактора Ткачева не является таким уж бессмысленным. Если эта

выписанность есть (а она есть), то ее источником, скорее всего, является Устинов.

Отметим, что Ткачев в 1995 году стал депутатом Госдумы, победив на выборах не кого-нибудь, а аж самого Николая Кондратенко. А в 1996 году он баллотировался на пост губернатора Краснодарского края, но снял свою кандидатуру... как вы думаете, в пользу кого? Правильно! В пользу Николая Егорова!

На выборах 1999 года в Госдуму Ткачев был в очередной раз поддержан губернатором Краснодарского края Николаем Кондратенко. А в 2000 году Кондратенко, отказавшийся баллотироваться на пост краснодарского губернатора, официально поддержал Ткачева на выборах. Ткачев же, победив, предложил Кондратенко стать представителем главы края в Совете Федерации.

Наиболее яркое из приписываемых Ткачеву высказываний звучит так: «Определять, законный мигрант или незаконный, можно по фамилии, точнее, по ее окончанию. Фамилии, оканчивающиеся на "ян", "дзе", "швили", "оглы" – незаконные, так же, как их носители». Степень достоверности высказывания оставим на совести источника («Новая газета», 11–14 июля 2002 года).

Из компартии Ткачев вышел в апреле 2003 года. Поддержав кандидатуру Путина на близящихся выборах, он заявил, что приостанавливает в связи с этим членство в КПРФ.

Давайте начнем что-то с чем-то первично связывать.

У нас что для этого есть?

Первое. Биография Устинова. И внутри этой биографии (абсолютно корректной, лишённой выискивания ненужного, неинтересного для нас компромата) – совокупный краснодарский сюжет.

Очень не люблю оперировать землячествами. Свердловскими, днепропетровскими... Даже Санкт-Петербургскими. Не люблю, потому что имею слишком очевидные контрпримеры. В том числе в своей собственной семье. И потом – ну, родился где-то человек, и что дальше? Почему его надо обязательно к месту рождения социальной пуповиной привязывать?

Итак, сюжет «малой родины» использую очень осторожно. Но в случае с Устиновым считаю это возможным. Потому что действительно: человек и жил с детства в определенном месте, и там же очень долго работал, и оттуда же пошел наверх... И место это достаточно специфическое. Южная Россия чужих не любит, а своих крепко к себе привязывает. В этом есть плюсы и минусы. Главное – это так.

Короче, краснодарская привязка Устинова очевидна. И рассмотрев его биографию, мы в этом окончательно убедились.

Второе. Эта очевидная краснодарская привязка меняет оболочку очевидного альянса Сечин–Устинов.

Сечин в альянсе намного важнее Устинова. Он ближе к Путину. Он корректнее, мягче, аналитичнее... Если хотите, незаметнее, что крайне важно. Но абсолютная весомость Сечина в этом альянсе – фактор не постоянный, а переменный. До тех пор, пока Владимир Владимирович Путин является политической данностью, а не политической проблемой, Сечин тысячекратно перевешивает Устинова.

Важнее всего приобщенность Сечина к нюансам все определяющей и все задающей путинской политики. А также возможность какого-то влияния на эту политику. Но это все важно, когда Путин всеобъемлющ и Сечин должен оперировать этой всеобъемлющей данностью, а не бороться за власть.

А потом, предположим, все меняется. Сечин не хочет этих изменений, как когда-то не хотел их Коржаков. Но изменения начинают зримо маячить на горизонте. И что прикажете делать? (рис. 1).

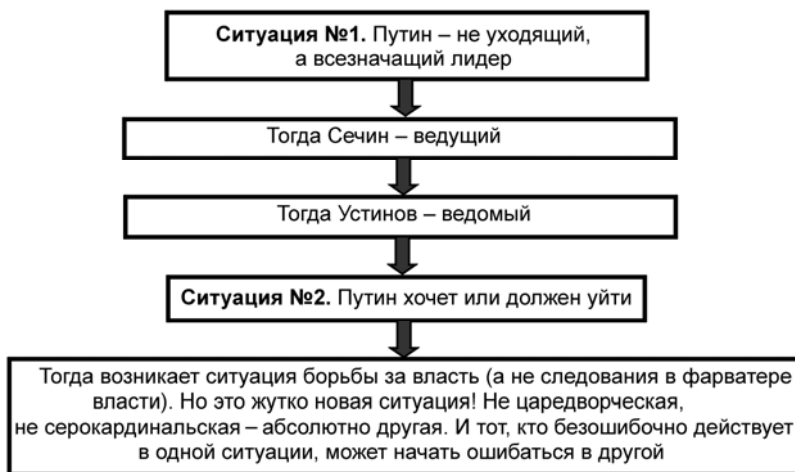

Рис. 1

Борьба за власть – это не оперирование близостью к власти. Это совсем другое. Легитимация близостью остается, но ее значение меняется. Она перестает быть абсолютно значимой. И становится относительно значимой. Потому что нужно бороться за власть. Чью? И – с помощью чего бороться? С опорой на что?

Санкт-петербургский бэкграунд – штука вообще специфическая. Его можно использовать, придя к власти, но на него очень трудно опереться.

А на краснодарский бэкграунд опереться можно. Теперь же (когда всталла задача борьбы за власть) опереться на него еще и нужно. А у кого этот бэкграунд? Не у Сечина – у Устинова. Вес Устинова в тандеме Сечин–Устинов резко меняется.

Между тем дело не сводится к Устинову. Краснодарский бэкграунд, начав работать, далее саморасширяется и самоуглубляется. И, в каком-то смысле, начинает автономизироваться, обособляться от того, кто запустил диалог между этим местным бэкграундом и властными федеральными инстанциями. Сегодня это Устинов и его знакомые. Завтра это знакомые знакомых Устинова. Сегодня это один формат отношений, завтра – другой. Этот бэкграунд обладает способностью к саморазвитию. И по мере его саморазвития роль Устинова как важнейшего посредника, имеющего корни в регионе, только увеличивается.

Кроме того, помимо Устинова, в связке, как уже сказано, есть еще и Ткачев. О том, что краснодарский губернатор вошел в связку Сечин–Устинов в виде третьего элемента, писалось достаточно много (помимо ряда интернет-сайтов, см., например, «Новые Известия» от 14 сентября 2005 года).

Сведущие люди укажут на особые биологические обстоятельства, якобы лимитирующие влияние Ткачева на происходящее. Мы не занимаемся сплетнями. Поэтому отметим только, что история с Ткачевым (нынешним краснодарским губернатором) очень напоминает историю с другим краснодарским губернатором Николаем Егоровым. Это хотелось бы зафиксировать.

Необходимо также оговорить, что вне зависимости от особых «биологических обстоятельств» конкретных людей (если предположить, что они имеют место, а не являются сплетней) краснодарский бэкграунд будет жить своей жизнью. Ткачев как личность может потерять весомость в связи с теми или иными «обстоятельствами». Ткачев как индекс, как условный системный фактор сохранит и вес, и значение. Такова «внечеловеческая», социальная логика любой элитной игры.

А потому мы имеем право зафиксировать следующее (рис.2):

А вот в этой ситуации все цитированные выше фразы по поводу «янов», «швили» и «оглы» приобретают новое значение.

То, что говорит Ткачев в отдельно взятом Краснодаре, волнует не слишком многих. Тем более, что местная осведомленная публика понимает: в реальном окружении Ткачева с «янами», «швили» и «оглы» (а также с теми, кто для Ткачева и Кондратенко «еще страшнее») все обстоит нормально. Ну, не обижаются же на Лужкова за фразу о «лицах кавказской национальности»! Это же не про элиту, не про Церетели! Это так, дань моде, фигура речи, движение в потоке событий...

Рис.2

Кроме того, никто не сомневается, что Сечин – не Ткачев и не Устинов. У него этого рода оголтелости нет. Он работал за границей, ценит международные связи, понимает, как устроен мир. Он, может быть, и не публичен, но гораздо более «цивилизован». И если он реально ведет в определенном процессе, то ничего страшного в том, что ведомые «распускают языки» в отдельно взятом регионе, нет. При том, что регион вообще, с этой точки зрения, достаточно специфичен.

А вот когда ведомые становятся, по сути, ведущими, то эти страшилки с «янами», «швили» и «оглы» эхом разносятся на всю страну.

Кроме того, это ведь не только страшилки.

Или, как говорят сегодня применительно к подобным делам, «есть другой базар». Отвечают ли рассматриваемые фигуры за этот базар – вопрос отдельный. Но в определенной ситуации им «вешают» по определенной логике ответственность за все базары, какие только есть.

Что конкретно я имею в виду?

Часть 4. **Ответственность за не столь уж малый «базар»**

Устинов отстранен 2 июня.

12 мая, помимо отставленных таможенников, о которых позже поговорим отдельно, из ФСБ были удалены несколько достаточно знаковых, так сказать, генералов. Элитная молва сразу «повесила» это на Сечина и Устинова. Но мне-то кажется, что это неверно. Почему кажется? Ну, кажется, и все. Это мое аналитическое право – на стартовую гипотезу. Правильная она или нет, покажет только финиш.

А пока я обращаю внимание (опять-таки, почему обращаю – неважно, хочу – и обращаю) на то, что за несколько дней до генеральского фиаско случилось нечто существенное в, так сказать, негенеральской среде. Точнее – в среде других «генералов» и даже «маршалов».

Конкретно, 9 мая в эмирате Дубай (ОАЭ) был арестован по запросу Испании криминальный авторитет в ранге «вора в законе» Захарий Калашов («Шакро-молодой»), которого считают одним из лидеров так называемой «кавказской преступности» в России и на постсоветском пространстве. Как сообщают СМИ, Калашов был арестован в ходе криминальной «сходки» в ОАЭ с участием ряда авторитетов из стран СНГ.

В ночь с 10 на 11 июня 2006 года задержанный в ОАЭ Калашов был экстрадирован в Испанию на самолете испанских ВВС.

Арест Калашова был произведен по международному ордеру, выданному испанским судьей Фернандо Андрео. Основания для ордера – результаты операции испанских правоохранительных органов «Оса», проведенной в 2005 году.

В ходе этой операции испанские правоохранители задержали 28 человек, в том числе 22 выходца из бывших республик СССР – Грузии, России, Украины, Молдовы. Среди них якобы были и «воры в законе».

Согласно коммюнике, распространенному МВД Испании, все задержанные 28 человек подозреваются в руководстве различными преступными организациями. Якобы они скупали рестораны, банки, другие коммерческие и финансовые структуры, а также виллы и дома. Кроме того, задержанным инкриминировались создание организованной группы для отмыwania преступных доходов, контрабанда нефти, вымогательства, похищения людей и убийства.

В результате операции «Оса» были арестованы 800 счетов в 42 банках, изъяты 232 982 евро наличными, долговые расписки на 100 000 евро, 20 000 евро в дорожных чеках, ювелирные изделия и антиквариат. Были проведены обыски по более чем 40 адресам, наложен арест на 38 вилл, несколько замков и шале. В операции против «русской мафии» участвовали 400 испанских полицейских.

Среди задержанных были также две несовершеннолетние дочери Таризла Ониани, владеющего в Испании крупным строительным бизнесом, которого считают близко связанным с Калашовым и одним из лидеров «кутаисской» оргпреступной группировки.

Ониани – это даже не Калашов. Это нечто большее. Его связи, как всегда в таких случаях, ведут в высокие элитные сферы. Какие именно? Тут кто знает – тот знает, а кто не знает – тому ничего не докажешь. В любом случае – наибольший резонанс полицейская операция вызвала в Грузии. Депутаты даже потребовали от главы парламентского комитета по международным вопросам Константина Габашвили выяснить судьбу дочерей Ониани.

Если кто-то думает, что грузинская элита отделена от московской элиты бетонной непроницаемой стеной новых суверенитетов, то этот «кто-то» глубоко заблуждается. Но мы его заблуждения развеивать не будем. А вместо этого посмотрим на поведение знаковых грузинских фигур.

Народный защитник Грузии (куратор прав человека в республике) Созар Субари обратился с письмом к послу Грузии во Франции и ЮНЕСКО Натии Джапаридзе. В этом письме Субари выразил просьбу извещать его обо всех случаях нарушения прав и свобод граждан Грузии в Испании с тем, чтобы он смог прореагировать на эти факты через свои международные каналы. Субари также направил обращение омбудсмену Каталонии Гаумасу Фуньесу с просьбой осуществлять мониторинг состояния здоровья задержанных в Испании несовершеннолетних граждан Грузии.

После проведения операции «Оса» в 2005 году Калашов и Ониани были объявлены Испанией в международный розыск. При этом Ониани весной 2005 года принял российское гражданство и в настоящий момент проживает в РФ. Таким образом, его выдача затруднена, поскольку Россия не выдает своих граждан другим государствам.

Калашов, в отличие от Ониани, из-за «Осы» (или из-за чего-то другого?) угодил в испанскую тюрьму. Но влияния не потерял. И опять же – если кто-то думает, что это влияние распространяется лишь на преступный мир, то этот «кто-то» фундаментальным образом заблуждается.

Мы, опять же, не будем никого ни в чем убеждать, а вместо этого внимательнее всмотримся в злключения Калашова.

30 января 2006 года «Московский комсомолец» сообщил о том, что в Москве задержан «вор в законе» Георг Диавкнишвили («Гия»). При обыске у него нашли пакет с 30 граммами героина. По сообщению газеты, Диавкнишвили занимался координацией групп, специализирующихся на квартирных кражах, разбоях и хищениях автомобилей.

Среди прочего «Московский комсомолец» указал, что Диавкнишвили близок к Калашову. Вряд ли такое упоминание было случайным. Действительно, слишком несоизмеримы масштабы этих двух личностей: Калашов, которому пресса приписывает операции с нефтью, владение недвижимостью на Западе и много чего еще, и Диавкнишвили, который, если верить той же прессе, всего лишь заправлял квартирными ворами.

8 апреля газета «Свободная Грузия» сообщает о раскрытии совершенного еще в 2000 году похищения гражданина США Александра Крейна. Главный обвиняемый по этому делу – грузинский бизнесмен Мурман Пайлодзе – назвал на допросах в качестве соучастников имена экс-главы МВД Грузии Кахи Таргамадзе и «вора в законе» Калашова.

Потерпевший Крейн – американский бизнесмен, интересы которого распространялись на игорный бизнес. В деле фигурирует московское казино «Кристалл», пайщиком которого якобы является Калашов. Владельцем этой доли Калашов стал после того, как отнял ее у Крейна.

И, наконец, самая пикантная деталь: обвиняемый Пайлодзе – друг Бадри Патаркацишвили. Более того, Пайлодзе посредничал между Патаркацишвили и экс-главой МВД Грузии Таргамадзе.

Пока «швили» – это дядечка, приехавший в Краснодар торговать шашлыками или фруктами, распинайтесь по его поводу сколько угодно. Но когда это другие «швили»... Или даже не «швили», а что-то соседнее, то... внимательно оглядитесь перед тем, как действовать. Не действуйте безоглядно. Таков закон жизни сегодняшней элиты.

Если предположить, что неприятности Калашова и других как-то сопряжены с действиями рассматриваемой нами группы «2+1», то реакции на подобную атаку должны были последовать. И главные реакции рождались, конечно же, не в Тбилиси. А где-нибудь поближе к Москве. Например, в какой-нибудь Жуковке.

На этом фоне привлекает к себе внимание еще один «грузинский» нюанс – реанимация в газете «Московский комсомолец» 13 июня 2006 года темы о «грузинской родне президента» В.Путина (в статье с одноименным названием). При этом необходимо отметить, что вся история с якобы найденной в грузинском селе Метехи подлинной матерью В.Путина была раздута накануне 2000 года – то есть в предвыборный период. Начала ее тогда грузинская пресса, подхватили греческие и немецкие телекомпании, а в с. Метехи приехали два представителя Чеченской Республики Ичкерия в Грузии. После того, как эти представи-

тели задали интересовавшие их вопросы, вышла книга Вахи Ибрагимова «Тайная биография президента России».

Тогда решался вопрос о будущей власти в России. И если теперь инструменты из этого арсенала вновь задействованы, то, вероятно, и объем «властной проблемы» воспринимается заинтересованными сторонами столь же накаленно, что и шесть лет назад.

Но и это еще не все.

Часть 5.

От «базаров» местных и не совсем местных – к чему-то крупному

Дела, подобные калашевскому, не возникают сами по себе. Такие «базары» всегда сопровождают что-то более крупное. Какой-то передел собственности и власти. Имело ли место в интересующий нас период нечто подобное? Куда еще тянутся следы «каких-то разборок»?

Да, задели не только условного краснодарского шашлычника, но и других людей с окончаниями, которые так не нравятся Ткачеву. Однако и эти люди не последняя инстанция. Тянутся ли нити «разборок» в «последнюю инстанцию», главнейшим предбанником в которой является крупная собственность? Вернемся к нашим схемам (рис.3).

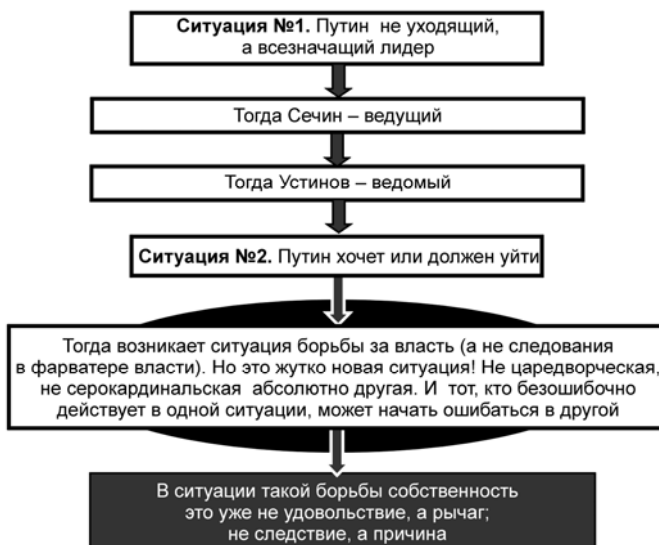

Рис.3

Если власть устойчива и устойчивым образом находится в определенных руках, то собственность – это только подтверждение и следствие статуса. А также гарантия реализации жизненных, в том числе бытовых, возможностей, – для властного человека не всегда столь уж лакомых. Такова ситуация в России.

Мне скажут, что где-нибудь в США она совсем другая. Так Березовский и считал, что он уже находится в США. И что российский капитал должен нанимать власть. Ему и показали, кто кого должен нанимать.

Короче, когда власть в руках, то количество собственности вторично. Первична власть. Конечно, нужно иметь собственность. И ее должно быть много. Но ее не обязательно должно быть ужасно много. А когда нужно брать власть... а точно не знаешь как, при том, что хорошо знаешь, как ею распоряжаться... то начинаешь пытаться превращать собственность из вторичности (следствие власти) в первичность (способ получения власти). И тогда собственности должно быть ужасно много. В пределе – если она вся станет твоя, то тебе легче будет завоевать власть.

От этой общей схемы перейдем к ее же частному подтверждению. Причем окончательно подтвердить тут ничего нельзя. Но что-то существенное высказать можно. Мы это существенное назовем условным подтверждением.

Прежде всего, есть условные (вновь подчеркну – условные) подтверждения нашей схемы в том, что связано с охотой на «Альфа-групп». Очень привычное занятие определенных кланов российской и международной власти.

За «Альфу» взялись в очередной раз. Мотивы очередного раза, видимо, похожи на предыдущие. А предыдущие хорошо понятны. «Альфа» считается важным союзником Демпартии США. И Республиканская партия всячески стимулирует своих российских визави использовать их возможности для подавления «Альфы» в предвыборный период. К этому же разряду относились игры вокруг скандала с «Бэнка оф Нью-Йорк». А также, как я убежден, действия с Ходорковским (хотя в его случае все несколько сложнее).

Ну, так вернемся к «Альфе».

Помимо вышеуказанного мотива, можно полагать, что другим (ничуть не менее важным) мотивом могла стать фундаментальная смена политической позиции «Альфы» в отношении «преемства» президентского поста. Еще летом 2005 года главный аналитик «Альфа-банка» Кристофер Уифер в своем отчете писал, что третий срок Путина будет благом и для России, и для мира. Отметим, что именно рассматриваемая «группа» с индексом Сечин–Устинов считается наиболее активным проводником идеи путинского «третьего срока». Но с весны 2006 года Уифер от этой идеи решительно откестился, заявив о необходимости

соблюдения Конституции и демократических процедур. А в конце мая он сообщил, что кампания борьбы с коррупцией может стать «трамплином для *преемника* Владимира Путина».

В ответ на такую «измену» были нанесены удары.

Далеко не первый из них, но очень важный – пресс-конференция, которую 6 июня в редакции газеты «Известия» дала группа аналитиков, в состав которой входили Виктор Милитарев, Валерий Хомяков и Сергей Марков. Участники пресс-конференции фактически назвали «Альфа-групп» и лично Михаила Фридмана «мотором» готовящегося нового «олигархического переворота».

Устинов был отправлен в отставку 2 июня. И если бы речь шла только о локальном факте (выступлении данной группы аналитиков), можно было бы и не шить «лыко в строку». В любом случае, надо признать: люди, которые уже после отставки Устинова дают такие пресс-конференции, обладают и мужеством, и энергией.

Кроме того, они во многом правы.

Действительно, входящей в «Альфа-групп» как бы российской компанией ТНК-ВР, одним из лидеров отечественной нефтяной отрасли, в реальности управляют англичане Джон Браун и Роберт Дадли.

Действительно, бывший управляющий директор «Альфа-банка» Алекс Кнастер создал в Великобритании несколько инвестфондов с общей капитализацией более 2 млрд. долл., основным пайщиком которых является «Альфа-групп». В частности, один из этих фондов – крупный акционер принадлежащей «Альфе» российской сети супермаркетов «Перекресток».

Действительно, Фридман является единственным российским членом американского «Совета по международным отношениям» и наладил прочные связи с рядом элитных фигур Демпартии США.

И он, действительно, достаточно открыто поддерживает как «либеральный блок» российского правительства, так и российскую оппозицию «оранжевого» оттенка – от Касьянова и Хакамады до соответствующих депутатов Госдумы.

Но всем понятно, что такая политика «Альфа-групп» была бы невозможна, не будучи санкционирована высшей российской властью. Как были бы в таком случае невозможны и достаточно регулярные встречи Фридмана с президентом России.

Кроме того, если перечисленные факты «сомнительной» деятельности «Альфы» начать примерять к другим субъектам российского крупного бизнеса, итог такой примерки будет «столь же прискорбным».

Далее, приведенные на упомянутой пресс-конференции факты никак не тянут на «антипутинский переворот», якобы замысленный нашей олигархией, возглавляемой Фридманом. А ведь вывод именно таков.

И... ведь никто из представителей российского «околополитического сообщества» не читает только газетные статьи и материалы пресс-конференций. Все они знают, что шквал обвинений в адрес «Альфы» начался не 6 июня, когда выступили эти аналитики, известные по предыдущей атаке на Ходорковского. Шквал начался, как минимум, за месяц до этого. И если я фиксирую внимание на этих фактах, то лишь с одной целью – констатировать удары по «Альфе». Хорошая она, плохая – это из другой оперы. Удары были нанесены. Хотя они, в большинстве случаев, не были совсем открытыми.

«Явных» признаков атаки Генпрокуратуры на «Альфу» почти нет. Единственное прямое исключение – январское 2006 г. решение Арбитражного суда. Тогда (прежде всего, в ходе и контексте расследований уголовных обвинений против М.Касьянова и его «подельников») Арбитраж признал незаконным приобретение компанией Фридмана госдачи «Сосновка-3».

А вот не столь явные (но очень значимые) признаки таких атак со стороны того, что сейчас называют «группой Сечина–Устинова» имеются в избытке.

Во-первых, на фоне множества сообщений о претензиях «Газпрома» на принадлежащее ТНК-ВР крупнейшее Ковыктинское газоконденсатное месторождение как-то затерялась информация о том, что на это месторождение, причём давно и настойчиво, претендует связанная с группой Сечина–Устинова британская и американская «Роснефть». А это не только атака на интересы ВР и ее британских и американских акционеров. Это еще и атака на интересы крупнейшей российской клановой группы, связанной с «Газпромом», и на интересы ее зарубежных партнеров (например, в Германии, включая таких гигантов, как «Рургаз», «Басф», «Дойче-Банк»).

Во-вторых, в начале марта «Роснефть» переманила к себе, на должность вице-президента по правовым вопросам, бывшего зам главного юриста ТНК-ВР Ларису Каланда. То есть владельца чрезвычайно подробной и квалифицированной инсайдерской информации о закрытой специфике деятельности конкурента.

В-третьих, нельзя не обратить внимание на то, что в середине мая в суд было передано уголовное дело «по факту незаконной добычи ОАО "Варьеганнефтегаз" ("дочка" ТНК-ВР) 41,5 тыс. тонн нефти», а чуть позже Ханты-Мансийская природоохранная прокуратура открыла еще одно аналогичное дело против другой «дочки» ТНК-ВР, «ТНК-Нижневартовск», где фигурирует уже цифра «незаконной добычи» в 146 тыс. тонн.

Впрочем, есть и признаки того, что у Фридмана и «Альфы» становится «не вполне в шоколаде» с международной и внутрироссийской «базой поддержки».

Проигранный Фридманом в мае в Лондонском королевском суде иск о «защите чести и достоинства» против Березовского – это что?

Это объективность британского правосудия? Возможно.

Это еще и выражение недовольства или даже недоверия главе «Альфа-групп» со стороны британских акционеров и властных интересантов компании ТНК-ВР (напомним, что ВР в достаточно широких кругах называют «Блэр Петролеум»)? Например, недовольства тем, что ТНК-ВР никак не может решить с Кремлем вопрос о начале эксплуатации Ковыкты? Тоже возможно.

Это еще и (повторяю сказанное ранее) неявный эпизод борьбы с «Альфой» (как одним из важнейших российских «центров интересов» ключевых фигур Демпартии США) со стороны американских властных «республиканских» оппонентов и их британских союзников? Опять-таки, не исключено.

Далее, многочисленные протесты и хорошо организованные пикеты в различных городах России, и в том числе в Москве, против избрания Фридмана членом «Общественной палаты» от «Союза семей военнослужащих» – это что? Низовая инициатива общественности, возмущенной тем, что в Палату попал олигарх, никакого отношения к вдовам и детям военнослужащих не имеющий? Или (что намного вероятнее) спланированная акция элитно-клановых конкурентов?

Однако, повторимся, гипотеза о связи отставки Устинова с атакой на «Альффу» все же не может быть окончательно доказана или опровергнута. Она имеет под собой основания. Но не более.

А вот гипотеза о связи этой отставки с двумя другими атаками – атакой на ЛУКОЙЛ (атака №2) и на Транснефть (атака №3) – вполне доказуема.

Во-первых, отставки и «посадки» в НАО (прежде всего, действия в отношении Алексея Баринова) – это прямой удар по дочке ЛУКОЙЛа, «Архангельскгеолдобыче», которая является важнейшим инструментом экспансии ЛУКОЙЛа в Тимано-Печерской нефтяной провинции. А одновременно это «расчистка поляны» для дочки «Роснефти», «Северной нефти» – основного конкурента ЛУКОЙЛовских структур в регионе.

А ведь планы ЛУКОЙЛа на Европейском Севере огромные. Это, прежде всего, разработка серии месторождений, содержащих высококачественную легкую нефть. Это, далее, создание собственного нефтяного терминала в Варандее, откуда эту нефть можно гнать танкерами и в Европу, и, главное, непосредственно в США. В частности, в планах ЛУКОЙЛа – начать крупнотоннажные поставки нефти Тимано-Печоры в США уже в 2010 году.

Почему здесь так важны США? Прежде всего, потому, что уже к настоящему моменту американская «Коноко-Филипс» контролирует поч-

ти 20% акций ЛУКОЙЛа. И это, как говорят осведомленные аналитики, не предел. А главным нюансом в данном альянсе является то, что за «Коноко-Филипс» стоят прямые и непосредственные интересы семьи президента США Джорджа Буша.

Именно этот давний альянс обеспечил ЛУКОЙЛу возможность приобретения в США сети из более чем 2 тысяч бензоколонок.

Именно этот альянс помогает ЛУКОЙЛу приобретать крупные нефтеперерабатывающие активы и сбытовые сети в Восточной Европе (Болгария, Румыния, Словения, Сербия и т.д.).

Именно этот альянс позволил ЛУКОЙЛу купить 9 месторождений нефти в Ханты-Мансийском автономном округе, ранее принадлежавших американской компании «Маратон Ойл».

Именно этот альянс, наконец, позволяет ЛУКОЙЛу чрезвычайно активно входить в нефтедобычу Казахстана, где компания намерена к 2010 году добывать до 10 млн. тонн нефти в год.

А в связи с интересами ЛУКОЙЛа в Казахстане возникает еще одна «точка конфликта» между данной компанией и рассматриваемой нами группой. Недавно «Роснефть» фактически приобрела контроль над ключевым инструментом транзита и экспорта казахстанской нефти – Каспийским трубопроводным консорциумом. То есть получила возможность оказывать серьезное влияние на масштабы экспорта из Казахстана будущей «ЛУКОЙЛовской» нефти.

Наконец, нельзя не отметить, что свежеприобретенные ЛУКОЙЛом активы «Маратон» сразу же оказались под ударом. Так, стало известно, что Федеральное агентство по недропользованию намерено инициировать в «Комиссии по рассмотрению вопросов о досрочном прекращении права пользования участками недр» ряд дел против нефтяных компаний «в связи с нарушением лицензионных соглашений». Причем первыми в очереди стоят дела против теперь уже «ЛУКОЙЛовских» дочек «Маратон Ойл».

Итак, атака №2 – на ЛУКОЙЛ.

Атака №3 – конечно же, на «Транснефть».

Рассматриваемая группа, во-первых, очень «обидела» «Транснефть» мощным «наездом» по поводу дел давно минувших. В том числе требованием предоставить Генпрокуратуре подробный *нынешний* список акционеров и бенефициаров компании.

Во-вторых, «Транснефть» планирует строить в Тимано-Печоре свою экспортную трубу «Харьга – Индига» к терминалу на мысе Святой нос, по которой также намерена экспортировать тимано-печорскую нефть в США. И политический «бенц», который был устроен прокуратурой в НАО, очевидным образом направлен не только против ЛУКОЙЛа, но и против «Транснефти».

Далее, «Транснефть» также претендовала на контроль над Каспийским трубопроводным консорциумом. Причем «Транснефть» не была заинтересована в расширении мощности КТК как своего экспортного трубопроводного конкурента. А «Роснефть» перебежала ей дорогу и требует форсированного наращивания мощности КТК.

Наконец, у «Транснефти» была идея объединить под своей эгидой всех российских магистральных транзитеров углеводородного сырья, включая «Транснефтепродукт» и поставщика сжиженного газа ОАО «СГ-транс». Но эту идею недавно при активном участии того, что сейчас называется «группой Сечина», благополучно «зарубили».

Атаки №1, №2, №3 – что еще?

На этом список претензий российских кланов к «группе» не заканчивается. Наиболее громкая претензия заключается в том, что не чуждый «группе» премьер Михаил Фрадков предложил изъять у Министерства экономического развития и торговли функции управления торговлей, переведя их в отдельное Министерство торговли. А поскольку именно с подачи «группы» у МЭРТ уже отобрали таможенную, при реализации данного проекта «под Грефом» оказался бы только своего рода «планово-программный отдел», лишенный какого-либо экономического (а значит, и политического) влияния.

Греф – атака №4.

Но можно же вспомнить и другие атаки! А вспомнив, установить, что на российской экономико-политической «доске» к лету 2006 года стала складываться диспозиция, вызывающая крайнее недовольство большинства элитных кланов.

Атака №5 – по ЮКОСу.

В результате активных действий «группы», ключевым инструментом которой оказался Устинов, был «развален» ЮКОС.

Атака №6 – противодействие слиянию с Газпромом. «Группа» не только развалила ЮКОС. Она еще и отказалась включить свою «Роснефть» в нефтегазовый «суперхолдинг», то есть «лечь под Газпром», а заодно перехватила наиболее вкусный юкосовский актив – Юганскнефтегаз. А далее эта «группа» продолжила наступление, последовательно ущемляя интересы других крупнейших российских кланов. Кому ж не обидно будет!

А что это все такое вместе? (рис.4)

Я не буду здесь детально расшифровывать, что такое «совсем политически значимые экономические структуры», а также что такое «супертерритория». Те, кто знает, поймут. А тем, кто не знает, объяснять долго и сложно, а доказать – совсем уж трудно.

Так что прошу еще раз подумать над приведенной схемой, где один из крупных политико-экономических субъектов пошел в очень острую

атаку сразу на несколько других, вовсе не менее крупных и влиятельных.

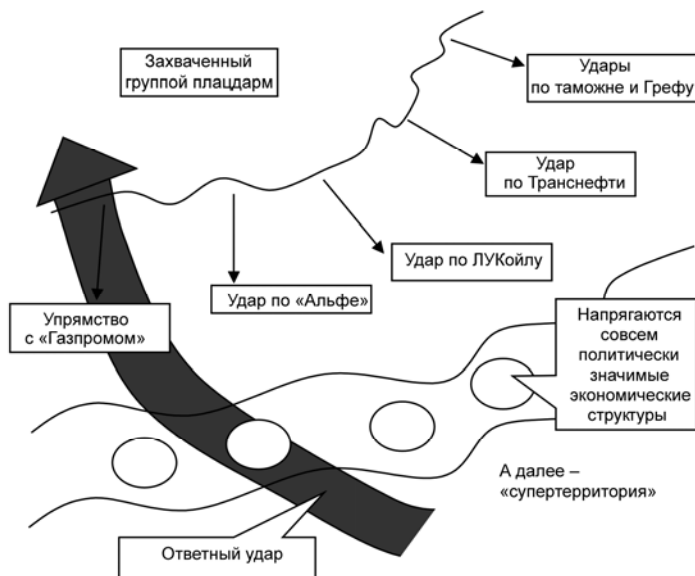

Рис. 4

Вам это ничего не напоминает? А мне – очень многое!

Часть 6. Это – и Коржаков

Сразу же хочу сделать две оговорки.

Первое. По уже названным причинам, показанным на рис. 2 (а не по соображениям придворной корректности), я не хочу называть «группу Устинова» «группой Сечина».

Но журналисты называют так. А поскольку здесь я рассматриваю их последовательные информационные действия (не только это, конечно, но и это тоже, причем в больших дозах), то я вынужден следовать их поименованию.

Второе. Мне придется что-то повторять из того, что уже обсуждалось. Это необходимо в силу новых контекстуальностей, в рамки которых вводится уже предъявленная ранее информация. Не сделай я этого – получаемая картина окажется совсем размытой.

Оговорки названы. Параллель, в ракурсе которой будет вестись последующий анализ, предъявлена. Как дальше говорилось? «За работу, товарищи»?

Между устиновской и коржаковской историями, действительно, могут быть вполне содержательные параллели.

В чем обвиняли Коржакова, кроме общеизвестных эпизодов с швырянием людей лицом в снег, узурпации доступа к первому лицу государства и создания собственного мини-КГБ? Его обвиняли в том, что он пытается подмять под себя наиболее «лакомые» куски собственности и экономические полномочия.

В этом смысле весьма показательным является то, что более или менее открытое обсуждение фигуры Александра Коржакова и его роли в российской политике началось с публикации в газете «Известия» в конце декабря 1994 года письма главы СБП тогдашнему премьер-министру Виктору Черномырдину. В этом письме Коржаков резко выступал против требуемого Международным банком реконструкции и развития (МБРР) введения «недискриминационного доступа к трубопроводам» нефтяных экспортеров (то есть фактической либерализации нефтяного экспорта). По сути это означало крах системы спецэкспортеров (помните, был такой институт в российской экономике?), а значит, и возможности значительного сегмента российской бюрократии паразитировать на нефтеэкспортных доходах.

В своем письме Коржаков почти ультимативно требовал от премьера передать выработку политики в российском нефтяном секторе тогдашнему первому вице-премьеру Олегу Сосковцу, т.е. своему ближайшему соратнику. При этом шеф СБП не мог не знать, что между Черномырдиным и Сосковцом имеет место не просто карьерная конкуренция, а глубочайшая взаимная неприязнь (если не сказать, ненависть). А вину за неправильную, по мнению шефа СБП, политику России в нефтяной сфере Коржаков возлагал на не чуждого Черномырдину Александра Шохина.

Письмо Коржакова было предано огласке. Началось всеобщее обсуждение фигуры главы СБП и его экономических «аппетитов». В какой-то мере это было начало конца до того момента почти всевластной кремлевской группировки. Что же касается судьбы того письма, то оно было передано Черномырдиным «на исполнение», но не «верному коржаковцу» Сосковцу, а вполне благожелательному к премьеру вице-премьеру и министру внешнеэкономических связей Олегу Давыдову.

И вот 12 лет спустя все та же газета «Известия» начинает делать нечто, удивительно похожее на историю с Коржаковым.

В номерах за 17,18 мая и 7,8,9 июня 2006 года «Известия» публикует «газетный сериал» журналиста Владимира Перекреста «За что сидит Михаил Ходорковский?».

Наиболее интересен и примечателен для нас материал от 9 июня. Заметим, что 9 июня – это ровно неделя со дня отставки Устинова.

И тут необходима цитата:

«Свою версию трагической развязки "дела Ходорковского" мне рассказал руководитель PR-агентства, в 2003 году тесно сотрудничавшего с МБХ. Сейчас этот человек, он просил не называть его имени, живет за границей.

По его мнению, Ходорковского подставил Роман Абрамович, который хотел получить контроль над объединенной компанией "ЮКОС-Сибнефть". Напомним, ранее Ходорковский причину своего ареста также объяснял желанием неких сил отобрать у него компанию.

– Абрамович рассчитывал, что руками "силовиков" посадит Ходора, но не всерьез, а дня на три, чтобы попугать, – рассказал бывший пиарщик. – Чтобы тот на нарах подписал отступное в пользу Абрамовича – тогда его бы вытащили.

"Силовики" – это, если верить экспертам, связка Игоря Сечина и генпрокурора (теперь уже бывшего) Владимира Устинова. Их поддерживали, опять же по устойчивому мнению, глава "Роснефти" Сергей Богданчиков и глава Межпромбанка Сергей Пугачев. Именно "силовики", по некоторым сведениям, инициировали доклад СНС об опасности олигархического переворота.

По данным Глеба Павловского, в течение первой половины 2003 года группа действовала наиболее агрессивно. "Силовики" стоят на позициях усиления роли государства в бизнесе, а демократическим ценностям предпочитают православные. Многие тяготеющие к группе предприниматели в 90-х годах не принимали участия в формировании российского бизнеса, ничего не получили и стремились наверстать упущенное.

– Когда защитники Ходорковского, оправдывая его методы ведения бизнеса, говорят, что все так делали, а им отвечают, что не все, то имеют в виду именно предпринимателей из группы "силовиков", которые в 90-х еще не имели серьезных рычагов влияния в политике и бизнесе, – пояснил Павловский. – "Силовики" глубоко презирали тех, кто был во власти и около власти в 90-х, а Ходорковский, безусловно, ассоциировался у них с той элитой.

Нелюбовь кастовая усиливалась коммерческой. Глава "Роснефти" Сергей Богданчиков вряд ли принадлежал к фан-клубу Ходорковского: Дума постоянно принимала выгодные "ЮКОСу" законы, и "Роснефть" не могла с ним конкурировать.

– Рома (Абрамович, – "Известия") постоянно контактил с "силовиками" и добавлял на эти дрожжи, что у Ходора, мол, немереные политические амбиции, что он хочет захватить власть, допустить к недрам американцев, – рассказывал пиарщик. – Понимал, что все это будет передано президенту, они между собой его Вождем называли.

Не оценив всю опасность ситуации, на предложение Абрамовича отдать компанию Ходорковский ответил отказом.

– Войны не будет, развод, – такие слова передал он через адвокатов.

Сейчас трудно сказать, что это было: проявление мужества или уверенность в том, что его обязательно спасут те в администрации, кто представлял либеральное крыло: считается, что возглавлял его Александр Волошин. Сделка "ЮКОСа" с "Сибнефтью", как известно, расстроилась, американцам ничего не досталось. Государство выиграло, отстояв свои интересы. Выгадал и Роман Абрамович: он умудрился продать государству свою компанию, получил абсолютно легальные деньги, и вопрос о сомнительном бизнесе 90-х для него теперь навсегда закрыт.

Что же касается Ходорковского, то его не спасли: может, не смогли, а может, не захотели. Вряд ли кто-то предполагал, что Ходорковскому дадут "на всю катушку". Однако такой финал был предопределен всеми перечисленными факторами – далеко не только теми, что прозвучали в суде. Не спасали Ходорковского и выступления адвокатов и дружественных "ЮКОСу" СМИ – они были сколь шумными, столь и неэффективными и только раззадорили тех, кто решил "дожать" олигарха.

Богатейший человек страны стал знаковой фигурой – символом смены эпох, знаком поражения лидера «разбойничьего капитализма» в схватке с не менее амбициозными «силовиками».

Ну, это уже просто поэма! Нам ведь рисуют не просто картину «расправы злого Сечина с добрым Ходорковским». «Соль» этой истории, видимо, все-таки в другом. Очевидно, что группу Устинова–Сечина, так же как и когда-то группу Коржакова, обвиняют в неумеренных экономических амбициях.

Выше мы уже показали, что почва для таких обвинений имеется. А теперь все же рассмотрим внимательнее под этим углом зрения события последнего времени.

Сюжет №1. Атака на «Альфа-групп»

Прежде всего, напомним, что «Альфа» – это давний объект атак со стороны различных кланово-корпоративных субъектов. И не только российских, но и весьма статусных международных.

В подтверждение нашего тезиса приведем отрывок из интервью анонимного офицера западных спецслужб – специалиста по РФ и бывшему СССР, – данного им известному журналисту Олегу Лурье. Цитата приводится по газете «Версия» от 20 мая 2002 года:

«Давно занимаетесь Россией?»

– Я занимался Советским Союзом в течение многих лет и до недавнего времени Россией.

– И какое впечатление о нынешних российских делах?»

– Россия сегодня представляет собой уникальное явление. Здесь по-прежнему огромна роль олигархов. К тому же Россия превратилась в экономическую колонию. Ее экономика и финансы контролируются и управляются зарубежными компаниями, в основном оффшорными, которыми владеют так называемые русские, но и иностранцы частично тоже. И ваше правительство ничего не хочет с этим делать. Почему? Потому что оно зависит от этих людей.

– А кто из олигархов привлекает ваше наибольшее внимание?

– Нам наиболее интересна «Альфа-групп», потому что это системообразующая группа. И именно на примере этой компании мы можем рассмотреть принципы коммерции большинства российских финансово-промышленных групп.

– Что вы имеете в виду?

– Помните, что я уже сказал о России сегодня? Добавьте к этому то, что законы и судебные решения можно не исполнять, судей покупать, чиновникам на любом уровне давать взятки, вопрос лишь в их размере, использовать в своих интересах правоохранительные органы или судебных приставов – тоже за деньги. При этом заявлять о своих дружеских отношениях на самом высшем уровне, вплоть до президента, даже если это неправда. И все сойдет с рук.

Та же «Альфа» участвовала в создании системы в течение многих лет, особенно активно в период приватизации ТНК. Посмотрите: в совете директоров этой нефтяной компании губернаторы – Собянин, Катананов, Филипенко, Любимов. Вы что думаете, это ничего не дает? Может, по вашему закону это допускается, но с точки зрения мировой практики это возмутительно и невозможно в принципе. Или, например, член правления ТНК Кондрашов, возглавляющий так называемый блок безопасности, – бывший заместитель председателя Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью в Верховном Совете РСФСР, бывший главный судебный пристав, заместитель министра юстиции РФ. А бывшие высокопоставленные сотрудники МВД, Генпрокуратуры, которые сегодня работают в ТНК, – это что, просто так? У них у всех есть друзья, к которым можно обратиться и дать им денег. Путин и Устинов уже два года говорят о коррупции, но изменений нет. Они и сами это признают.

– А как насчет международной деятельности российских бизнесменов?

– Все то же самое. Возьмем опять-таки в качестве примера ту же «Альфа-групп». Знаете, ведь в принципе это не российская группа. Ее основная часть состоит из многочисленных компаний в разных странах мира. Через такие сложные структуры уходят деньги из России. Те самые деньги, которые могли быть выплачены своим российским родственным компаниям. Они же отмывают незаконно заработанные деньги, которые оседают в оффшорах или реинвестируются в экономику Запада, как это было с приобретением «Альфой» телекоммуникационной компании «Голден Телеком».

Посмотрите документы Комиссии по ценным бумагам и биржам США по этой сделке, они общедоступны, – очень интересно. Ни одной российской компании со стороны «Альфы». В списке руководителей этих структур сплошной интернационал, в том числе лица, которые возглавляют или являются акционерами весьма подозрительных оффшорных фирм. Приобретение совершено на деньги, полученные в результате мошенничества. И результат соответствующий: скандал на Украине, где возбуждено уголовное дело против «Голден Телеком» по обвинению в мошенничестве.

– И как на это смотрят на Западе?

– Деятельность таких структур, как «Альфа-групп», да и некоторых других российских структур, представляет угрозу национальной безопасности ряда стран. Возьмем Россию: нарушения валютного, банковского, таможенного законодательства, отмывание денег, мошенничество, взяточничество, уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах и так далее. Великобритания: финансовое мошенничество в целях уклонения от уплаты налогов в особо крупных размерах. США: уклонение от уплаты налогов физическими лицами в особо крупных размерах. Везде речь идет и о компаниях, и о частных лицах – русских, американцах, англичанах. Гибралтар – взяточничество. Новая Зеландия – нарушение регулирования банковской деятельности, финансовые махинации. Украина – тот же набор, что и в России.

В структурах «Альфы», например в компаниях группы «Краун» и подконтрольных оффшорных компаниях, работают местные граждане, часто бывшие высокопоставленные правительственные чиновники. Такие, как англичанин Джозеф Мосс, – найдите его биографию, занятая история. Или Эллиот Спитц – гражданин США. С ним много фирм связано, в прошлом и настоящем, кстати, в том числе на Украине. И везде сплошные махинации».

Цитата, как видим, вполне показательная. Однако вернемся к событиям нынешнего 2006 года.

25 апреля газета «Деловой Вторник» сообщает, что член Комитета Госдумы по безопасности Н.Леонов обратился к Н.Патрушеву и С.Лебедеву с просьбой предоставить информацию о возможном сотрудничестве «Альфа-групп» с пиар-агентством Kreab, возглавляемым экс-премьером Швеции К.Бильдом (Бильд поддерживает тесные отношения с Советом по внешним сношениям США) и британским детективным агентством Dilligens, основанным бывшим агентом MI-6 Н.Деем. (В 2004 г. 2 сотрудника Dilligens были задержаны в Эстонии по подозрению в слежке за Фрадковым.)

11 мая «Комсомольская правда» пишет об уже упоминавшемся нами выше московском митинге представителей Международного союза общественных объединений ветеранов ВС и правоохранительных органов против избрания М.Фридмана в состав ОП. И добавляет, что подобные акции в апреле прошли в Пскове, Вел. Новгороде, Волгограде, Бар-

науле, Саратове и что их участники собрали подписи под призывом не допустить использования ветеранских организаций в качестве «прикрытия» олигархов.

На следующий день – 12 мая – происходят знаменитые скандальные отставки в ФСБ, ФТС и Совете Федерации.

23 мая «Ведомости» сообщают, что Арбитражный суд в Цюрихе отказал ИРОС в притязаниях на 19,4% акций «Мегафона», которые летом 2003 г. приобрела «Альфа-групп». Арбитраж постановил, что Свидетель №7 («в котором узнается Л.Рейман») организовал незаконные сделки, деньгами от которых фонд ИРОС пытался оплатить акции «Мегафона»; был конечным бенефициаром этого фонда и еще ряда оффшоров; руководил сделками, ведущими к размыванию акционерного капитала, что привело к незаконному присвоению им собственности.

24 мая те же «Ведомости» цитируют заявление Реймана о том, что он «никогда не являлся бенефициаром фонда ИРОС и аффилированных с ним компаний».

То есть, на первый взгляд, здесь прямого следа деятельности рассматриваемой нами группы не просматривается. Однако следим за событиями дальше.

26 мая в «Известиях» Радзиховский размышляет о судьбах «Альфы»: «За последний год у "Альфа-групп" нарастают проблемы внутри страны, но в то же время удачно проходят сделки за рубежом. Не является ли это на самом деле постепенным "выводом активов"? Если да, то это не только личная проблема Фридмана. Есть общая проблема – активная маргинализация прозападно настроенных людей внутри страны. И если «Альфа» свернет свой бизнес в РФ (или ее свернут) – это сигнал, что «опасный процесс пошел по нарастающей».

То есть Радзиховский уже почти в открытую пишет о возможности «комплексного наезда» на «Альффу». А такой «наезд» вряд ли может быть делом одного только Реймана. И это подтверждают события следующих дней.

8 июня «Время новостей» сообщает, что, как уже говорилось выше, директор Института политических исследований С.Марков, председатель СНС В.Хомяков и вице-президент Института национальной стратегии В.Милитарев заявили, что в 2007–2008 гг. России ждет нестабильность. Один из факторов нестабильности – глава «Альфа-групп» М.Фридман. По мнению Хомякова, отставка Устинова свидетельствует о том, что началась борьба межэлитных группировок и что «Альфа-групп» явно намерена проводить своих людей на посты премьера и спикера ГД. Милитарев считает, что со стороны части олигархов, возглавляемых Фридманом, возможна попытка реванша.

Отметим две вещи.

Во-первых, один из авторов «антиальфовского доклада», В.Хомяков, увязывает политическую активность Фридмана с отставкой Устинова.

Во-вторых, и Марков, и Хомяков были авторами «антиходорковско-го доклада» 2003 года, открывшего «охоту на ЮКОС». Напомним, что тогда «заказчиками» этого документа называли именно ту группу, к которой принадлежит Устинов.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что даже если группа Устинова не стоит за последними «антиальфовскими наездами», то заинтересованные наблюдатели могут найти в происходящем признаки того, что под Фридмана «копает» именно эта группа. Так это или нет – вопрос отдельный. Но впечатление об именно таком авторстве «наезда» на «Альфу» создается достаточно устойчивое.

Сюжет №2. Дерипаска

Как известно, 12 мая в числе сенаторов, чьи полномочия потребовал прекратить спикер Совета Федерации Сергей Миронов, был и сенатор от Хакасии Аркадий Саркисян.

Саркисян – это давний соратник главы холдинга «БазЭл» Олега Дерипаски. А Хакасия – ключевой регион для Дерипаски.

Хакаские парламентарии сначала отказались прекратить полномочия Саркисяна. Но затем сам сенатор попросил об отставке. Однако синхронно с этим события развивались следующим образом.

24 мая «Коммерсант» сообщил, что в Хакасию по инициативе Генпрокуратуры РФ (ее в тот момент возглавлял еще Устинов!) прибыла межведомственная комиссия, которой поручено проверить деятельность А.Саркисяна. По информации местных информагентств, ревизоры проводят проверку в правительстве Хакасии и администрации Саяногорска (Саркисян с 1995 г. работал замгендиректора по безопасности АО «Саянал»). Глава Хакасии Алексей Лебедь вылетел в Москву.

Два дня спустя – 26 мая – «Известия» информируют читателей о том, что бригада Генпрокуратуры (вновь Генпрокуратура!) и МВД РФ будет расследовать в Хакасии ранее «спущенные на тормозах» уголовные дела. В частности, дело об уклонении от уплаты налогов Саяно-Шушенской ГЭС, возбужденное в отношении ее руководителей и бизнесменов С.Ящечкина и С.Светлицкого. Ящечкин – друг главы Хакасии Лебеда.

Источники отмечают, что по необъяснимым причинам не было возбуждено дело в отношении некоего Антия, мужа сестры жены Лебеда. Он якобы руководил спиртзаводом «Тепсей» и подозревался в незаконном возврате НДС в размере \$2 млн. В поле зрения правоохранительных органов попадут и отношения Лебеда с главой фирмы «Мавр» В.Ромашовым. Бизнес Ромашова строится на партнерстве с сибирским управлением госрезерва, которым заведует однокашник А.Лебеда О.Шейко.

29 мая «Коммерсант» сообщает, что глава Хакасии Лебедь провел специальную пресс-конференцию, чтобы опровергнуть информацию о его связях с криминалом. Публикацию «Известий» Лебедь расценил как начало кампании по его смещению.

В день отставки Устинова – 2 июня – правительственная «Российская газета» сообщает о возбуждении уголовного дела в отношении бывшего чиновника в хакасской администрации В.Цыганка, члена правления Центрально-Азиатского банка (Цыганок руководил предвыборным штабом Лебеда).

В тот же день Совет Федерации проголосовал за прекращение полномочий сенатора Саркисяна.

То есть над А.Лебедем – главой ключевого для Дерипаски региона, Хакасии, – «тучи сгушались» не хуже, чем над Бариновым. И «сгушались» они при активном участии Генпрокуратуры. Результат, правда, пока что оказался другим.

Возможно, что «наезд» на Лебеда – это всего лишь месть за неговорчивость хакасских властей в ситуации с отставкой Саркисяна. А возможно, дело обстоит значительно серьезнее.

Но в данном сюжете есть и еще один интересный «поворот темы». «Страсти» по Саркисяну и Лебедю разгорались в тот момент, когда высокоинформированная и крайне уважаемая газета «Ведомости» начала обсуждать тему передела собственности Дерипаски на других – «нехакасских» – полянах.

30 мая «Ведомости» сообщают, что совладелец Rosukrenergo Дмитрий Фирташ оказался крупнейшим акционером компании «Зангас», правопреемницы «Зарубежнефтегазстрой». В 2002 г. Фирташ и Игорь Фишерман купили 75% акций «Зангаса» у прежних владельцев, среди которых В.Беляев (экс-топ-менеджер Дерипаски), Гарри Лучанский, М.Черной и др. Михаил Черной подтвердил, что владел крупным пакетом акций «Зангаса», но покупатели не рассчитались в срок, задолжав \$5 млн.

Фирташ купил «Зангас» четыре года назад! А обсуждать это начали только сейчас. Кроме того, Фирташ вроде бы не принадлежит к анализируемой нами группе. И тут возникает множество вопросов и версий. То ли эта группа, когда речь идет в вопросе о переделе собственности, действует в тандеме с другими группами, то ли «кто-то» сам ведет передел собственности, а «переводит стрелки» на «группу Устинова». Не исключен и третий вариант: «сечинцы» (условно принятое обозначение) начали атаку на Дерипаску, а этой атакой воспользовалась «третья сила», которая оттерла т.н. «группу Сечина» от «добычи» в самый «вкусный» момент. Возможно такое? А почему бы нет?

Выше мы уже приводили пример с таможней. Там атаку на старое руководство ФТС начала условно «просечинская» Генпрокуратура, а

результатами воспользовались условная «бельяниновско-чемизовская» группа, связанная с «Рособоронэкспортом».

Сюжет № 3. «Газпромский»

И вновь данные открытой прессы.

19 мая «Московские новости», комментируя перестановки в ФТС и ФСБ, обращают внимание читателей на то, что отправленный в отставку замначальника Оперативно-розыскного управления службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ генерал-майор Колесников был правой рукой отправленного в отставку более года назад начальника управления Ивана Миронова. В 90-х гг. Миронов встретился с Виктором Черномырдиным и далее занимался «решением некоторых вопросов» в интересах «Газпрома».

Подчеркнем, что статья в «Московских новостях» с этой информацией называется «След таможенный или газовый?». И напомним, что в числе инициаторов отставок в ФСБ называлась именно «сечинская группа».

Но «газовый сюжет» будет неполным без еще одной маленькой детали.

2 июня (в день отставки Устинова!) «Ведомости» сообщают, что венгерский газовый трейдер Emfesz при посредничестве совладельца Rosukrenergo Фирташа договаривается о покупке «Газинвеста» (принадлежит экс-министру топлива и энергетики, соратнику Рэма Вяхирева Петру Родионову). «Газинвесту» принадлежит 50% в Печорнефтегаз-проме, имеющем лицензии на 5 месторождений в НАО.

Здесь все интересно.

Во-первых, речь идет о переделе сфер влияния в «Газпроме».

Во-вторых, опять в центре внимания Дмитрий Фирташ – фигура, скажем так, не публичная.

В-третьих, передел газовых активов влечет за собой практически автоматически передел сфер влияния в НАО. В том самом НАО, где только что сняли сенатора и арестовали губернатора и где «пересекаются» еще и интересы ЛУКОЙЛа и «Роснефти».

И здесь следует обратить внимание на заявление Станислава Белковского о том, что отставленные сенаторы Сабадаш и Саркисян выстроили свои бизнес-империи на паях с отставленными генералами ФСБ Колесниковым, Плотниковым и Фоменко. Если Белковский прав, то «наезд» на генералов ФСБ, Сабадаша и губернатора НАО Баринова – это звенья одной цепи. И целью этих «наездов» не может не быть передел собственности в НАО, причем уже и с «заездом» в «Газпром».

Причем большинство наблюдателей считают, что этот передел начала «группа Сечина». Действовала ли она одна в этом переделе? Или она начала, а кто-то воспользовался ситуацией и перехватил позиции? Это

все вопросы деликатные. Но активность данной группы в инициировании передела собственности налицо.

Что действительно очень напоминает действия группы Коржакова образца 1995–1996 гг., когда главе СБП «до всего было дело» в вопросах экономики. Коржаков тогда фактически решал многие вопросы в медиа-бизнесе, металлургии, нефтяном секторе, импорте продовольствия и т.д. И многие тогда считали, что «коржаковцы» действительно стремятся монополизировать контроль над всеми ключевыми экспортными сегментами экономики России.

Напомним и еще одну маленькую деталь, которая сближает тогдашнюю ситуацию с нынешней. Понятия «олигархия», «семибанкирщина» и т.д. появились именно после отставки Коржакова, когда российские «экономические магнаты» получили реальный доступ к рычагам политического управления страной.

Это не значит, что до этого они такого доступа не имели. Конечно, имели, но в ином качестве. До отставки Коржакова не было понятия «олигарх». Березовский (равно как и его друг-враг Гусинский) не был конфидентом главы государства и его приближенных. Он был одним из «людей Коржакова», всецело от него зависящим. А что, Березовский был такой один? Весь класс крупных собственников в России был в тот момент почти «клиентеллой» бюрократических кланов.

В какой-то момент группа Коржакова решила, что она может получить монопольные позиции в российской экономике и власти. И это стало фатальной ошибкой «коржаковцев».

Во-первых, это сразу же настроило против Коржакова все остальные бюрократические кланы и (что самое важное!) самого Ельцина. Действительно, если Коржаков и Сосковец смогут «рулить» всем сами, зачем им Ельцин? Видимо, эта мысль, возникшая однажды в голове первого президента РФ, и стала роковой для «коржаковцев». В какой-то мере это выразил сам Ельцин, комментируя отставку Коржакова, Барсукова и Сосковца словами: «Много стали на себя брать и мало отдавать».

Во-вторых, это напугало некоторых «клиентов» (того же Березовского, например) самой группы Коржакова. Которые поняли, что резкое усиление «патронов» делает их заложниками ситуации. Сегодня ты своему «патрону» угоден, а что будет завтра?..

В-третьих, есть и международный фактор. Резкое усиление «коржаковцев» в России означало и резкое усиление позиций их зарубежных партнеров. Это кто такое потерпит?

Тогда вызов усилению «коржаковцев» бросил крупный капитал своим знаменитым «письмом 13-ти». В этом письме будущие «олигархи» заявили о своих претензиях на то, чтобы быть не просто чьей-то «клиентеллой», а классом крупного капитала.

Ситуация в России после отставки Коржакова – это фактически ситуация доминирования собственности над властью. В частности, Березовский из скромного посетителя коржаковской приемной на время превратился в одного из хозяев ключевых отставок и назначений.

Однако усиление так называемой «олигархии» не привело к созданию консолидированного капиталистического класса. Члены «семибанкирской клики» оказались слишком индивидуалистичны и слишком антагонистичны друг другу, чтобы сохранить хотя бы элементарную стабильность власти. Результат – «олигархические войны» 1997–2000 гг. и приход Путина.

Период Путина – это снижение роли собственности по отношению к власти. Те из «олигархов» образца 1990-х гг., кто сумел «сохраниться на плаву», в какой-то степени вновь превратились в «клиентеллу» госбюрократии и ее силового компонента.

И в той мере, в какой это произошло, сегодняшняя ситуация – достаточно близкий и многозначительный аналог ситуации 1995–1996 гг.

Часть 7. **Отставка Устинова – фактор странностей**

Однако только историческими параллелями сыг не будешь. Далее я просто обязан говорить о неких очевидных странностях, сопровождавших отставку генпрокурора, которые в определенной мере как раз и доказывают мою базовую гипотезу.

Каковы же эти очевидные странности?

Странность №1. Неожиданность. Отставку Устинова не прогнозировал никто. Никаких «утечек» о возможности такой кадровой рокировки также не было.

Странность №2. Нарушение процедуры отставки. Сенаторам не было представлено собственное заявление Устинова, на основании которого президент Владимир Путин, возможно, и подписал представление об отставке. Кроме того, генпрокурор не явился в Совет Федерации на голосование по вопросу собственной отставки, хотя по существующим законам был обязан отчитаться перед сенаторами о проделанной работе.

Странность №3. Неадекватность реакции некоторых официальных лиц. По информации «Московского комсомольца» от 3 июля, руководитель Управления информации Генпрокуратуры Наталья Вишнякова в ответ на просьбу прокомментировать отставку Устинова заявила корреспондентке РИА «Новости»: «Пошла ты на фиг» (цитата – из «Московского комсомольца»). Впрочем, через 20 минут руководство агентства принесло извинения читателям за «некорректный материал, ошибочно выпущенный на ленту».

Такая эмоциональная реакция Вишняковой говорит о том, что аппарат Генпрокуратуры не только не был готов к отставке своего руководителя, но и, видимо, до последней минуты также просто не знал об этом событии.

Странность №4. «Непрозрачность» мотивов отставки. Тут даже комментировать ничего не надо. То ли сам генпрокурор запросился в отставку, то ли его принудили. То ли он заболел, то ли...

Странность №5. Подчеркнутое нежелание сенаторов обсуждать мотивы отставки генпрокурора.

Так, во время постановки вопроса об отставке Устинова на голосование лишь один (!) сенатор Валерий Судариков поинтересовался возможными причинами. На это глава комитета СФ по судебным и правовым вопросам Андрей Вавилов заявил, что «президент не обязан объяснять мотивы своего решения». А еще откровеннее выразился в интервью «Московским новостям» от 9 июня глава сенатского комитета по конституционному законодательству Юрий Шарандин:

«Когда мне заявляют: "Общество желает знать", я отвечаю: "Общество знает про Генпрокуратуру ровно столько, сколько знает и СФ". Мы не считали нужным разбираться в причинах отставки, потому что у нас было личное заявление Устинова. С формальной точки зрения вместе с представлением президента этого достаточно для принятия решения. Так нет же, кому-то нужно еще и в анализы залезть... Для журналиста, политического деятеля такая позиция допустима, но для представителей власти причины отставки значения не имеют. Я голосовал за президента, я дал ему мандат доверия. Президент исполнил то, что положено по Конституции. Все.

Не нравится? Так боритесь, создавайте общественно-партийные структуры, вносите изменения в закон, чтобы данные о генпрокуроре публиковались в открытой прессе. Если общество это поддержит – так тому и быть. Но пока в законе этого нет.

Мы же с коллегами поборолись, когда генпрокурор перестал приходить в Совет Федерации. В законе было записано: генпрокурор ежегодно представляет в СФ доклад о состоянии законности. Раньше никаких проблем не возникало: прокуроры приходили и выступали с докладом. А последние пару лет доклад нам просто присылали или его зачитывал замгенпрокурора. СФ с этим не согласился, и с нашей подачи были внесены поправки в закон, которые обязали генпрокурора лично представлять доклад».

Странность №6. Разногласия в комментариях официальных лиц. Спикер СФ Сергей Миронов 2 июня назвал отставку Устинова «технической». В тот же день анонимный представитель АП в интервью «Интерфаксу» связал отставку генпрокурора с желанием Путина провести

кадровые перестановки. То есть отставки продолжатся? Но тогда в чем «технический» характер ухода Устинова?

Таким образом, можно говорить, что отставка Владимира Устинова действительно стала результатом какой-то «непрозрачной» клановой коллизии. И необходимость герменевтики данного события порождена не нашими «эссенциальными» страстями (проще – попытками искать неочевидное в очевидном), а реальностью. Так и продолжу ее описывать. А также анализировать.

Часть 8.

Отставка Владимира Устинова в так называемом «неовизантийском контексте»

Большинство экспертов оценивают отставку Владимира Устинова как тяжелое поражение «группы Игоря Сечина». Мы не имеем никаких особых оснований для того, чтобы подтверждать или опровергать данные утверждения. Но, поскольку они наличествуют, нам важно придать подобной оценке более структурный характер. То есть «размять» сценарии, доартикулировать обстоятельства. Впоследствии это может пригодиться. А пока – является просто абсолютно необходимой рутинной, без которой невозможно двигаться дальше.

Рутина так рутина. Аналитическая деятельность, которой мы занялись, без рутины в принципе невозможна.

Последствия отставки генерального прокурора Владимира Устинова можно – в предложенном не нами, но нами рассматриваемом кланово-групповом ракурсе – разделить на собственно политические и политико-психологические.

Собственно политические последствия – это потеря группой Сечина важнейшей позиции в государственном аппарате. Основная функция Генпрокуратуры – надзор за соблюдением законности в различных сферах российской жизни – позволяет собирать и контролировать эксклюзивную информацию о тех или иных правонарушениях, сомнительных деяниях и т.д. Кроме того, возможности генпрокурора просто уникальны с точки зрения возможностей преследования клановых оппонентов. Так что потеря контроля над этим ведомством – безусловно, очень серьезный удар по Сечину и рассматриваемой группе.

Политико-психологические последствия тоже достаточно тяжелы. Знал ли Сечин о предстоящей отставке Устинова?

Если знал – то не смог противодействовать. Что говорит о том, что Сечин слаб и не может защитить своего ставленника.

А если не знал... Тогда ситуация еще хуже, так как «читают» такой сюжет определенным образом: «Раз Сечин не знал об отставке своего

родственника Устинова, значит, он не только ослаб, но и уже не входит в круг особо доверенных лиц президента».

Таким образом, оба варианта – и информированности Сечина об отставке Устинова, и неинформированности Сечина – это удар по имиджу «сечинской команды» в глазах окружения Путина и бюрократического аппарата в целом. Но и это еще не все.

Отставка Устинова – событие почти беспрецедентное в том смысле, что Путин отправил в отставку человека, известного исключительной лояльностью к главе государства.

Отметим, что отставки Устинова неоднократно требовали и раньше. Его обвиняли то в получении «слишком шикарной» квартиры, то в некомпетентности, то в игнорировании расследования «резонансных» дел, то, напротив, в специфической заинтересованности в возбуждении этих дел и особой строгости к подследственным. Но Путин, фактически, ни разу даже не прореагировал всерьез на критику в адрес генпрокурора.

Это особенно показательно, поскольку важнейшими личными чертами Путина как главы государства в его отношениях с подчиненными называют, с одной стороны, высокую требовательность по части личной лояльности президенту и, с другой стороны, его нежелание «сдавать своих», вне зависимости от того, какое они вызывают раздражение в России или за рубежом. И, значит, для того, чтобы Устинов настолько «перестал быть своим», должны быть очень веские причины.

Каковы же эти причины? Каковы возможные ошибки генпрокурора, которые сам Путин или его приближенные могли трактовать как нелояльность Устинова (его ли только или сечинской группы в целом – отдельный вопрос) президенту?

В порядке предположения можно назвать несколько ошибок такого рода.

Гипотетическая ошибка №1. Нарушение кланового баланса. В последние недели очень много говорилось о резком росте влияния группы Сечина в результате перестановок в таможне, ФСБ, среди сенаторов, а также в результате антикоррупционных расследований. Но резкое усиление одной группы в окружении главы государства – это всегда предмет недовольства не только остальных групп, но и самого президента. Который явно не заинтересован в том, чтобы оказаться заложником амбиций единственного клана, одолевающего всех конкурентов.

Гипотетическая ошибка №2. В СМИ широко обсуждается якобы намечившийся в последнее время альянс Сечина и Устинова с мэром Москвы Юрием Лужковым. Чтобы не быть голословным, приведу хотя бы такую цитату: «Возможно, свою роль сыграли слухи об альянсе Устинов – Сечин – Лужков: в этой безобидной политической комбинации *(ничего себе, безобидная! – С.К.)*, имевшей, скорее всего, цель исполь-

зывать Лужкова против неугодных клану кандидатов в президенты типа Медведева или Иванова, президент мог увидеть более зловещий смысл (Ю.Латынина, «Новая газета» №42, 5 июня 2006 года).

А вот вам, пожалуйста, еще: «Орешкин отметил, что в последнее время сложилась довольно сильная группировка силовиков, состоящая из замглавы администрации президента Игоря Сечина, генпрокурора Устинова, а также московского мэра Юрия Лужкова. Сечин и Устинов вполне подконтрольные фигуры. Но в союзе с Лужковым становятся очень мощной силой – в финансовом плане, а также будут подкреплены территориальной структурой. Возможно, что президент счел, что эта группировка будет слишком влиятельной, и решил уменьшить ее силу». («Газета.Ру», «Полномочные преемники Путина», 2 июня 2006 года).

В какой мере союз с Лужковым правда – вопрос сложный и отдельный. Но мы обязаны зафиксировать все гипотезы. В том числе эту. Ведь дело не в самих связях! Одна лишь версия о наличии такого сближения не могла не вызвать обеспокоенности Путина. Хотя бы потому, что московский мэр все еще воспринимается в Кремле как возможный претендент на президентское кресло.

Гипотетическая ошибка №3. Процессуальная. «Коммерсант» от 3 июня пишет о том, что Генпрокуратура решилась на арест и предъявление обвинений губернатору НАО Баринову без визы главы государства. Если это так, то подобное «самоуправство» Устинова не могло не насторожить Путина – и как нарушение субординации, и как прецедент. Сегодня без визы президента арестовывают губернатора, а завтра кого?

В связи с этим в СМИ (в частности, весьма влиятельном и «властно-приближенном» журнале «Эксперт») уже обсуждается гипотеза о том, что Устинов решил продемонстрировать свои возможности и показать, что прокуратура – это весьма эффективный инструмент установления контроля практически над всеми ветвями власти (Советом Федерации, губернаторами и т.д.).

Гипотетическая ошибка №4. Обратимся к общесистемной исторической аналогии. Многие аналитики считают, что роковой ошибкой Евгения Примакова в ходе противостояния с Борисом Березовским в 1999 году стала атака на «Сибнефть». Именно эта атака сделала потенциальных союзников Примакова в «Семье» его врагами. Примаков считал, что, «наезжая» на «Сибнефть», он атакует только Березовского, а реально задел интересы значительно более широкого круга властных лиц, включая своих возможных союзников.

Применяя метод аналогии, рискнем предположить, что в истории с Устиновым произошло нечто подобное. Ведь желание сотрудников Генпрокуратуры знать реальных владельцев акций «Транснефти» могло вывести на очень влиятельные персоны. Которые из потенциальных

союзников Устинова и Сечина (или фигур, относящихся к ним в целом нейтрально) в этом случае сразу становились их врагами.

Гипотетическая ошибка №5. Атака на ЛУКОЙЛ. Здесь опять же можно сослаться на СМИ, например, на ту же Латынину: «В течение трех недель одна из самых могущественных кремлевских группировок преобразовала удар по таможне, нанесенный с использованием президента в качестве стратегического оружия, в удар, нанесенный по опорным точкам ЛУКОЙЛа. И, как выяснилось, перебрала».

Насчет таможни, как мы уже говорили, указанная могущественная группировка, о которой говорит Латынина, если и была инициатором старта «зачистки», то успешным «финалистом» не стала. Таможню получила другая группировка (условно «чемезовско-бельяниновская») и тут же стала достаточно уверенно зачищать все, что связано со стартовавшей группой. Что никак не могло происходить без соответствующих высоких санкций.

А вот ЛУКОЙЛ – это, конечно, во многих смыслах «особ статья». Это и интересы Дмитрия Медведева, и, как мы уже говорили... скажем так – специнтерес семьи Бушей. Не американцев вообще, а именно этой высокопривилегированной семьи.

В связи с уже обсужденными атаками власти на «Альфа-Групп» подчеркнем разницу. «Альфа» – это «поле законной охоты», поскольку имеет общеизвестную привязку к Демпартии США и британским элитам (напомним расшифровку «Блэр Петролеум»).

ЛУКОЙЛ имеет другую привязку (бессвязных субъектов – то есть российских субъектов, не имеющих международного партнера, в нынешней нефтяной игре просто не существует). Мы знаем, что борьба в США семьи Буша (а особенно связки Буш-отец–Киссинджер) с неоконсервативной группой Чейни–Рамсфелда входит в решающую фазу. Но группа Чейни–Рамсфелда пока не рискует напрямую атаковать собственный клан президента США. Если российский партнер группы Чейни–Рамсфелда решился на лобовую атаку на российского же партнера семьи Буша, то он оказался «намного правовернее Папы Римского». Правовернее и, что еще хуже, торопливее. А вот это действительно не прощают.

Но и это, повторим, не все. Атаковав сразу Транснефть (одна из гипотез), ЛУКОЙЛ (другая гипотеза) и «Альфу», клан, который мы рассматриваем, действительно, «перебрал». Поскольку заставил объединиться то, что никогда не объединилось бы при других условиях.

И еще раз повторимся, что были в новейшей российской истории подобные «неосторожные» прецеденты. Так действовал Коржаков, но так же действовал и гораздо более опытный Примаков. Так действовал Чубайс, но так же действовал и его «заклятый друг» Березовский.

Почему не предположить нечто подобное в данном случае? Самим таким предположением мы вновь вывели себя на поле зыбких исторических параллелей. Так «доиграем» их до конца.

Часть 9.

Отставки и назначения генерального прокурора РФ в новейшей истории России

9.1. Процедурный аспект

Процедура отставки и назначения генерального прокурора РФ менялась несколько раз в течение постсоветской истории России.

15 декабря 1990 года в Конституцию РСФСР были внесены поправки. Согласно им, вместо подотчетной Генеральной прокуратуре СССР Прокуратуры РСФСР была создана Генеральная прокуратура РСФСР. Соответственно, тогда же была введена и должность генерального прокурора РСФСР, назначаемого Верховным Советом РСФСР при одобрении Съезда народных депутатов РСФСР.

17 января 1992 года Верховный совет РФ принял закон «О Прокуратуре». Согласно этому закону, генеральный прокурор РФ назначался Верховным Советом РФ по представлению Председателя Верховного Совета РФ с последующим утверждением Съездом народных депутатов РФ. Срок полномочий генпрокурора – 5 лет.

Таким образом, генеральный прокурор оказывался фигурой, зависимой от Верховного Совета. А фактически его судьба оказывалась в руках спикера тогдашнего парламента Руслана Хасбулатова. В условиях политического противостояния «главный законник страны» был волеяневолей вынужден поддерживать Верховный Совет.

21 сентября 1993 года Борис Ельцин издал указ №1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», предполагавший роспуск Верховного Совета, приостановление действия части статей тогдашней Конституции РФ, а также проведение 12 декабря 1993 года референдума по проекту новой Конституции.

Согласно одному из пунктов этого указа, генеральный прокурор РФ и его заместители на время конституционной реформы назначаются Указами президента и ему же подчиняются.

12 декабря 1993 года была принята новая Конституция РФ. С этого момента генпрокурор назначается сроком на пять лет Советом Федерации по представлению президента России.

9.2. Инвентаризация исторических прецедентов

28 февраля 1991 года Верховный совет РСФСР утвердил первым генеральным прокурором РСФСР Валентина Степанкова.

22 сентября 1993 года – на следующий день после указа Ельцина о роспуске Верховного совета РФ – полномочия Степанкова как генерального прокурора были подтверждены президентским указом о его переназначении.

Однако 5 октября 1993 года Степанков был, опять-таки президентским указом, снят с должности. Причина – весьма двусмысленное поведение генпрокурора в период сентябрьско-октябрьского противостояния Ельцина и Верховного совета.

В тот же день – 5 октября 1993 года – генеральным прокурором РФ был назначен член Президентского совета Алексей Казанник. Этот юрист наиболее известен тем, что в 1989 году уступил свое место в Верховном совете СССР Борису Ельцину.

26 февраля 1994 года Казанник подал в отставку. Причина – несогласие как с решением Государственной думы об амнистии участникам событий 3–4 октября 1993 года, так и с точкой зрения окружения Ельцина о необходимости возложения политической и юридической ответственности за октябрьские события только на арестованных руководителей ВС и экс-вице-президента Руцкого.

В тот же день – 26 февраля 1994 года – Ельцин своим указом назначил и.о. генерального прокурора Алексея Ильюшенко. На момент этого назначения Ильюшенко был главой Контрольного управления АП РФ.

Комитет Совета Федерации по законодательству расценил назначение Ильюшенко и.о. генпрокурора как незаконное, так как назначение на этот пост должно производиться только по решению Совета Федерации. В результате кандидатура Ильюшенко на пост генпрокурора отклонялась Советом Федерации дважды – 12 марта 1994 года и 24 октября того же года.

Летом 1995 года СМИ стали озвучивать обвинения в адрес Ильюшенко в коррупции. Большая часть этих обвинений была связана с деятельностью компании «Балкар-Трейдинг», которую возглавлял бизнесмен Петр Янчев. Заметим, что тесть Петра Янчева – Вильдан Узбеков – занимал пост первого заместителя генерального прокурора РФ (т.е. был правой рукой Ильюшенко).

8 октября 1995 года Ильюшенко был освобожден от должности и.о. генерального прокурора. На эту должность был назначен и утвержден Юрий Скуратов.

А 15 февраля 1996 года Ильюшенко был арестован по обвинению в получении взяток от главы «Балкар-Трейдинга» Петра Янчева. Причем

его арест был санкционирован новым генеральным прокурором Юрием Скуратовым.

Уголовное преследование Ильюшенко сопровождалось компрометационными атаками некоторых СМИ на бывшего и.о. генпрокурора. Для примера приведем материал из журнала «Профиль» от 8 января 1997 года, где была опубликована расшифровка телефонного разговора Ильюшенко, его жены Татьяны Ильюшенко и Янчева от 24 декабря 1994 года (приводится с сокращениями):

ЯНЧЕВ: Алексей Николаича!

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Петр, ты чего так ведешь себя?.. Он моется сейчас в ванной. (Пауза.) В конце концов, надо это дело добить до конца.

ЯНЧЕВ: Ну, милая моя... если сегодня склады закрыты...

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Тебе никто не предлагает сегодня ехать и рыться на складах. Надо было сказать, что в понедельник посмотрим. Чего друг другу нервы мотааете? Из-за ерунды.

ЯНЧЕВ: Тань, ну, елки, если склады закрыты, во-первых...

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Он что, тебе предлагал сегодня ехать и самому... это самое... искать там? (Пауза.) Ты пойми, он и так психует из-за этой Чечни. Что вы... что... это самое... друг другу... я не могу понять. Дело не стоит выеденного яйца. Вы... я не знаю... (Пауза.) Скажи, что в понедельник... все пусть посмотрят там... Она должна быть, эта-то фурнитура...

ЯНЧЕВ: Она, фурнитура, может быть в этих... в ящиках...

Т.ИЛЬЮШЕНКО: В каких ящиках?

ЯНЧЕВ: Вы распаковали? Нет?

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Все распаковали. Все, понимаешь. Все они распаковали с утра здесь. Все просмотрели – нету. Пусть тогда Валентина (неразборчиво) Григорьевна свяжется с Дэном с этим и задаст ему вопрос, где фурнитура? Либо она на складе, либо ее вообще не прислали. Если вообще не прислали, пусть они ищут ее...

ЯНЧЕВ: Да не прислать они ее не могли. Значит, они ее здесь где-то оставили.

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Значит, пусть найдут где-то. Знаешь, не стоит из-за этого нервы мотать...

ЯНЧЕВ: Тань, милая моя...ну...так ведь тоже нельзя. Значит, давай... он щас пошел, посмотрел... давай, я щас взломаю эти склады, а толку-то от этого... где я их возьму?..

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Тебе предлагал кто-нибудь сегодня ломать эти склады?

ЯНЧЕВ: Ну, где же... он сказал: давай сегодня фурнитуру! Ну, где?.. Если бы я... привозил сам, я бы тебе сказал: вот, значит, она у меня здесь осталась.

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Вот я тебе говорю: давай в понедельник все будем искать. Ну, закрыто – закрыто. Нужно объяснить, что закрыто сегодня – давай в

понедельник будем искать. Что вы... я не знаю, прям! Слов у меня просто нет. Все на мне это отражается, что интересно. (Пауза.) Я уже должна всех успокаивать ходить. Потому что я вообще крайняя... (Пауза.)

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Так. Давать тебе трубку?

ЯНЧЕВ: Конечно.

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Щас дам. (Очень долгая пауза.)

ИЛЬЮШЕНКО: Слушаю.

ЯНЧЕВ: Алексей Николаич!

ИЛЬЮШЕНКО: Да!

ЯНЧЕВ: Ну, успокойся только, а?

ИЛЬЮШЕНКО: Слушай, я... ты вот ответь на один вопрос. Я тебе что-нибудь плохое сделал?

ЯНЧЕВ: Милый мой, а я тебе сделал что-нибудь плохое? Ну че ты... че ты меня...

ИЛЬЮШЕНКО: Ты мне полгода треплешь нервы. Полгода! Я не знаю кто... Ты мне посоветовал этих людей. Ты!

ЯНЧЕВ: Леш, ну давай я вместо фурнитуры буду, б...! Ну я вот стану щас вместо фурнитуры... Ну мне, что, б..., мне что, удовольствие... выяснять эту х..., когда...

ИЛЬЮШЕНКО (резко): А мне что, удовольствие?

ЯНЧЕВ: Нет, не удовольствие. Я тебя что, не понимаю, что ли?...

ИЛЬЮШЕНКО: Я, извините меня, четыре года... полгода... на стульях сижу... Ну что мне... я... я... просто не понимаю! В чем вопрос-то?

ЯНЧЕВ (спокойно): Леш, я щас приеду к тебе. (Пауза.)

ИЛЬЮШЕНКО: У меня уже просто... я не знаю! Ни в стране не можете ни хрена делать, ни в делах, ни в чем!

Думаю, данное длинное цитирование, если запись не является фальшивкой, извинительно. Поскольку предельно ярко характеризует все стороны диалога. Но подделать такое трудно. Скорее всего, это аутентичный материал, отражающий и тип фигурантов, и дух эпохи. А тогда – делайте выводы.

Во-первых, в разгар ввода войск в Чечню без пяти минут генпрокурор России выясняет вопрос о фурнитуре как «вопрос жизни и смерти».

Во-вторых, здесь очень наглядно подтверждено, что в тот момент класс крупных собственников в России был «клиентеллой» бюрократических кланов. И от такой бытовой мелочи, как фурнитура, вовремя не поставленная сановному «патрону», могла зависеть судьба бизнеса (да и просто человеческая судьба).

Возвращаясь к хронологии событий, укажем, что Ильюшенко в феврале 1998 года, когда истек предусмотренный тогдашним УПК максимальный срок содержания подследственного под стражей, был выпущен

под подписку о невыезде. А 11 мая 2001 года уголовное дело в отношении Ильюшенко было закрыто.

В своих публичных заявлениях после освобождения из-под стражи Ильюшенко утверждал, что в ходе следствия ему неоднократно предлагали дать показания против Анатолия Чубайса, Юрия Лужкова и Виктора Черномырдина. Кроме того, во время одного из допросов некие чины спецслужб якобы оставили Ильюшенко ампулу с ядом, предлагая таким образом покончить с собой.

В своих «злключениях» Ильюшенко винил группу бывших руководителей спецслужб во главе с экс-начальником СБП Александром Коржаковым. Ильюшенко утверждал, что первые разногласия с Коржаковым начались у него после того, как в 1994 году и.о. генпрокурора отказал руководителю СБП в просьбе о повторном возбуждении уголовного дела в отношении экс-вице-президента Александра Руцкого и его последующем аресте. Якобы также Генпрокуратура и лично Ильюшенко намеревались проверить обстоятельства штурма Грозного в новогоднюю ночь 1995 года, результатами которого были как крупные потери личного состава российской армии, так и жертвы среди гражданского населения.

Это версия самого Ильюшенко. Мы не собираемся ни ее подтверждать, ни опровергать. Укажем лишь, что существует и другая версия, согласно которой Ильюшенко и близкий в тот период к нему бизнесмен Янчев мешали группе Коржакова и опекаемым ею бизнес-структурам реализовать определенные экономические проекты.

Отметим и еще одну любопытную деталь: уголовное дело в отношении Ильюшенко было закрыто одновременно с уголовным делом в отношении его преемника Юрия Скуратова.

А отметив это, продолжим двигаться по вехам современных прокурорских историй.

С 8 по 24 октября 1995 года вр.и.о. генпрокурора был Олег Гайдамов.

24 октября 1995 года Совет Федерации утвердил на посту генерального прокурора Юрия Скуратова.

Формально полномочия Скуратова истекли в октябре 2000 года. Однако реально Скуратов был отстранен от должности в феврале 1999 года. При этом Совет Федерации трижды – в марте, апреле и октябре 1999 года – отказывался отправить Скуратова в отставку. Юридически полномочия Скуратова как генпрокурора были прекращены Советом Федерации лишь в апреле 2000 года.

Подробности скандала с отставкой Скуратова, наверное, в памяти у многих. Мы их еще коснемся, разбирая отставку Владимира Устинова. Пока же продолжим «прокурорскую хронологию».

С 2 февраля по 25 июля (с перерывом с 17 марта по 2 апреля) 1999 года и.о. генпрокурора был Юрий Чайка.

В конце июля 1999 года он был отправлен в отпуск, а 9 августа 1999 года на пенсию (фактически – переведен на должность министра юстиции). Причина – якобы имевшая место несговорчивость Чайки в вопросе о закрытии уголовных дел в отношении Бориса Березовского.

Возможно, что эта несговорчивость действительно имела место. Однако заметим, что эта несговорчивость не стала для Чайки, в отличие от случая со Скуратовым, причиной экстремальных неприятностей.

С 25 июля 1999 года по 17 мая 2000 года и.о. генпрокурора был Владимир Устинов.

17 мая 2000 года Совет Федерации утвердил его генеральным прокурором. Этому утверждению предшествовала интрига с возможным назначением на пост генпрокурора не Устинова, а Дмитрия Козака (в тот момент – зам главы АП). Якобы до последнего момента даже самому ближайшему окружению президента Путина было неясно, кого именно предпочтет глава государства.

Напомним, что в апреле 2005 года Устинов был утвержден Советом Федерации в должности генпрокурора на новый срок, до 2010 года. Однако всего через год – 2 июня 2006 года – Совет Федерации по представлению президента отправил его в отставку.

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что ни один генеральный прокурор постсоветской России не досидел (прошу прощения за неоднозначное слово) до конца отведенного ему законом срока. Даже если, как в случае с Устиновым, первый срок полномочий был проведен до конца, то прерванным оказался второй срок.

В чем же причина такого явления? Некоторые острословы от аналитики уже назвали пост генпрокурора «проклятым местом». И причина этой «проклятости» достаточно понятна.

Генпрокурор руководит структурой, в которой сосредоточено расследование большинства особо важных уголовных дел в стране. В том числе и тех, которые затрагивают интересы наиболее влиятельных элитных групп.

Задача генпрокурора в этой ситуации – беречь клановый баланс. Но это практически невозможно!

Во-первых, невозможно быть «хорошим» сразу для всех.

Во-вторых, в моменты обострения клановой борьбы генпрокурор волей-неволей оказывается перед необходимостью сделать выбор в ту или иную сторону.

В-третьих, сам генпрокурор – не безгласный инструмент, а живой человек с биографией, карьерным путем, клановыми связями. Его кто-то по карьерной лестнице вел, помогал получить назначение на генпро-

курорский пост. А значит, он кому-то обязан. Кроме того, у него есть элитные знакомые, друзья и даже родственники, которые могут влиять на его позицию.

Каждый генпрокурор – это фигура в какой-то элитной игре. Причем фигура с очень большими возможностями. И его назначение или снятие означает не только изменение в судьбе того или иного человека, но и важнейшее перераспределение сил в клановой конфигурации. Конкретно – возвышение или, напротив, поражение того клана, чьей ставкой является генпрокурор.

И, разумеется, вовсе не конкретные «компроматные крючки» (купленная за чей-то счет фурнитура или 14 костюмов), а именно подкованные перипетии межклановых войн становились реальными причинами неприятностей российских генпрокуроров. Хотя и костюмы, и фурнитура иногда значимы (в первую очередь, психологически) для анализа конкретных обстоятельств событий.

Раз так – продолжим поиск подходов к этой деликатной материи. Вначале – все на том же историческом материале.

Часть 10. **Отставки Устинова и Скуратова:** **содержательные параллели**

Ряд признаков («непрозрачность» мотивов, надуманность повода и т.д.) говорят о сходстве отставок Владимира Устинова и Юрия Скуратова. О таком сходстве заставляет говорить и хронология событий вокруг этих двух отставок.

Вот хронология событий вокруг отставки Скуратова:

В конце декабря 1998 года Генпрокуратура РФ возбудила уголовное дело по факту злоупотреблений в ходе реконструкции Кремля, связанных с отношениями руководства Управления делами президента РФ и компании «Мабетекс» (Швейцария) во главе с косовским албанцем Беджетом Паколли.

1 февраля 1999 года генпрокурор РФ Юрий Скуратов подал прошение об отставке «по состоянию здоровья».

2 февраля президент РФ Борис Ельцин направил в Совет Федерации представление об отставке Скуратова.

В тот же день – 2 февраля – Генпрокуратура РФ провела масштабные обыски в офисах компании «Сибнефть» и частного охранного предприятия «Атолл», входящих в «орбиту влияния» Бориса Березовского. Многие наблюдатели высказали предположение, что эти обыски – своего рода «прощальный привет» от Скуратова.

12 февраля Генпрокуратура возбудила уголовное дело в отношении «эмисаров Березовского» в «Аэрофлоте» – Николая Глушкова и Александра Красненкера.

22 февраля «Новая газета» сообщила, что причиной прошения Скуратова об отставке стала видеопленка, на которой он запечатлен в обществе неких «девушек». Появление же видеопленки стало результатом «отдыха», организованного для Скуратова тогдашними управделами Генпрокуратуры Назиром Хапсировковым и банкиром Ашотом Егиазаряном, которые и причастны к этой скандальной видеозаписи.

17 марта Совет Федерации отклонил отставку Скуратова. Ободренный этим решением генпрокурор возвращается на свое рабочее место. В тот же день дело фирмы «Мабетекс» становится предметом обсуждения СМИ.

В ночь с 17 на 18 марта госканал РТР продемонстрировал фрагмент видеозаписи развлечений «человека, похожего на генерального прокурора» (это выражение стало крылатым!) и девиц легкого поведения.

23 марта Генпрокуратура РФ приступила к массовому изъятию документов в Управлении делами президента в рамках расследования дела «Мабетекс».

23 марта в Россию прибывает тогдашний генпрокурор Швейцарии Карла дель Понте, которая передает в Россию материалы о злоупотреблениях в ходе реконструкции Кремля. В аэропорту ее встречает лично Скуратов.

26 марта Генпрокуратура возобновила обыски в «Аэрофлоте».

27 марта арестован близкий к Березовскому сотрудник ФСБ Александр Литвиненко, обвинявший ранее руководство своей спецслужбы в намерении физически устранить Березовского.

1 апреля Скуратов направил Ельцину меморандум, в котором предоставил информацию о наличии у ряда известных российских фигур зарубежных банковских счетов, имеющих незаконное происхождение. Утверждается, что информация об этих счетах получена от Карлы дель Понте.

В ночь с 1 на 2 апреля в отношении Скуратова возбуждается уголовное дело. Основание – заявления девиц легкого поведения, в которых указывалось на признаки коррупции (в частности, платил за услуги девиц якобы не генпрокурор, а банкир Егиазарян).

2 апреля Ельцин отстранил Скуратова от должности генпрокурора «на время проведения следствия» и направил в Совет Федерации повторное представление о его освобождении от должности.

Данную хронику можно продолжить, но это уведет нас в подробности давно вошедшего в историю дела Скуратова, то есть несколько в сторону.

Поэтому обратимся к хронике событий вокруг отставки Устинова:

2 мая 2006 года во Владивостоке арестованы начальник Дальневосточного таможенного управления Эрнест Бахшеян и его зам Александр Воробьев. По версии следствия, они разрешили трем коммерческим фирмам ввозить в Россию товары по фиксированным таможенным ставкам и без досмотра.

4 мая Генпрокуратура РФ возбудила в отношении ряда чиновников МЭРТ уголовное дело по факту «превышения должностных полномочий при выдаче лицензий и квот на импорт мяса в Россию». Материальный ущерб оценивается более чем в \$25 млн.

5 мая в главном офисе Федеральной таможенной службы в Москве прошли обыски. Официальный представитель Генпрокуратуры Н.Вишнякова сообщила, что раскрыт крупный канал нелегальных поставок в Россию дорогой бытовой техники и электроники при непосредственном участии сотрудников центрального управления таможенной службы.

6 мая Прокуратура Москвы заявила, что задержаны двое начальников отделов таможенной службы и Главный государственный таможенный инспектор.

6 мая «Коммерсант» сообщил об аресте 25% привилегированных акций компании «Транснефть». Арест произведен в рамках расследуемого Генпрокуратурой уголовного дела в отношении экс-президента компании Валерия Черняева и его заместителя Сергея Землянского. Официальная мотивировка следствия – арест бумаг нужен для проведения экономической экспертизы и сбора доказательств вины Черняева и Землянского.

Следствие инкриминирует Черняеву и Землянскому злоупотребления при акционировании «Транснефти», которое производилось еще в середине 1990-х гг.

11 мая Путин своим указом передал руководство Федеральной таможенной службой от МЭРТ непосредственно правительству РФ. В Кремле подчеркнули, что это решение не означает недоверия к руководству МЭРТ.

12 мая глава Федеральной Таможенной службы Андрей Жерихов и его замы Юрий Азаров и Леонид Лозбенко освобождены от занимаемых должностей. Преемником Жерихова стал Андрей Бельянинов.

В тот же день от своих должностей освобождены замы начальника Оперативно-розыскного управления Службы по борьбе с терроризмом Евгений Колесников и Андрей Плотников, начальник Управления по борьбе с контрабандой наркотиков Службы экономической безопасности Сергей Фоменко, замначальника Главного управления по надзору Генпрокуратуры Дмитрий Полищук, зампрокурора Москвы Михаил Никонов и 6 высокопоставленных сотрудников МВД.

Тогда же – 12 мая – спикер СФ Сергей Миронов направил представления о досрочном прекращении полномочий четырех сенаторов: Игоря Иванова от Приморья, Бориса Гутина от Ямало-Ненецкого АО (ЯНАО), Аркадия Саркисяна от Хакасии и Александра Сабадаша от Ненецкого АО (НАО).

17 мая парламент Хакасии отказался отозвать сенатора Саркисяна.

19 мая газета «Ведомости» пишет: «Генпрокуратура потребовала от брокерских домов раскрыть имена и данные на всех клиентов, которые владеют привилегированными акциями "Транснефти". Как стало известно "Ведомостям", брокерские дома вчера получили письмо старшего следователя Генпрокуратуры по особо важным делам Романа Соколова с просьбой предоставить "полные списки депонентов <...>, на счетах депо которых учитываются привилегированные акции "Транснефти"». Как следует из письма, копия которого есть в распоряжении "Ведомостей", Соколов хочет знать полное наименование депонента, его адрес, номера телефонов и факсов, паспортные данные физических лиц. Прокурора интересует, сколько акций принадлежит клиенту брокерского дома, является ли он собственником бумаг, номинальным держателем или управляющим. Также ему требуются договоры клиента и брокера, договоры купли-продажи бумаг и документы, удостоверяющие право собственности владельца на них. Соколов вчера от комментариев отказался, но источник в правоохранительных органах подтвердил наличие такого письма».

19 мая собрание депутатов НАО отказалось прекратить сенаторские полномочия Сабадаша.

В тот же день – 19 мая – сотрудники Генпрокуратуры провели обыски в администрации НАО. Генпрокуратура РФ возбудила в отношении губернатора НАО Алексея Барина уголовного дело. Ему инкриминируют растрату и мошенничество в бытность гендиректором АО «Архангельскгеологодобыча».

20 мая на пресс-конференции Барин публично заступился за Сабадаша. Через час сотрудники Генпрокуратуры провели обыск в «Архангельскгеологодобыче».

22 мая Сабадаш написал заявление о добровольном сложении с себя полномочий.

23 мая был задержан губернатор НАО Барин.

24 мая Устинов заявил в Минске: «Не увяляйтесь, если в ближайшее время вы будете свидетелями новых громких уголовных дел, связанных с борьбой с коррупцией».

2 июня Устинов освобожден от должности генпрокурора.

В тот же день – 2 июня – Путин приостановил на время следствия губернаторские полномочия Барина. И.о. губернатора НАО назначен

главный федеральный инспектор округа Валерий Потапенко. Ряд экспертов считает, что Потапенко связан с экс-сенатором от НАО Сабашем.

Сопоставляя две хронологии, можно сразу зафиксировать, что общим в отставках Скуратова и Устинова стало инициирование ими, незадолго до отставки, уголовных дел, которые:

А) задевают крайне влиятельных фигурантов;

Б) ведут к перераспределению власти и собственности в ряде важнейших направлений (транспорт, таможня и т.д.).

Общим также является и то, что и Устинов, и Скуратов стали инициировать эти уголовные дела в период начала схватки за право быть президентским преемником.

Однако есть и значительные отличия устиновской истории от скуратовской. И оно не только (и не столько) в том, что отставка Скуратова была превращена в безобразный скандал с «вытаскиванием грязного белья», а уход Устинова выглядит внешне очень «чинно и благообразно».

Главное в другом: для Скуратова отставка превратилась не просто в карьерную катастрофу, а в личную драму. А Устинов просто оказался «переведен на запасные пути». (Уже во время прочтения данного доклада президент Путин заявил на встрече с журналистами, что никаких претензий к работе Устинова не имеет и что бывший генпрокурор «продолжит работу в органах российской власти на равнозначной должности».)

В чем же причина такого разного личного результата?

Причина в том, что Скуратов совершил чудовищную ошибку. Это не значит, что ошибок не делал Устинов: мы эти ошибки выше перечислили. Не делай он их – оставался бы сейчас в кресле генпрокурора. Однако Устинов и Скуратов совершили ошибки разных типов. Если говорить о Скуратове, то он совершил фатальную ошибку.

Иницируя свои расследования, Скуратов «замахнулся» на политический субъект, который тогда аналитики называли «Семья». Он мог весьма успешно атаковать эту самую «Семью» и оставаться генпрокурором. Более того, в своих нападках на «Семью» Скуратов (вот парадокс!) мог иметь мощную поддержку в самой этой «Семье».

Субъект под общим названием «Семья» не был един. Внутри существовала глубочайшая трещина, которая провоцировала конфликты внутри этого кланового конгломерата. Эта трещина проходила не только между окружавшими членов семьи (без кавычек) тогдашнего президента бизнесменами и окол властными игроками, но и между самими родственниками. В первую очередь, между двумя дочерьми Ельцина – Еленой Окуловой и Татьяной Дьяченко. И одним из катализаторов этого

конфликта было отношение к Борису Березовскому, который являлся желанным конфидентом для Дьяченко и абсолютно неприемлемой фигурой для Окуловой.

Повторимся, Скуратов мог получить поддержку внутри «Семьи», если бы правильно выбрал объект атаки. Иными словами, он должен был либо атаковать одного Березовского, опираясь на поддержку «окуловской ветви», либо «охотиться» на Бородину, ища поддержки у Дьяченко и Юмашева. Но Скуратов атаковал и Березовского, и Бородину. А значит, настроил против себя обе ветви «Семьи».

Скуратов мог бы опереться на поддержку тогдашнего премьер-министра Евгения Примакова. Более того, Примаков хотел иметь в лице «союзного» Скуратова инструмент для борьбы с Березовским, с которым он вступил в непримиримый конфликт. Но Примаков искал поддержки (и не без успеха) у «окуловской ветви» «Семьи». И в момент, когда Скуратов атаковал Бородину, Примаков был вынужден дистанцироваться от генпрокурора.

Скуратов, вступив в конфронтацию одновременно с двумя основными противостоящими друг другу элитными группами, сам себя, в элитно-клановом смысле, маргинализировал.

Устинов же... Он очевидным образом тоже замахнулся на нечто избыточное. Но избыточность его замаха резко ниже скуратовской. А вот какова она – еще предстоит уточнить.

Однако пока что предлагаю исчерпать до конца систему исторических параллелей.

Часть 11.

Отставка Устинова и отставка Коржакова: сходство и отличия

После отставки Устинова некоторые эксперты стали проводить аналогии между этой отставкой и разгромом группы Коржакова–Барсукова–Сосковца в 1996 году.

Насколько уместны данные аналогии?

Сразу отметим, что прямых «лобовых» аналогий пока вроде бы нет. В частности, отставка Устинова не вызвала (по крайней мере пока) более широкого круга отставок, включая отставку самого Игоря Сечина.

А вот для аналогий содержательных, апеллирующих не к внешней канве событий, а к содержанию тех или иных политических сюжетов, определенные основания все же имеются.

В чем была основная причина разгрома группы Коржакова–Барсукова–Сосковца? В том, что данная группа вела себя самым разрушительным образом в критической для Ельцина ситуации выборов 1996

года. Коржаков и его соратники пытались навязать Ельцину стратегию срыва выборов и продления полномочий через ЧП в момент, когда глава государства уже твердо решил избираться. При этом группа Коржакова–Барсукова–Сосковца еще задолго до выборов 1996 года сделала ставку на реализацию «невыборного варианта» продления ельцинских полномочий.

Есть ли что-то похожее в происходящем сегодня? Обратимся к хронике событий последних месяцев.

2 августа 2005 года Путин в ходе рабочей поездки в Финляндию, отвечая на вопрос о возможности своего третьего президентского срока, заявил: «Может быть, я и хотел бы, но Конституция страны не позволяет этого сделать. Я считаю, что для нас сегодня в России важнейшей является стабильность, которая может быть достигнута только на основе действующего законодательства и на основе соблюдения конституционных положений».

Подчеркнем: ряд экспертов считает, что именно третий президентский срок Путина сейчас является важнейшей политической целью «группы Сечина». Своим ответом о необходимости двигаться только в рамках Конституции Путин, видимо, отвечал и Сечину, желающему «третьего срока».

13 сентября 2005 года Станислав Белковский назвал нескольких возможных преемников Путина. В их числе – Устинова и его зама Колесникова как «кандидатов от Сечина».

14 ноября 2005 года Путин назначил первым вице-премьером Дмитрием Медведева, а главу МО Сергея Иванова также наделил статусом вице-преьера. Многие аналитики расценили эти назначения как «смотрины преемников». А в числе проигравших от этих кадровых перестановок называли Сечина.

В конце января – начале февраля 2006 года в СМИ начинается беспрецедентная кампания против вице-преьера и главы МО Сергея Иванова (дедовщина, развал армии и пр.). Начало этой кампании именно в данный момент (перечисленные поводы для нее существовали всегда) нельзя не связывать со стремлением других кланов (и прежде всего «группы Сечина») «зарубить» возникшие у С.Иванова «президентские амбиции».

13 апреля 2006 года глава североосетинского движения «Согласие и стабильность» Валерий Гизоев в интервью «Эхо Москвы» сообщил, что в начале следующей недели в Госдуму, возможно, будет направлено предложение провести референдум о третьем сроке президентства Путина.

15 апреля Рен-ТВ сообщает, что глава Северной Осетии Таймураз Мамсуров одобрил инициативу Гизоева.

На Северном Кавказе ничего «просто так» не делается. Трудно сомневаться в том, что Гизоев и Мамсуров получили какую-то (весь вопрос – какую именно?) «отмашку» на свою инициативу по «третьему сроку» в Москве. А ведь список кремлевских сторонников третьего срока, согласитесь, так узок, что дальше некуда.

19 апреля «Новые Известия» цитируют Грызлова, который говорит, что Дума не пойдет на изменение Конституции для создания правовых основ избрания президента на третий срок.

18 мая «Коммерсант» цитирует главу АП Собянина, который в ходе визита в Лондон заявил, что в 2008 году Путин намерен покинуть свой пост.

Иными словами, «партию третьего срока» одергивают и спикер нижней палаты, и глава АП. Можно ли предположить, что они это делают без самой высокой санкции? Думается, что нельзя.

И в таком случае отставка Устинова, как важнейшего «инструмента» указанной «партии третьего срока», становится вполне объяснимой.

Наконец, подчеркнем, что международный контекст отставки Устинова вовсе не сводится к экономическим интересам зарубежных элитно-клановых групп в собственности и проектах крупнейших российских корпораций. В связи с этим международным контекстом представляется уместной еще одна аналогия между российскими отставками 1996 и 2006 годов.

В 1996 году в США эпохи Клинтона «правила бал» Демпартия, а республиканцы (в том числе республиканцы предыдущей «команды Буша-старшего») теряли рычаги политического и экономического влияния. А в интересы администрации Клинтона был, через тогдашнего зама главы Минфина Ларри Саммерса, достаточно прочно интегрирован А. Чубайс – главный враг «кремлевских силовиков» в лице Сосковца–Коржакова–Барсукова.

В ходе операции под названием «коробка из-под ксерокса», которую «кремлевские силовики» использовали в качестве повода для «наезда» на команду Чубайса, вся перечисленная российская «силовая» властная группа была отправлена в отставку.

Ликующий Чубайс объявил об этом событии в рифмованном экспромте: «Президент послал в отставку Барсукова, Коржакова и их духовного отца господина Сосковца». Правда, Борис Ельцин, как специалист высшего класса в сфере «клановой балансировки», вскоре после этого начал уравнивать политический расклад сил. И в начале следующего года отправил в отставку и самого Чубайса. Точнее, убрал его с должности главы администрации президента – очень перспективный пост в условиях всевластия Кремля! – на пост одного из двух первых вице-премьеров.

Согласитесь, есть пища для безусловных, но не бессмысленных аналогий.

А что происходит сейчас? Сейчас в США, на фоне многократно обсужденных провалов администрации Буша-младшего и приближающихся промежуточных выборов в конгресс, набирают силу демократы. Нарастает давление на наиболее одиозных «силовиков» в лице команды Чейни–Рамсфелда, о чем мы уже подробно говорили в предыдущих докладах. А 30 мая – за три дня до отставки Устинова – президент Буш назначил на ключевой пост главы Минфина США видного представителя Демпартии, «человека Голдман-Сакс» Генри Полсона. Это – несмотря на то, что Буш много раз (в том числе в последнее время) утверждал, что он полностью доволен работой бывшего главы Минфина Джона Сноу.

В этих условиях Путину – особенно сейчас, в преддверии петербургского «саммита восьмерки», – необходимо искать «площадки диалога» с «демпартийной» американской командой. Которая, с одной стороны, наиболее резко критикует нынешних «кремлевских силовиков» и, с другой стороны, оказывается весьма вероятным будущим субъектом высшей власти в США. Итог: 2 июня Устинов отправлен в отставку. «Сечинскому» клану нанесен очень мощный удар, который фундаментальным образом меняет расстановку сил на российской политической сцене.

Будет ли Путин в ближайшее время, следуя «балансирующей» политике своего предшественника Ельцина, уравновешивать данный кадровый шаг отставками с «другой стороны» или станет думать и выжидать, покажет время. Но отставка Устинова отчетливо показывает, что российской политике вряд ли «светит» спокойное отпускное лето.

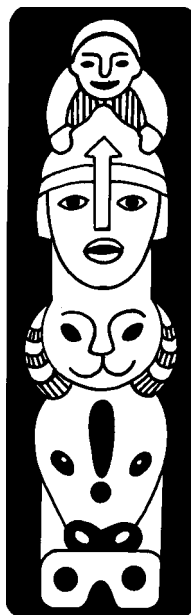
(Окончание следует)

Средневековое сознание усвоило идею всеобъемлющей и осмысленной упорядоченности вещей и пережило ее, если это возможно, с еще большей остротой, чем она была пережита в древности. Но в составе христианского учения идея эта переосмыслилась. Теперь порядок приходит от абсолютно трансцендентного, абсолютно внемирного Бога, стоящего не только по ту сторону материальных пределов космоса, но и по ту сторону его идеальных пределов. К этому личному Богу космос может иметь только личное отношение, а именно – отношение *покорности*.

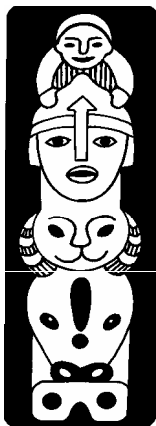
Законосообразность мировых процессов понята как послушание небесных сфер и четырех стихий, как их монашеское смирение, их отказ от своеволия, их *аскеза*.

Описываемая система миропонимания предполагает, что решающее событие выбора (завершающееся в эсхатологической перспективе) происходит «по знаку» или «перед лицом» знака, в свою очередь осуществляя себя в знаковой форме; но выбирать можно между вещами противоположными.

С.С.Аверинцев

Андрей Каравашкин

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

ВЛАСТЬ МУЧИТЕЛЯ

КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
ТИРАНИИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ:
XI–XVII ВВ.

The author undertakes an attempt to examine models of the tyrannical power that emerged in the Russian literary culture of the 11th to 17th century. The author identifies and analyzes the predominant ways of description of the conflict between the victim and the ruler-tormentor. Original ideological constant of the martyrdom for the sake of the faith was augmented by a new prototype plot based on typological story of Cain and Abel. The first Russian saints were beatified by the Church precisely as the innocent martyrs. Other victims followed their suit and also humbled themselves before their murderers and persecutors. However, as early as in pre-Mongolian period a new conventional model of a proud and unjust coreligionist was being developed. Since authority of a ruler must not extend to his subjects' souls the resistance had to be furnished to such prince. Gradually this notion acquired an eschatological tinge and the early Christian mythologeme of a martyr opposing the ungodly authority asserted itself with a new vigor. Eschatological expectations and prophetic protest became obvious and audible in the epoch of Schism. The semantic dominant tenet of the Russian medieval doctrine of power was the power's establishment by the God and that tenet influenced the discursive practices.

История концепта

Издавна на Руси известно греческое слово «*τύραννος*». Судя по всему, не позднее конца XV века термин был усвоен русскими книжниками в транскрипции «*тираннусь*»¹. Однако большинство этимологических словарей вовсе не содержит каких-либо сведений, к нему относящихся. Лишь согласно данным словаря Фасмера, оно появилось в русских источниках XVII-XVIII вв., во времена Григория Котошихина и Петра I². Однако в азбучных тезаурусах Старшей разновидности, имевших хождение уже в XVI веке, приводится славянский эквивалент интересующего нас заимствования.

Для истории концепта очень важно знать не только хронологию бытования слов, его выражавших, но и то, как они толковались, какие значения были востребованы современниками той эпохи, когда происходило становление изучаемого понятия. В «Азбучковнике» находим две статьи, одна из которых проливает свет на коннотации слова «тиран»: «тирамность, мучитель, или насилникъ»; «тираинусь, мучитель»³. Но следует все-таки помнить, что первичное вполне нейтральное значение «властитель», «государь», «правитель» всегда являлось фоном для реализации интенций жестокой и даже богопротивной власти⁴, которые

¹ Срезневский И.И. *Словарь древнерусского языка*. М., 1989. Т. III. Ч. 2. Стлб. 960.

² Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. СПб., 1996. Т. IV. С. 60.

³ Ковтун Л.С. *Азбучковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность)*. Л., 1989. С. 264, 266.

⁴ *О специфике древнерусского понятия «тиран» и тесно связанной с ним идее злоупотребления властью см.: Вальденберг В.Е. Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 214–236. Исследователь отмечал: «Учения же о тиране представляют тирана не как нарушителя договора, а как отступника от веры, мучителя, нарушившего закон». Речь, разумеется, идет о законе Божьем. О правах подданных и договоре их с носителем власти древнерусские книжники, как правило, не упоминают (Там же. С. 233). Этот признак концепта тем не менее не стал основным и актуальным в России новейшего времени. В современной культуре политико-правовой концепт «тиран» всегда связан с представлением о подавлении свободы подданных, граждан, о государственном насилии, возможном либо в условиях незаконного захвата власти, либо тогда, когда правитель, получивший особые полномочия, не соблюдает закон, грубо попирая нормы общественной жизни. Сразу следует отметить, что в средневековом сознании «мучитель», чаще всего, носитель богопротивной власти, а принесение подданным страданий, физических и моральных, становится следствием нарушения заповедей или нечестивости царя-язычника (Об актуальных и пассивных признаках всякого концепта, его внутренней форме см.: Степа-*

сопровождали историю концепта «тирана-мучителя». Так, еще в ранних памятниках, как свидетельствуют «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» и «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», значения единоличной власти и власти несправедливой и деспотической шли, как говорится, рука об руку, и славянское слово «мучитель» (эквивалент греческого «*τύραννος*») могло применяться то для выражения эйдоса истязания, расправы, угнетения, творимых единоличным правителем, а то в целях безоценочной констатации самого факта автократии.

Следует помнить, что в старославянских памятниках «мучитель» то является синонимом слов «владыка», «властелинь», «игемонь», а то имеет значение «истязатель», «палач» («прѣдасть и мучителемъ»)⁵ и, судя по всему, во втором случае выступает в качестве соответствия другому греческому термину («*βασιανστής*»)⁶. Не менее показательны данные древнерусских источников. Так, в отдельных контекстах слово «мучитель» явно не имеет негативной окраски и может восприниматься как лишенное дополнительной экспрессии, связанной с порицанием самовластного государя («мною вельможа величаются, а мучители держатъ землю», «Та власть крѣпка в ней же вси живоуще бояться закона, ако же и моучителя»), в то время как в других – осуждение государя не вызывает сомнений, поскольку семантика власти сочетается здесь с коннотацией «тирания», «деспотизм», «истязание» («бѣ же мучитель лють»; «самъ ставъ прѣд мучителемъ обличи и»; «Егда бысть Фока мучитель цесарь, и начатъ кровопролитья она творити»)⁷.

Настало время от словарных значений перейти к истории конвенциональных моделей. Они не сводимы к частным словоупотреблениям. Ведь интересующие нас идейные константы получают воплощение не только в отдельных словах (элементарных носителях информации), но и в опыте прямых высказываний, так или иначе раскрывающих и поясняющих значение лексических единиц, привносящих в каждом конкретном случае дополнительные оттенки смысла, коннотации, эмоциональные обертоны. Любая коммуникативная ситуация не только актуализирует семантическое ядро модели, ставшее основным в ту или иную эпоху, но и развивает хорошо знакомое, общепринятое, подчиняя его собственным намерениям, уникальному авторскому смыслополаганию⁸.

нов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001. С.48–49 и далее).

⁵ Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М., 1994. С.344.

⁶ Ср.: Срезневский И.И. Указ. соч. М., 1989. Т.II. Ч.1. Стлб.199.

⁷ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 2002. Т.V. С.49–50.

⁸ Важнейшим признаком конвенциональной модели является ее предсказуемый характер.

Основой конвенциональной модели является не чисто формальная, но смысловая сущностная повторяемость, относящаяся к сходному определению типичных ситуаций.

В медиевистической рустике средневековая концепция власти исследована достаточно полно и многосторонне. Это в равной мере касается идеи преемственности властных полномочий, учения о богопоставленности царя, самозванчества, народного мифа о государе-избавителе, сотериологических и эсхатологических переживаний, связанных с темой династического мессианства. Неоднократно исследователи обращались и к истории учений о пределах царской власти на Руси, ответственности государя за свой народ. Достаточно хорошо изучена семиотика институтов господства и подчинения, специфика их знаковой природы, характер переосмысления русским религиозным сознанием византийской модели автократии. Однако до сих пор, может быть, эволюция представлений о власти богопротивной и тиранической не становилась темой специального исследования⁹. Конечно, нам предстоит

ее типичность в отличие от чего-либо нового, маргинального, неотрегулированного. Конвенциональную модель следует отличать от формообразующей модели, совокупности конструктивных принципов, организующих высказывание. В рамках одного дискурса конвенциональные и формообразующие модели могут не совпадать (например, характерные для русской литературы XVIII века стереотипы поведения героя-бравшика не сочетались в сатирических произведениях с формообразующими моделями пародируемых жанров; возникал эффект колического противоречия). Необходимо разграничивать конвенциональные модели и топик. Проблеме изучения топосов посвящено новейшее исследование, содержащее и обширный аналитический обзор трудов по средневековой топике (См.: Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С.59–64. Ср.: Коняская Е.Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. Київ, 2004. С.80–92). Топосы могут быть представлены в виде двух своих разновидностей (мотивы и формулы). Конкретные топосы часто сопровождают конвенциональные модели на пути их актуализации. Но со временем определенный набор топосов может быть заменен другим, а конвенциональная модель при этом останется той же самой. Детерминированность устных и письменных речевых сообщений «моделями» и «конвенциями» (правилами, нормами, привычками) теоретически обоснована представителями такого направления, как лингвистика текста (См.: Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989).

⁹ Следует отметить, что уже исследователь древнерусских учений о пределах царской власти В.Е.Вальденберг считал понятие «тиран» устойчивой идеологической констан-

познакомиться только с наиболее яркими эпизодами этой истории. Вехи культурной «биографии» концепта – вот что привлечет, в первую очередь, наше внимание.

Заранее отметим, что мы рассматриваем явления, имеющие смысловую, а не жесткую генетическую взаимосвязь, которая в некоторых случаях не может быть установлена. Генетический ряд, когда один факт предстает как неизбежная предпосылка или следствие другого, чаще всего оборачивается множеством гипотез, никак не подтверждаемых источниками. К тому же, изучая функционирование конвенциональных моделей, мы имеем дело с культурой как с пространством смыслополагания, с континуумом, в котором сосуществуют топосы, коннотации, запечатленные переживания, возникшие в разное время и по разным поводам.

В этой статье мы будем обращаться прежде всего к памятникам так называемого «риторического» типа, основанным на явном выражении авторской позиции. Большинство публицистических и художественных текстов XI–XVII вв. так или иначе телеологичны; в эпоху господства поэтики традиционализма авторы исходят из того, что изображаемые события не самодостаточны и требуют развернутых комментариев, которые основываются на отчетливых объяснительных процедурах, оформленных в виде системы прямых высказываний. Для исследователя культурных феноменов этот материал представляет благодатную почву, поскольку обеспечивает «чистоту эксперимента» и служит гарантией верифицируемости наших суждений.

Мученики и мучители

Неизбежность страданий на пути к Богу предполагала как одну из разновидностей христианского подвига – мученичество, добровольное самоотречение во имя Христа, «подобострастие»¹⁰ (повторение «страстей» и искупительной жертвы богочеловека). В русле этой традиции высшее свидетельство апостолов, а также

той древнерусской книжности (См.: Вальденберг В.Е. Указ. соч. С.214–236). Однако он рассматривал интересующую нас семантическую универсалию лишь в контексте политико-правовых теорий, намеренно вычлняя из корпуса древнерусских источников такие памятники, которые позволяли говорить о сложившейся концепции злоупотребления властью. Мы обращаемся не только к доктринам и теоретическим построениям, но и к самому определению ситуации тирании. В этом принципиальная разница. Поэтому круг источников в данном случае может быть существенно расширен.

¹⁰ Вединна Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С.288.

одного из семи грекоговорящих учеников Иисуса дьякона Стефана, побитого камнями за веру в Иерусалиме (Деян. 7, 57–59), прочно связано в христианской культуре с концептом мученичества.

В средневековой книжности первообразами страстотерпческого «делания» были, однако, и ветхозаветные пророки, праведники, претерпевшие страдания и сохранившие верность единому Богу. Как первые мученики в оригинальных и переводных житиях Древней Руси выступали пророк Даниил, невредимым пребывавший среди львов, и три отрока в «пещи огненной»¹¹. Впоследствии внимание древнерусских книжников привлекли и страдальцы времен Антиоха Епифания, в том числе старец Елеазар, заплативший своей жизнью за отказ есть идоложертвенное свиное мясо¹². Обращение к сюжетам Книг Маккавеев и к содержащим их изложение иудейско-эллинистическим произведениям в эпоху Московского царства не случайно. Эти ветхозаветные аналогии также свидетельствовали в пользу разума и веры, побеждающих физическое страдание¹³.

Если на одном полюсе нравственного конфликта появлялась фигура страстотерпца, то на другом обязательно был мучитель, насильно отнимающий жизнь, истязаяющий плоть, но изначально, по определению не способный победить жертву духовно. Слабость мучителя, ограниченность и условность его власти всегда подчеркивались в христианской агиографии. Преследуя мученика, властитель исполняет дьявольскую волю и ни при каких обстоятельствах не может постичь Божий замысел. Деспот обречен на поражение. Эта существенная сторона концепта «мучительства» всегда будет оставаться актуальной в средневековой культуре даже для тех, кто исповедовал своеобразный историософский пессимизм.

¹¹ Например, см.: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С.147; Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). XII век. М., 1980. С. 243.

¹² Так, афонский старец Максим Грек (Михаил Триволис), обращаясь к истории семи мучеников Маккавеев, доказывал превосходство «самовластия» человека над низменными страстями («Иосипа иудеянина слово о том, яко благочестивый помысл самодержавец есть страстем, и сие являет от вышеестественнаго терпения еже к горчайшим мукам Маккавеев мученых бывших Антиохом»). На страницах Послания в Кирилло-Белозерский монастырь Иван Грозный приводил в пример старца Елеазара: «Помните, господие мои, и отцы святы – Маккавеи за едино свиное мясо, равно еже за Христа с мученики почтосиася...» (См.: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С.167). Ср.: 2 Мак. 6, 18.

¹³ Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С.68.

Выбор мучителя обусловлен целенаправленным подчинением дьявольскому внушению. Победа жертвы становится для него неожиданно и внезапным позором. Мученик, в свою очередь, видит в смерти за Христа событие предопределенное и чаемое, желанное. Мученик хочет пострадать. «Мука, скорбь, туга, печаль, – отмечает современный лингвист, – в первоначальном своем значении, в исходном словесном образе, обозначали беды, находящиеся на человека со стороны, из внешнего мира...»¹⁴. Но мученик ждет своего часа; к испытаниям, насылаемым извне, страдалец так или иначе подготовлен духовно (исключения редки: так, святой Глеб потрясен неожиданностью, с которой на его ладье появляются убийцы, и вначале молит о пощаде¹⁵). Возможность пострадать (претерпеть за Христа) многими из мучеников воспринимается с недюжинной стойкостью и душевным подъемом. Вот почему в поведении Феодосия Печерского во время конфликта с князем Святославом нет ничего парадоксального, если мы будем учитывать ценностные ориентиры, связанные с аскезой и святостью: «И якоже оттолъ промъчеса вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженому. <...> Си же слышавъ блаженный, яко о заточении его рѣша, въздрадовася духъмь и рече къ тѣмь: "Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсоже ми блаже въ житии семь... <...> Тѣмьже готовъ есмь или на смърть". И оттолъ начать того (князя. – А.К.) укаряти о братоненавидѣнии, жадааше бо злы, еже поточену быти»¹⁶. Игумен находит в угрозе своей жизни некое утешение, встречает слухи о возможной расправе с ним как радостную весть.

Мучитель, напротив, одержим страстями, приводящими к сомнениям и даже к отчаянию. Его судьба – целиком в руках Бога. Земному суду деспот неподвластен, да люди и не в состоянии одолеть тирана без помощи свыше. Поэтому конфликт деспота и мученика всегда разрешается на небесах.

При этом все внимание агиографа сосредоточено на нравственном выборе «страстноносца». Первоначально в древнерусской книжной традиции вырабатываются две конвенциональные модели поведения жертвы, две стратегии, два способа борьбы. Один путь вполне привычный, предопределенный многочисленными образцовыми текстами, в которых смерть мученика рассматривается как своеобразный протест и публич-

¹⁴ Колесов В.В. *Древняя Русь: наследие в слове. Бытие и быт*. СПб., 2004. С.79.

¹⁵ Анализ этого эпизода «Сказания о Борисе и Глебе» см.: Еремин И.П. *Лекции и статьи по истории древней русской литературы*. Л., 1987. С.21–22.

¹⁶ ПЛДР. XI – начало XII века. М., 1978. С.378.

ная проповедь. Другой, также знакомый мировой христианской агиографии¹⁷, получает свое исчерпывающее развитие на Руси в эпоху канонизации первых восточнославянских святых, страстотерпцев Бориса и Глеба (Романа и Давида). Это подвиг непротivления и абсолютного смирения, по самоотверженности равный, пожалуй, только юродскому высмеиванию мира.

Истории многих мучеников, павших от рук нечестивых правителей-язычников, были хорошо известны в Древней Руси. Днями памяти страдальцев за веру был наполнен весь церковный календарь. Жития пострадавших за Христа сохранялись и старательно переписывались из столетия в столетие.

Как погибли первые христиане? Греческое слово «μάρτυς» (свидетель) само указывает на характер этого подвига. Он, как правило, и есть открытое свидетельство о Христе, совершается на площадях, в святилищах, театрах и цирках, очень часто при большом стечении народа. Задача мученика – духовно побороть и опозорить тирана, превратить его силу в слабость. Так, например, стяжали «победные венцы» Св. Евстафий Плакида, великомученица Ирина, Св. Георгий Победоносец, Св. Дмитрий Солунский и многие другие. Жития каждого из них прочно вошли в древнерусский агиографический корпус и включались в состав сборников, где можно найти и повествования о русских подвижниках. На примере отдельных сюжетов рассмотрим наиболее типичный способ определения ситуации в мученических житиях.

¹⁷ *О происхождении этого типа святости (его в древнерусской агиографии первыми представляют именно страстотерпцы Борис и Глеб) существует огромная литература. Укажем лишь некоторые работы. Отдельные авторы настаивали на уникальности мученичества князей (Отец Иоанн (Кологривов). Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961; Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т.1. С.504–505; Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С.49). Другие объясняют происхождение данной агиологической разновидности влиянием западнославянской и европейской агиографии в целом или отмечают преемственность, связанную с генезисом отдельных текстов. В последнее время стала распространенной попытка сравнивать западнославянские жития Св. Вячеслава и Св. Людмилы с памятниками борисоглебовского цикла, пользуясь терминами «идеологические константы» (Ревелли Дж. Старославянские легенды Святого Вячеслава Чешского и древнерусские княжеские жития // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб.9. С.81) и «семантический архетип», «ментальная парадигма» (Ранчин А.М. Князь – страстотерпец – святой: Семантический архетип литературных памятников о князьях Вячеславе-Вацлаве и Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб.7. Ч.1. С.227).*

Император Адриан велит Евстафию Плакиде поблагодарить богов за чудесное спасение семьи мученика и славную победу (Евстафий был «стратигом» цесаря). Воин начинает свободно исповедовать свою веру и говорит, что славить за великую милость можно только Христа, а поклоняться немым истуканам – дело умалишенных. Император не долго уговаривал полководца и бросил его на арену цирка, выпустив голодных львов, которые, однако, не растерзали мученика, а поклонились ему. Тогда цесарь велит установить в театре медного быка и разжечь под ним огонь. Без всяких признаков страдания на лице Евстафий и его близкие обращаются к Богу, получая в ответ на свои мольбы обещание вечной жизни: голос с неба громко утешает их и сулит посмертное блаженство. Мученики смело входят в чрево медного быка и не сгорают. Раскаленная медь приносила им только приятную прохладу, освежая покрытые испариной тела, и даже придавала силу. Но затем, когда наступило положенное время, мученики спокойно отошли в мир иной. Адриан извлекал их нетленные тела под крики толпы, прославлявшей Христа: «Убояв же ся скверненный царь...»¹⁸.

Вера мучеников сокрушает подчас любые «мучительные сосуды» (орудия казней и пыток): святым нестрашны аспиды, огонь и камни, во время экзекуций ломаются железные пилы, а тиран, подобно библейскому Навуходоносору, оказывается посрамленным. Так истязает дочь царя Линкиния завоеватель Седекий. Ехидны, керасты и василиски не приносят Ирине вреда. Она благодарит за помощь пророка Даниила, прообразовавшего ее страдания, и трех вавилонских отроков, которые уцелели в огне. Но в своей нечеловеческой ярости Седекий изобретателен. Однако два «древдела» напрасно пытаются погубить царскую дочь: «пилъ же влачимъ притупляста ся»¹⁹. Привязанная к мельничному колесу Ирина не погибает и под струей воды, которая неожиданно поменяла свое направление и потекла «окрест». Во время истязаний бесстрашной подвижницы все мироздание осуждает тирана: гремит гром, сверкают молнии, содрогается земля. Седекий не сумел побороть сильнейшую духом христианку и был прогнан толпой, которая чуть не побила его градом камней. С позором, потрясенный и поруганный, царь через несколько дней умирает, а Ирина временно освобождается от мучений. Ее час еще не настал. Она примет страдания от рук других деспотов.

¹⁸ ПЛДР. XII век. С.244. Ср.: *Византийские легенды / Изд. подгот. С.В.Полякова. М., 1994. С.222–224.*

¹⁹ *Успенский сборник. С.148.*

Настоящим торжеством духа оборачивается казнь Св. Евгении, которой должны были отсечь голову в храме Артемиды по повелению епарха Никития. В тот момент, когда палач занес над мученицей свой меч, стены капища по молитве Евгении рушатся. Толпа свидетелей охвачена смятением. О чуде узнают и те, кого не было в тот момент в храме. К месту победы над злыми демонами стекается народ. Сам Никитий поразился величию боговдохновенной Евгении, которая проповедует язычникам, обращая в христианство и простых людей, и епархов. Во время следующей казни с шеи Евгении чудесным образом падает тяжелый камень, который должен был увлечь ее на дно Тибра. Не вредит святой и огненная печь²⁰.

В необычное соревнование с нечестивым «зловѣрником» цезарем Максимианом Геркулием вступает Св. Дмитрий. Святой напутствует юношу Нестора, который намерен сокрушить свирепого и доселе не знавшего поражений гладиатора Лия, царского любимца. Дмитрий обещает Нестору великую победу и скорую мученическую смерть. Узнав о желании Нестора сражаться с известным гладиатором, Максимиан уговаривает юношу изменить решение, обещая богатые подарки и вполне искренне жалея его молодость. Деспот уверен в том, что и на этот раз безжалостный убийца Лий легко расправится с противником. Однако Нестор не отступает и, подобно библейскому Давиду, легко убивает жестокого ратоборца-великана. Максимиан узнает о том, что Нестора благословил на подвиг Св. Дмитрий, чтобы засвидетельствовать прилюдно силу христианской веры. Нестора казнят у городских ворот. Вскоре гибнет и Дмитрий.

Со временем привычная топика раннехристианских мучеников видоизменяется. Разумеется, новые жития мучеников, в том числе древнерусские памятники этого жанра, не являются рабскими копиями образцов. Однако основные, сущностные элементы конвенциональной модели остаются неизменными: мученик желает пострадать, его подвиг равнозначен публичной проповеди, он не выполняет повелений тирана, даже если перед ним представитель власти, попущенной Богом в наказание за грехи христиан. По этой схеме строится известная повесть о мученической смерти в Орде князя Михаила Всеволодовича Черниговского, который во время нашествия Батыя решает прилюдно засвидетельствовать силу своей веры и отправляется в ставку хана.

Михаил Черниговский заручился нравственной поддержкой духовного отца, а также своего боярина Федора, готового отдать жизнь за

²⁰ *Византийские легенды. С.225–242.*

Христа вместе с князем. Обычай хана требовать от христиан поклонения твари (огню, кусту, идолам) был хорошо известен, и наставник поучает Михаила: «Мнози ъхавше и створиша волю поганого, прелстишася славою свѣта сего, идоша сквозь огонь и поклонишася кусту и идоломъ, и погубиша душа своя. Но ты, Михаиле, оже хочеши ъхати, не створи тако: ни иди сквозь огонь, ни поклонися кусту, ни идолом ихъ, ни брашна, ни пития ихъ не приими во уста своя»²¹. Прельщение «славою света сего» и есть главная опасность, которую следует избежать. Ведь за отречением от Христа следуют почести, богатство, слава. Предателям веры невозбранно даруются владения. Многие совершали скверный обряд, чтобы получить желаемое. Михаил равнодушен к почестям и наградам. Но его ждет и другое испытание. Внук черниговского князя Борис Ростовский и его приближенные, бывшие в это время у хана, настойчиво уговаривают мученика подчиниться воле поганого царя. Федор опасается: «Еда како ослабѣеть Михаилъ молениемъ сихъ, помянувъ женьскую любовь и дѣтей ласкание, и послушаетъ сихъ». Чтобы поддержать своего господина, он напоминает о том, как должен страдать за Христа всякий мученик, и ссылается на евангельские слова: «Михаиле, помниши ли слово отца наю, иже учаше насъ от святаго Еуангелиа? Рече Господь: "Кая полза человеку, аще и всего мира царство прииметь, а душу свою погубить? И что дасть человекъ измѣну на души своей? Иже постыдиться мене и словесъ моихъ в родъ семь исповѣсть мя предъ человеки, исповѣмъ и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже есть на небесехъ. Аще ли кто отвержется мене предъ человеки, отвергуся и азъ его предъ Отцемъ моимъ небеснымъ"» (Ср.: Мр. 8, 36–37; Мф. 10, 33–34). Боярин просит князя отказаться от языческой чести прилюдно. Бросая к ногам Бориса и его свиты княжеский плащ, Михаил произносит: «Приимъте славу свѣта сего, ея же вы хочете!»

Показательны слова, с которыми обращается Михаил Всеволодович к Батью: «Тобѣ, цесарю, кланяюся понеже Богъ поручил ти есть царство свѣта сего. А емуже велиши поклонитися, – не поклонюся»²². Значит, царь достоин послушания ровно настолько, насколько его полномочия не противоречат велениям Бога (кесарю кесарево), но как только мучитель начинает претендовать на духовное господство, его притязания должны быть отвергнуты. В другой редакции повести, включенной в Никоновскую летопись, эта сентенция черниговского князя содержит заметные уточнения: «Тебѣ же царю сущу человекъу мертвену и тлѣнну,

²¹ Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). СПб., 1997. Т.5. С.158.

²² Там же. С.160.

но яко власть имущу обладателну честь воздаемъ и поклоняемъ, понеже вручено ти есть царствие отъ Бога и слава мира сего скоро погибающаго; а еже Христа Бога отрещися и не сущимъ богомъ твоимъ поклонитися, не принудиши насъ никогда же: тварь бо Божия есть и на службу челоукомъ сътворена отъ Бога». Подобно тому как епарх-истязатель Никитий восхищен мудростью Св. Евгении, Батый воздает должное ответу черниговского князя: «Царь же Батый слышавъ таковое мужество и крѣпость великого князя Михаила и боарина его Феодора, и, умилился, рече: "велий есть мужъ сей!"»²³.

Мученик отмечает одну из самых важных особенностей иноверческой власти: она заставляет поклоняться пустоте, видимости, «не существу»²⁴. Богом попущенный государь сам – лишь орудие, средство. Служение такому владыке не должно быть самоцелью, и подчинение ему возможно постольку, поскольку человек живет в «мире сем». Владычество земное временно и быстротечно, оно исчезает, потому что в тварном универсуме все ненадежно. Подобно тленному царю, идолы как безжизненное воплощение языческой веры, обоготворившей небытие, не могут заменить собой Творца. Мучитель, в свою очередь, не осознает отведенной ему роли «челоука мертвенна», нуждается в просвещении и наставлениях. Все то, что может он предложить своим «служебникам», не имеет никакой цены в глазах истинного христианина.

Итак, уже на первом этапе становления семантический архетип власти мучителя предполагает два принципиальных смысла: тиран истязает и тирану не подчиняются. Эта конвенциональная модель сохраняется и в дальнейшем, становясь основой эволюции концепта, важной стороной его осмысления и переживания в культуре.

Однако довольно рано на Руси выстраивается и другая линия поведения перед лицом жестокого государя, на этот раз не язычника, а христианина. Она коренным образом не меняет сущности «мучительства»

²³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2000. Т.Х. С.131.

²⁴ Об отношении книжника-христианина к языческим изваяниям пишет В.Я.Петрухин: «Для древнерусских книжников языческие боги – это бесы... Античных богов не существовало, их идолы, в противоположность православным иконам, – изображение не бывших вещей...». Далее исследователь приводит в качестве примера цитируемое в древнерусском сборнике XIII века толкование на Исход Феодорита Киррского, в котором говорится, что идол есть изваяние вещей, не имевших места в действительности, образ воображаемого («образныя образы»). По подобию, то есть в соответствии с реальностью «бывшихъ вещей», пишутся только иконы (См.: Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. (Древняя Русь). М., 2000. Т.1. С.314).

как богопротивного дела, но окрашивает последнее в особо мрачные тона, придавая ему оттенок бескомпромиссности («Обаче и матере мояе грѣхъ да не оцѣститъ ся и съ правдыными не напишу ся. Нѣ да потреблю ся отъ книгъ живушихъ»)²⁵.

Речь идет о братоубийственной борьбе за власть и возникающем на рубеже XI–XII вв. культе русских князей-«страстотерпцев», смысл подвига которых состоит как раз не в демонстративном протесте, а в абсолютном подчинении мучителю. Зло изменчиво. Изменчивы и способы борьбы с ним. А «самовластная» природа человека позволяет искать новые пути к победе над дьяволом.

В цикле произведений о Борисе и Глебе²⁶ были задействованы новые прообразующие сюжеты, в том числе библейский архетип, история Каина и Авеля²⁷. Интересно, что эта ветхозаветная модель, которой агиографы следуют совершенно открыто, не маскируя смысловых интенций, основанных на признанных ретроспективных аналогиях, явно переориентирует сознание воспринимающего с протеста мученика-свидетеля на молчаливое и кроткое принесение себя в жертву. Это, в свою очередь, позволяло по-новому использовать топику, восходящую к самоумалению Божества, кенозису.

Култ первых русских святых основан на идее спасительного жертвоприношения, обозначившего начало христианской истории. Кенотический смысл самоотречения молодых князей²⁸ позволил включить «ле-

²⁵ Слова Святополка Окаянного о самом себе («Сказание о Борисе и Глебе») как образцы рефлексии мучителя относятся, конечно, к дискурсивной практике книжника (См.: Revelli G. *Monumenti letterari su Boris e Gleb. Genova, 1993. P.275*). В.Н.Топоров видел в этой самохарактеристике Святополка констатацию безысходности и предопределенности зла, заставляющего братоубийцу действовать «не по собственному желанию, но почти автоматически» (Топоров В.Н. Указ. соч. С.555. Примеч.).

²⁶ О времени возникновения основных памятников цикла (там же библиография важнейших изданий и исследований) см.: *Письменные памятники истории древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н.Щапова. СПб., 2003. С.197–199.*

²⁷ Этому библейскому первообразу борисо-глебовского цикла посвящено специальное исследование, учитывающее и данные летописной повести о событиях 1015 и 1019 гг., и агиографический комплекс текстов, и паремийные чтения (Успенский Б.А. *Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С.33–34*).

²⁸ Речь, разумеется, идет о подражании кенозису и страстям Христовым по принципу «imitatio» (Об этом см.: Федотов Г.П. *Русская религиозность. Ч.1. Христианство Киев-*

топись» их страданий во всемирно-исторический контекст, придал их подвигу универсальный и типологический характер: отныне и воинский труд, и сопряженное с ним мученичество так или иначе освящались их присутствием.

Итак, конвенциональная модель классического «страстотерпчества»²⁹ была переосмыслена³⁰. На этот раз от мучеников никто не требует отречения от Христа, они не выходят на проповедь. Суть их подвига в том, что они терпеливо ждут расправы, думая о необходимости отвержения всех соблазнов «мира сего», или погибают внезапной смертью как жертвы вероломства.

В «Сказании о Борисе и Глебе» подвиг князя Бориса представлен как осознанное смирение перед лицом неизбежной гибели по умыслу старшего брата. Возможность сопротивления Святополку Борис с негодованием отвергает, не желая власти, богатства, славы, чести и самой земной жизни, которая обесценивается в его глазах. Примечательно, что агиограф делает особый акцент на раздумьях святого в самый ответственный момент, когда речь идет о будущем загробном блаженстве. Одно неверное решение, одна малейшая слабость – и душа навсегда останется в рабстве у темных сил. Внутренний монолог страстотерпца отмечен душевной ясностью и той логикой «не от мира сего»³¹, которые отличают последовательного христианина: «Аще поиду въ домъ отца своего, то язъци мнози превратятъ сьрдце мое, яко прогнати брата моего, яко же и отецъ мои преже святого крщения славы ради и княжения мира сего и иже все мимоходить и хоуже паучины. То камо имаць приити по ошьствию моею отсюдоу. <...> Къде ли съкрыю мьножьство грѣха моего»³². Борис не может уподобиться своему отцу Владимиру, который «преже святого крщения» погубил брата Ярополка. Войти в порочный круг зла легко, труднее найти путь назад.

Иначе построен рассказ о гибели Глеба. Здесь все внимание автора сосредоточено именно на внезапности жертвенного подвига, к которому князь не успел подготовиться. Он еще должен после пережитого первого потрясения осмыслить происходящее. Состояние Глеба передано как

ской Руси. X–XIII вв. // Собрание сочинений в 12 т. М., 2001. Т.10. С.95–125).

²⁹ О термине «страстотерпец» см.: Дьяченко Г. *Полный церковнославянский словарь*. М., 1993. С.671; Успенский Б.А. *Указ. соч.* С.62–64.

³⁰ См.: Живов В.М. *Святость. Краткий словарь агиографических терминов*. М., 1994. С.105–106.

³¹ См.: Топоров В.Н. *Указ. соч.* С.502–505.

³² Revelli G. *Op. cit.* P.159.

градация настроений, проходящая несколько стадий от удивления и страха до мужественной решимости отдать жизнь. Но даже такое стремительное мученичество юного князя (оно явно контрастирует с неспешной подготовкой к смерти Бориса, в течение долгого времени размышляющего и обращенного душой и помыслами к Богу) в «Сказании о Борисе и Глебе» не лишено элементов рефлексии. Собираясь с силами, «агна непорочное» молится за своих убийц, в том числе и за Святополка Окаянного: «Спаси ся и ты, брате и враже Святополче»³³.

Борис и Глеб, удостоенные мученических венцов. Сильвестровский сборник XIV века

Гибель невинного страдальца Глеба лишь подчеркивает жестокость и неукротимую лютость узурпатора. Прием градации распространяется на конструирование образа братоубийцы. Мучитель проходит все круги падения, совершая вслед за одним преступлением другое, еще более тяжкое: ведь устранение Глеба это даже не убийство, а «сырорезание».

³³ *Ibid.* P.318.

Казалось бы, в «Сказании» зло предопределено, а судьба второго Каина Святополка полностью отвечает общехристианским представлениям о Божьем биче, карающем нечестивых деспотов. Но, только получив известие о смерти Глеба, братоубийца («си слышавъ възнесе ся срьдьцьмь»³⁴), охваченный гордыней, подписал себе окончательный приговор. Конечно, Ярослав Мудрый победил губителя страсотерпцев «пособиемъ Божи-емь»³⁵. Как Юлиан Отступник, «иже мьногы крѣви святыхъ мученикъ пролиявъ», погиб «не вѣдомо отъ кого», так и отчаявшийся Святополк сокрушен, «бѣгая не вѣдыи ся отъ кого злыострастьну съмерть прия»³⁶.

Создатель другого агиографического произведения, вошедшего в борисо-глебовский цикл, Нестор, выстраивал жизнеописание братьев по образцу мученика, но при этом старательно подчеркивал и все то новое, что так или иначе отличало подвиг первых русских святых. С одной стороны, автор «Чтения о житии и о погублении блаженную страсотерпцу Бориса и Глеба» отмечает, что подвиг Бориса состоял и в борьбе с нечестивыми язычниками, но, с другой – акцент вполне осознанно сделан на безусловном доверии к старшему брату Святополку и на «покорении» ему³⁷.

Говоря о подражании Бориса Христу, Нестор не забывает о противоборстве христианства и язычества (согласно агиографическому канону, Борис не только жертва брата, но и воин, отправившийся в поход с дружиной на печенегов). В предсмертной молитве Бориса говорится: «Благодарю тя, Владыко Господи Боже мои, яко сподобил мя еси недостойнаго съобщнику быти страсти Сына твоего Господа нашего Исуса Христа. Посла бо единочадаго Сына своего в миръ. Его же беззаконнии предаша на смерть. И се азъ посланъ быхъ отъ отца своего, да спасу люди отъ супротивящихся ему погань. И се нынѣ уязвенъ есмь отъ рабъ отца своего. Нѣ Владыко отдаи же имъ грѣховъ...»³⁸.

Глеб не погибает внезапно, как об этом сообщает автор «Сказания», но готовится подражать Борису, избравшему путь мучеников, с детства. О коварных замыслах Святополка Глеб узнает намного раньше, чем в «Сказании», и при других обстоятельствах. В его подготовленности к самопожертвованию агиограф видит явное стремление следовать по

³⁴ *Ibid.* P.340.

³⁵ *Ibid.* P.351.

³⁶ *Ibid.* P.371. *О круге исторических аналогий, связанных в борисо-глебовском цикле с образом Святополка Окаянного см.: Успенский Б.А. Указ. соч. С.35–39.*

³⁷ *Об этом см.: Руди Т.Р. Указ. соч. С.68–69.*

³⁸ *Revelli G. Op. cit. P.651.*

стопам старшего брата и древних страдальцев, смерть за Христа для которых была давним и осознанным жизненным выбором.

И в то же время автор «Чтения», что прослеживается на уровне прямых высказываний, делает все возможное, чтобы намеренно подчеркнуть уникальность страстотерпческого подвига благоверных детей Владимира, избравших тем не менее в качестве образца «жития и мучения святых» (Борис просит Бога: «даруй ми по стопамъ ихъ ходити»³⁹). Но одного подражания недостаточно, если противник твой действует непредсказуемо. Святополк добивается своего обманом, «лестью», «мыслящую убо ему, како и кымъ образомъ погубить брата»⁴⁰. В борьбе с таким злом необходимо дойти до крайней степени унижения и смирения: «ни паку супротивлюся брату своему»⁴¹. Борис и Глеб воплощают безоговорочную покорность младших по отношению к старшим. Многие сопротивлялись приказам старших, строптивых убивали, и они не стяжали мученических венцов, так как были охвачены гордыней и не проявили должного послушания: «Видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста святая къ старъишу брату. Си аще бо быста супротивилася ему, едва быста такому дару чудесному сподоблена отъ Бога. Мнози бо суть нынѣ дѣтескы князи, не покоряющеса старъишимъ и супротивящеса имъ; и убиваемы суть. Ти не суть такои благодѣти сподоблени, яко же святая сия»⁴². Итак, в данном случае Нестор обходит без каких-либо параллелей с Ветхим и Новым Заветами и прибегает к аргументам, призванным объяснить смысл подвига, исходя из логики повседневности, что не ставит под сомнение, разумеется, богословской и историософской основы повествования в целом.

Насколько эта конвенциональная модель была продуктивной, свидетельствуют многочисленные попытки связывать мученичество, новое жертвенное страстотерпчество, с именами этих святых в дальнейшем. Подвиг Бориса и Глеба предопределил самостоятельную прообразующую ветвь русской истории и в глазах средневековых книжников стал не менее значим, чем свидетельства ранних христианских подвижников веры.

³⁹ *Ibid.* P.620.

⁴⁰ *Ibid.* P.636.

⁴¹ *Ibid.* P.640.

⁴² *Ibid.* P.690. Об этом упреке Нестора «детским» князьям см.: Истрия В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2003. С.161–162.

Для того чтобы реконструировать конвенциональную модель тирании, необходимо знать систему общепринятых предпосылок, с помощью которой объясняется поведение ее жертв. На примере борисоглебовского цикла можно, таким образом, сделать важные выводы. Смирение Бориса и Глеба отвечает новому характеру тиранической власти, которая была осмыслена как братоубийственная. Святополк – преступник-единоведец, который, в отличие от деспота-язычника, знает заповеди, но сознательно отвергает их, что намеренно подчеркивалось в паремейных чтениях о Борисе и Глебе, где интересующая нас конвенциональная модель представлена наиболее ярко и последовательно: «И по смерти вѣчно мучно есть, связанъ есть въ дѣно аду, понеже вѣдая и братоубиство створи»⁴³. Святополк обрек себя на посмертное наказание в аду, прельстившись тем, что ему не принадлежало по праву: «Не прѣподобно бо есть ковати ковь на брата своего. О, лють души твоєї! Понеже съвѣтъ зълъ съвѣща на правѣдиву своею брату, рекъ тако: "избию братию свою и буду единъ властель в Руси"; а не вѣдѣи, яко мечь Божии остриться нань, не помянувъ бо слова Иоана Богословца, обличающа его: "възлюблени, аще кто речеть, яко Бога люблю, а брата своего ненавижу, – ложь есть"»⁴⁴. Мучитель-единоведец преступает закон в силу того, что не считается со всемогуществом Бога, напрасно надеясь удержать власть.

Эта смысловая доминанта описываемой конвенциональной модели сходным образом развернута в летописном сообщении о Борисе и Глебе. О Святополке там говорится: «...нача помышляти, яко избью всю братью свою и приму власть Русьскую един, помыслив высокоумьемъ своимъ, не вѣдѣи, **яко Бог даетъ власть, емуже хоцеть, поставляеть бо цесаря и князя Вышнии, емуже хоцеть дасть** (выделено нами. – А.К.)»⁴⁵. В Ветхом Завете близкое изречение приписывается пророку Даниилу, предсказавшему падение Навуходоносора и Вальтасара. Предупреждение всем, кто забывает о божественном источнике господства, станет одним из топосов древнерусской книжности. Развязкой братоубийственной брани должен быть Божий суд, который неумолимо на-

⁴³ Цит. по: Успенский Б.А. Указ. соч. С.117–118.

⁴⁴ Там же. С.113.

⁴⁵ ПСРЛ. Т.1. М., 1997. Стлб.139; Повесть временных лет. СПб., 1996. С.61–62. Ср.: Дан. 4, 22; 5, 21. – Это высказывание есть и в паремейных чтениях о Борисе и Глебе, которые в принципе тесно связаны с летописными сообщениями, содержащими описание событий 1015 и 1019 гг. (Об этом см.: Успенский Б.А. Указ. соч. С.33, 71–72, 116). О трактовке тирании в летописях см.: Вальденберг В.Е. Указ. соч. С. 214–215.

стигал любого преступника. Поэтому в повести о злодеяниях рязанских князей формула, восходящая к памятникам борисо-глебовского цикла, выступает в роли своеобразного эпитафия, предварявшего рассказ о событиях: Глеб и Константин Владимировичи Рязанские решили «избить» своих родственников и злодейски водвориться в Рязанской земле: «...в помысль има вложь рекшема има, яко избьевь сих, а сами приимевъ едина всю власть, а не вѣси ли оканьне Божья строенья: дает бо власть, емуже хоцеть, поставляет цесаря и князя Вышьнии»⁴⁶.

Если узурпатор посягает на то, что ему не принадлежит по праву, то жертвы, в свою очередь, в полном соответствии с общепринятым определением ситуации, проявляют высшее смирение: «Наконец, жертва была избрана не вонне (как это принято), не среди других, а слита с самими боюй (жертва как самопожертвование). Духовный строитель жертвы, ее конструктор и, следовательно, жрец совместил себя с жертвой в одно нераздельное целое. И это тоже было сделано по своей воле»⁴⁷. Страстотерпцы не восстают на нечестивца и не осуждают его, не их дело бороться с несправедливой властью, хотя бы только с помощью проповеди. Не случайно Нестор подчеркивает, что Борис сопротивляется «поганым», но покорен старшему брату.

В дальнейшем парадигмы мученичества за веру и непротivления будут сосуществовать. Однако затем они послужат основой для другой конвенциональной модели: по отношению к нарушителю заповедей, убийце или обидчику-гордецу станет возможным вести себя с таким же демонстративным протестом, как и по отношению к тирану-язычнику⁴⁸,

⁴⁶ ПСРЛ Т.1. Стлб.440. – Показательно развитие темы незаконного захвата власти и братоубийства в памятниках Куликовского цикла. Уже в повести о Куликовской битве в Новгородской IV летописи сопротивление Дмитрия Ивановича Мамаю сравнивается с походом Ярослава Мудрого на Святополка Окаянного, «братоубицицу безглавнаго зверя». В «Сказании о Мамаевом побоище» с помощью слов пророка Даниила осуждены союзники Мамаю, Ольгерд и Олег Рязанский: «Они же (Олег и Ольгерд. – А.К.) скудни умомъ велми възрадовашеся о суетнѣ привитѣ безбожнаго царя, а не вѣдуце, яко Богъ власть даетъ, ему же хоцеть. <...> Нынѣ же сего Олга рязанскаго втораго Святополка нареку» (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С.142–143).

⁴⁷ Топоров В.Н. Указ. соч. С.502.

⁴⁸ Первые шаги на пути формирования этой конвенциональной модели были сделаны в домонгольской книжной традиции. Любопытный эпизод находим в Киево-Печерском патерике. Неправедный Ростислав Всеволодович, брат Владимира Мономаха, утопивший прозорливого страстотерпца Григория, который обличал воинов князя, был наказан Богом за гордость. По этому поводу книжник замечал: «Яко праведенъ Господь правду

принуждающему совершать идолослужение. Но, кроме открытой проповеди, у мученика по-прежнему остается возможность спокойно и безропотно (в послушании, а не в безразличном согласии со злом) принять свою смерть.

Воины удастаиваются мученических венцов на Куликовом поле. Миниатюра XVII века

**«Не Божий слуга,
но дьявол»**

С XIII века хана на Руси именовали царем. Если он не заставлял христиан отрекаться от веры отцов, то иноземному правителю принято было выказывать почтение, поскольку власть его считалась данной Богом. Титул «царь» применительно к хану «нес определенные коннотации легитимности»⁴⁹ и использовался довольно часто. Соответствующая

возлюби, и права видѣ лице его. Ежѣ челоѡвѣкъ всѣт, то и пожнет. Сиѣ грѣдым отдаѣние, имже Господь противитѣя, а смѣренымъ даѣтъ благодать» (Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л.А.Ольшевская, С.Н.Травников. М., 1999. С.46).

⁴⁹ Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической

практика хорошо известна. Проблема, однако, заключалась в том, что этот обычай сопровождался верой в незыблемость старинной клятвы, которая якобы связывала великих московских князей, «служебников» монгольских ханов. Речь шла, конечно, не о договоре, но о «пожаловании»⁵⁰. К концу XV века зависимость от хана стала восприниматься как проявление малодушия и бессилия власти перед лицом «мысленного волка».

В 1480 году ростовский архиепископ Вассиан Рыло во время нашествия хана Ахмата потребовал от великого князя Ивана III «не токмо до кровѣ, но и до смерти страдати за вѣру и за святѣя церкви»⁵¹. Духовенство толкало князя к открытому непослушанию, которое рассматривалось как необходимый и спасительный протест в момент смертельной опасности. Лучше нарушить клятву, чем погубить душу, чтобы не уподобиться злочестивому Ироду, который, сохраняя данное когда-то обещание, обрек себя на вечные муки: «лучше бѣ солгавшу живот получитьи, нежели истинствовавшу погибнути»⁵². Так актуализировалась традиционная парадигма иноверного царя-мучителя. Его не грех и обмануть, нарушив обычай подчинения (впрочем, для Вассиана очевидна изначальная иллюзорность и непрочность этой клятвы: «И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему (Ахмату. – А.К.)... повиноватися тебе, великому Русских стран христьянскому царю!»⁵³).

Незаконному владыке необходимо оказать самое решительное сопротивление. Как и в 1380 году, речь шла о вооруженном выступлении. История с ордынским «князем» Мамаем, которого на Руси считали скорее узурпатором, чем истинным царем⁵⁴, пригодилась как яркий образец для подражания.

теории // Из истории русской культуры. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф.Литвинова, Ф.Б.Успенский. М., 2002. Т.II. Кн.1. С.447. Ср.: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2005. С.87–89; Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С.283–287.

⁵⁰ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С.231–233.

⁵¹ ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С.528.

⁵² Там же. С.530.

⁵³ В контексте этого рассуждения возникает интересная дуальная оппозиция: царь-самозванец Ахмат противопоставляется законному благоверному царю Ивану (Там же).

⁵⁴ А.А.Горский отмечает: «...борьба с Мамаем виделась как борьба не с царем... а с узурпатором "царства"; он награждается эпитетами "поганый", "безбожный", "злочестивый"» (Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (До середины XVI в.) //

Праведную смерть на поле брани Вассиан сравнивает с наградой и приобретением, поскольку за мученичеством последует вечная жизнь: Дмитрий Донской «смерть яко же приобретение вмѣняше»⁵⁵. Фраза эта, восходящая к посланию апостола Павла Филиппийцам (Флп. 1, 21), приводится без отсылки к первоисточнику. Сходной формулой в полемике с Курбским воспользуется впоследствии царь Иван Грозный: «Аще праведен и благочестив еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, сие же несть смерть, но приобретение»⁵⁶.

Кроме того, в послании Вассиана мученичество воинов намеренно отождествляется с крещением, смывающим все грехи. Мотив сближает послание со «Словом о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». Примечательно, что тоπος «второго крещения» заявляет о себе у ростовского архиепископа в связи с темой победы на Куликовом поле. Ведь ратные подвиги Дмитрия Донского помогали недвусмысленному определению ситуации: подобно тому, как он проливал кровь и готов был отдать за православие свою жизнь, великий князь Иван должен принести необходимую и спасительную жертву: «Аще ли убо ты, о крѣпкый, храбрый царю, и еже о тебѣ христолюбивое воинство до крове и до смерти постражут за православную христову вѣру и за божия церкви, яко истиннии присная церковная чада, в ней иже породилася духовною и нетлѣньа банею, святым крещениемъ, яко же мученици своєю кровию, блажени бо и преблажени будут в вѣчномъ наслѣдїи, улучивше сие крещение, по нем же не възмогут согрѣшити...»⁵⁷. В «Слове о житии...» бояре обращаются к своему предводителю со словами: «а нынѣ тебе дѣля кровь свою прольемъ, и своєю кровью второе крещение приимемъ»⁵⁸.

Итак, Вассиан внушает князю мысль о том, что сопротивление надо оказать мучителю. Борьба с Ахматом – долг «пастыря доброго», спасающего христовых овец и подражающего тем, кто, «яко же первии мученици, иже вѣры ради пострадаша от мучителей, исповѣдания ради Христова умроша». Архиепископ освобождает Ивана от клятвы и каких-либо обязательств, которые даны «богостудному и скверному самому называющуся царю»; выступление против Ахмата закононо, по-

Одиссей. М., 1996. С.142–143).

⁵⁵ ПЛДР. *Вторая половина XV века. С.528.*

⁵⁶ *Послания Ивана Грозного. С.12.*

⁵⁷ ПЛДР. *Вторая половина XV века. С.530.*

⁵⁸ ПЛДР. *XIV–XV вв. М., 1981. С.210–212.*

скольку речь идет о «разбойнике, и хищнике, и богоборце»⁵⁹, желающем только одного – «до конца разорити христианство»⁶⁰. Если русский государь послушает «шепчущих во ухо» злых советников, то станет «предателем христьянским» и «бѣгнуом», превратившим честь в бесчестье, а славу в бесславие⁶¹. Смирение, которое он пока проявляет, постыдное и ложное («тебѣ же пред ними смиряющуся и о мире молящущя»⁶²). Автор послания, с одной стороны, настоятельно предлагает идеальную модель поведения князя-воина, но, с другой стороны, не исключает и прямо противоположного варианта развития событий. Иван может проявить малодушие и станет «наемником», трусливым пастырем. Главный акцент сделан на свободном, «самовластном» принятии решения, от которого будут зависеть и судьба великого князя, и, в конечном счете, будущее его державы.

В древнерусской литературе формируется новая конвенциональная модель государя-христианина, поставившего себя вне закона, оказавшегося предателем веры. Эта идея созвучна тем настроениям, которые возобладали в публицистике XVI века и выразителями которой стали Иосиф Волоцкий и Андрей Курбский.

Принцип неподчинения единовержному государю, ставшему в силу нарушения заповедей или догматических заблуждений законопреступным, был сформулирован не конкретно-исторически, но доктринально, в виде особого учения в «Просветителе» Иосифа Волоцкого. Во время борьбы с новгородско-московской ересью Иосиф обеспокоен возможностью перехода светской власти на сторону тех, кто искореняет православие. На горизонте старомосковской книжной традиции появились первые признаки тех настроений, которые затем окрепнут и выльются в историософскую мифологию русского отступничества, последней поистине эсхатологической апостазии.

В 7 «слове» «Просветителя» Иосиф последовательно проводит разграничение двух типов власти и даже «мучительства», телесного и душевного. Основываясь на ветхозаветных и апостольских принципах (Исх. 22, 28; 1 Петр. 2,17; Еф. 6, 5), игумен заключает, что нужно подчиняться государям, «яко человеком, предпочтенном от Бога и власть от Него приемшем, и могущих благодѣтельствовати и мучити тѣлеснѣ, а не душевнѣ». Таким правителям воздается не божественная, но челове-

⁵⁹ ПЛДР. Вторая половина XV века. С.530.

⁶⁰ Там же. С.524.

⁶¹ Там же. С.526.

⁶² Там же. С.524.

ческая честь, «якоже Господь глаголетъ: въздадите кесарева кесареви, а Божиа Богови. Аще сице поклоняешися и служиши, нѣсть ти на пагубу души, но паче от сего научишися боятися Бога: Царь бо Божии слуга есть, к человеку милостию и казнию»⁶³. В «телесном» мучительстве, иными словами, нет вреда, если человек смиряется, то он не губит душу, а физические страдания лишь учат его служить Богу.

Совсем иное дело – мучительство «душевное». Оно наносит вред и государю, и его рабу. Более того, последний, если он смиряется с тиранией богоотступника, становится соучастником преступления и тем самым обречен на посмертное наказание вместе с хозяином (модель в полной мере актуализирована Андреем Курбским, но нечто подобное имел в виду в XIV веке еще епископ тверской Семен, говоривший, что вслед за нечестивым князем в ад попадает и его «тиун»⁶⁴).

В чем же провинился царь, пути которого «темни суть»? Такой государь, прежде всего, не управляет собственными страстями. Он, как говорили в Древней Руси, «работает» не Богу, но «похотям», потворствуя собственным порокам: «Аще ли же есть царь, над человеки царствуа, над собою же имат царствующа – скверныя страсти и грѣхи, сребролюбие же и гнѣв, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣиши же всѣх, неверие и хулу, таковыи царь не Божии слуга, но диавол, и не царь, но мучитель. Таковаго царя, лукавства его ради, не нарече царем Господь нашъ Иисус Христос, но лисом: шедше, рече, рцѣте лису тому...».

Слуга в этих условиях, как настоятельно подчеркивает Иосиф Волоцкий, должен выстраивать свое поведение по образцу мученичества, вплоть до самоотречения и готовности отдать жизнь за правду: «Три же отроци нетокмо не покоришася повельнью Навходоносора царя, но и врага безаконна нарекоша его, и мерзкаго отступника, и лукавнѣиша паче всеа земля. И ты убо таковаго царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертию прѣтить»⁶⁵.

Подобная концепция властно вторгалась в отношения господства и подчинения, нарушая установившуюся взаимосвязь, поскольку игумен включает в перечень преступлений государя не только религиозное

⁶³ *Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань, 1855. С.324. Об этом см.: Вальденберг В.Е. Указ. соч. С. 217–219.*

⁶⁴ *Угрозы в адрес мучителя и его слуг содержатся в наставлении епископа Семена, которое было включено в «Мерило праведное» (См.: БЛДР. Т.5. С.394).*

⁶⁵ *Иосиф Волоцкий. Просветитель. С.324–325.*

отступничество, но и широко распространенные грехи, коренящиеся в падшей природе человека как такового. Это позволяло довольно легко приписать царю свойства мучителя, если он гневается, сребролюбив, несправедлив, горд. В дальнейшем, как мы увидим, граница, отделявшая «неверие» и «хулу» от сферы обычных человеческих страстей, была сравнительно легко преодолена.

В XVI веке некоторые книжники задумались над тем, что будет с православной державой, если правитель ее, оставаясь формально в лоне истинной веры, вдруг перестанет исполнять заповеди, дерзко нарушая то, что предписано соблюдать каждому христианину.

Опасениями такого рода были охвачены многие представители рядового и высшего духовенства, а поучения, в которых давались под тем или иным предлогом рекомендации царю, продолжили древнюю традицию (еще митрополит Никифор наставлял Владимира Мономаха, советуя «въ стадо Христово не даси вльку внити», беречь «прѣдания старое отец твоих» и в то же самое время помнить об осужденных и милостиво исправлять тех, «кто кого оклеветаль»⁶⁶). Но теперь к духовным лицам присоединились и некоторые миряне. О «правде» и «милости», «правде» и «вере» пишут боярин Федор Карпов и служилый человек Иван Пересветов. Тема эта обсуждалась, разумеется, в границах предустановленных моделей власти, а также с учетом нового исторического контекста.

После падения Константинополя в 1453 году последним благоверным государем оставался русский великий князь, а затем царь. Гибель православной державы Византии воспринималась в свете традиционного учения о «казнях Божиих». Турецкий султан стал антиподом богоизбранного монарха, деспотом-мучителем, наделенным всеми признаками дьявольской власти, попушенной за грехи людей. Так и толкует инок Максим Грек приход нового иноверного варвара. Его победы и успехи не должны смущать православных, поскольку не в этом состоит признание истинной власти; многие древние цесари и мучители побеждали врагов и были при этом гонителями христиан: «всякими образы гоня насъ и порабощая себя, попущающу Богу, грѣхъ ради нашихъ многихъ, а не за благовѣрие нѣкое его»⁶⁷. Нечестивец «неислѣдованными и непостижимыми Божиими судьбами»⁶⁸ обретает господство, но считать его по этой причине благочестивым – величайшее заблуждение. Пытаться как-

⁶⁶ Поньрко Н.В. *Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы.* СПб., 1992. С.69–70.

⁶⁷ *Сочинения преподобного Максима Грека. Изд. 2-е. Казань, 1894. Ч.1. С.117.*

⁶⁸ *Там же. С.118.*

то иначе объяснить эту ситуацию – напрасное мудрствование. В турецкой державе благоверие и правда не нашли своего пристанища. Владычество султана есть попущенное мучительство, во всех отношениях «доброненавистное и богомерзкое».

Иное дело – господство московского государя. Он и благочестив, и ему ничто не мешает властвовать, основываясь на законе правды. Победы такому монарху даются в награду за долготерпение и праведность: «Многа убо и ина суть уподобляющая небесному Владыцѣ благовѣрно царствующихъ на земли, и кротость бо и долготерпѣние, и еже о подручныхъ прилежание, и еже ко своимъ бояромъ благоволение и веледарное, изряднѣ же правда и милость и еже не презрѣти обидимья, но со многимъ чловѣколюбиемъ и с божественною ревностию воставляти на отмщение ихъ»⁶⁹.

Однако это не значит, что для Максима Грека идеал уже воплощен, а все опасения напрасны. Ученого монаха смущает отрицательный пример ромейской власти, которая не удержалась, стремясь соединить несовместимое, внешнее благочестие и глубокую внутреннюю неправду, несправедливость, выражавшуюся в сребролюбии, хищениях, безразличном отношении к подданным. Такое состояние державы, когда вера есть, а правды нет, старец Святой Горы определяет как пагубное лицемерие. Роковая непоследовательность власти, сохраняющей внешние атрибуты истинной веры и одновременно грубо нарушающей заповеди, приводит государство к гибели. Подобного варианта развития событий Максим Грек опасается как наихудшего, о чем прямо и говорит Ивану Грозному.

По сходной модели строит свои рассуждения Иван Пересветов, для которого симфония благоверия и правды является вожделенной целью в обустройстве любого царства. Однако у Пересветова главный акцент сделан именно на драматическом расколе между верой и правдой, вступившими в полосу поистине тревожного противостояния⁷⁰. Для Пере-

⁶⁹ Максим Грек. Сочинения. Казань, 1860. Ч.2. С.346–347.

⁷⁰ В недавнем очерке, посвященном «Большой челобитной» И.С.Пересветова, А.С.Демин не только усомнился в литературных достоинствах этого сочинения, но и отметил, что публицист, создававший личное послание, «не являлся ни великим мыслителем, ни крупным писателем». Подобная оценочная характеристика творчества Пересветова сочетается в работе Демина с весьма странным утверждением: «...все-таки остается неясным, что такое "правда" по Пересветову». В сборнике Пересветов, между тем выражена вполне отчетливая мысль: можно, будучи православным, жить в грехе, притеснять ближних, оставаться несправедливым. Пересветов, иными словами, различает

светова правды нет не только в державе греческого царя, но и на Руси. Герой «Большой челобитной» воевода Петр плачет, когда слышит слова некоего Васьки Мерцалова о настоящем Русского государства: «Коли правды нет, то всего нет». Отдавая должное правдолюбию Магметасалтана, воевода Петр, а вслед за ним и Пересветов не склонны идеализировать его правление, ибо власть иноверного монарха остается безбожной: «...Грех ради наших Махмет-салтан, турецкий царь, разбойнический род, осилел, и Царьгород взял, и благоверного царя Константина потребил, и вере христианской поругался...»⁷¹.

Многих публицистов первой половины XVI века объединяет эта антиномичность мышления. Они обсуждают судьбы Русской державы в пределах поляризации некоторых принципов, волею людской разделенных, но призванных существовать в непротиворечивом и гармоничном сотрудничестве. Ярким подтверждением этого может быть письмо Федора Карпова, адресованное митрополиту Даниилу. В эпистолярном трактате Карпов исследует природу верховной власти, которая, по замыслу публициста, должна защищать правду и одновременно быть милостивой. В соединении закона и любви автор видит залог процветания всякого истинного господства. В предельном развитии крайностей – явный признак деградации власти, которая, потеряв устойчивость, становится уродливым гипостазированием только одной из своих сторон: «Ради милости бо предстатель и князь от подвластных велми любитя, а истинны ради боится. Милость бо безь справды малодушество есть, а правда безь милости мучительство есть, и сия два разрушають царство и всяко градосожительство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укрошаема сохраняють царя царство въ многоденьствъ»⁷².

Итак, благочестивый государь должен соединить веру и правду и, слушая благих советников, править милостиво и справедливо. Это следование закону «правды» на деле и рассматривалось как долг истинного государя. Ведь уклониться от подлинного благочестия можно было не только на пути религиозного отступничества, но и в силу излишней

«веру» как признаки конфессиональной принадлежности и «правду» как данные Богом нормы, регулирующие поведение людей. «Правда», таким образом, высшая справедливость, закон, заповеди, иногда отождествляемые у Пересветова с самим Христом или с Божественным светом (Ср.: Демин А.С. Из истории древнерусского литературного творчества XV–XVI вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Сб.12. С.630–636).

⁷¹ Сочинения И.Пересветова. М.; Л., 1956. С.204–205.

⁷² ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С.514.

самоуверенности, гордыни, тех качеств, которые препятствовали верному пониманию Божьей воли. Автократия, иными словами, требовала системы противовесов, внутренних регуляторов. Отсутствие подобного сдерживающего начала могло, по мысли книжников Московского царства, самым отрицательным образом сказаться на будущем православной державы. Предчувствие их не обмануло. Вскоре конфликт между царем и его подданными, требовавшими «печалования» за невинно пострадавших, превратится в настоящую проблему для тех, кто хотел видеть власть, покорной «Божиим судьбам».

Тирания Антихриста и апостазия

когда-то признанного в качестве поборника благочестия всеми восточными патриархами.

Филиппа, конечно, никто не заставлял отречься от Христа. Он не был помехой в борьбе за власть, но погиб, защищая истину. Так, по крайней мере, определяют ситуацию современники, составители трех редакций Жития Филиппа (обращаясь к духовенству, митрополит, согласно Тулуповской редакции жития, говорит: «...на се учинени есмы – еже исправляти всяку истинну!»⁷³). Граница, разделявшая абсолютное добро и абсолютное зло, прошла между святителем и самодержцем, четко обозначив права и ответственность каждого из участников противостояния.

Однажды Филипп не благословил своего царя, потребовав отмены опричнины. Состоялся публичный спор, который обернулся низложением святителя. Митрополита держали в темнице, осмеивали, с позором возили в телеге по Москве, а затем сослали. Филипп погиб в келье Тверского Отроча монастыря, задушенный Малютой Скуратовым.

В житии Филиппа в равной мере важны стратегии поведения мучителя и жертвы. Они не совпадают полностью. Филипп до конца последователен и стоек в защите правды, а Грозный изменчив и противоречив. Если вначале царь выступает в качестве гордого и заносчивого предводителя опричников, то в заключительных эпизодах он из деспота превращается в орудие справедливого возмездия, сурово наказывая

Митрополит Филипп (в миру Колычев) – необычный мученик. Этот иерарх был причислен к лику святых как жертва православного царя,

⁷³ Колобов В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричина Ивана Грозного. СПб., 2004. С.574.

клеветников и преследователей митрополита, в первую очередь из среды духовенства.

Царь находится в плену у своих лукавых советников, которые, как сила внешняя, влияют на его свободный выбор, опутывая Грозного непроверенными слухами, вводя его в заблуждение лжесвидетельствами и доносами. Согласно версии агиографов, сам Иван явился жертвой коллективного заговора. Здесь показательны даже детали повествования. Заговорщики из царских любимцев действуют в буквальном смысле за спиной Грозного. Так, во время богослужения в Новодевичьем монастыре некто из окружения царя стоял в храме с покрытой головой, что возмутило Филиппа, сравнившего царскую свиту с неверными, придерживающимися «агарянского закона». Царь возмутился и даже решил наказать виновных: «Како се?» Но приближенный, только что спровоцировавший святителя на гневную отповедь, успел, незаметно для самодержца, снять тафью. Грозный так и не узнал правды: «Злобъ же пособницы и обавницы превратише се на блаженнаго Филиппа, яко "сия глаголет – державѣ твоей царьской ругается"»⁷⁴.

Опричнина, расколовшая царство, представлена в житии как следствие происков сатаны. В умственной и духовной сумятице уже неразличимы правые и виноватые: «Таже посемь многая бысть злоба в православнѣй вѣре, и от того опришенства воста велие возмущение во всемь мирѣ, и кровопролитие, и судъ неправеденъ. И от належшия скорби друг друга не свѣдаху!»⁷⁵. В так называемой Тулуповской редакции жития обнаруживаем следующую трактовку пагубного разделения царства: «Враг же, рыкая, ходит, зря вся сия (российское благочестие. – А.К.), завидя, якоже Иову. Но Иов праведен бе, аще и пострада, того же врага до конца победы. Наше же естество тяшкосердо и нерадиво, яко неистови»⁷⁶.

Если агиографы, создававшие и редактировавшие житие священномученика Филиппа, еще не подвергали сомнению благочестие и благоверие Грозного, находя под тем или иным предлогом оправдания для него, то совсем иную картину представляет собой историческая и нрав-

⁷⁴ БЛДР. СПб., 2005. Т.13. С.730 (цитируется Краткая редакция Жития митрополита Филиппа). – Согласно Тулуповской редакции, стоявших в храме с покрытой головой было много, то есть они представляли собой целую группу заговорщиков, преследовавших цель так или иначе дискредитировать Филиппа (См.: Колобов В.А. Указ. соч. С.582).

⁷⁵ БЛДР. Т.13. С.726.

⁷⁶ Колобов В.А. Указ. соч. С.572.

ственно-религиозная концепция Святорусского царства в трудах Андрея Курбского.

Важнейшим организующим принципом историософской доктрины Курбского была уверенность в объективности частного мнения. Согласно этой точке зрения, разум человека может соответствовать голосу совести как воплощению велений Божьих. Разум – главный критерий деятельности, и он не противоречит нравственному чувству. Следовательно, особую ценность приобретает совет благочестивого человека, а суду подлежат любые действия монарха, который должен находиться под постоянным присмотром. Его мысли, частная жизнь, принятие царем любых решений, в том числе не касающихся государственных дел, выбор друзей – все это должно быть под контролем советников и, прежде всего, царского духовника или авторитетного старца. Характерный эпизод, иллюстрирующий эту мысль, находим в «Истории о великом князе Московском». Там Курбский вспоминал богомольную поездку Ивана Грозного. Царь задумал отправиться в Кирилло-Белозерский монастырь, месту паломничества, связанному с именем почитаемого святого. Максим Грек, подвизавшийся тогда в Троице-Сергиевой обители, просил приближенных отговорить царя от исполнения обета и грозил наказанием, которое обязательно настигнет Ивана, если тот будет упорствовать: «...сын твой умрет и не возвратитца оттуды жив»⁷⁷. Царь не захотел прислушаться к голосу старца, и пророчество сбылось. Курбский делает вывод: царь, как правило, не наделен теми качествами, которые есть у добрых советников. Опыт прошлого лишь подтверждает, с его точки зрения, эту истину. Ссылаясь на Иоанна Златоуста, князь вспоминал пророка Моисея, не обладавшего «даром совета» и признавшего мудрость Рагуила⁷⁸, устами которого говорил сам Бог⁷⁹. В Третьем

⁷⁷ Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1914. Т.31. С.210.

⁷⁸ *Имя Рагуил значащее («Бог – мой друг»)*. Выбор Курбским этого ветхозаветного сюжета был вполне осозанным и соответствовал этико-религиозной доктрине «Истории о великом князе Московском». Рагуил, тесть Моисея, священник и вождь мадиамского племени, известен также в Ветхом завете под именем Иофора. Именно от этого мудреца Моисей получил совет по назначению судей (Исх. 18, 13–27). О Рагуиле (Иофоре) см.: Козмэй Д. Кто есть кто в Ветхом завете с апокрифами. М., 1998. С.246–247, 332.

⁷⁹ *Статья о совете Рагуила содержится в так называемом Хронографе 1512 года. Показательно, что наряду с отдельными эпизодами ветхозаветной истории составители хронографа специально выделили краткое повествование о тесте Моисея. Здесь, вероятно, также сыграл свою роль интерес к теме благого совета: «Прииде же Рагуил Ефор, тесть Моисея, и сынове и жена к Моисею. И глагола Моисею тесть его, еже избрати*

послании Грозному Курбский попытался подвергнуть критике действия столь любимого Иваном IV императора Константина, который становится, в глазах князя, олицетворением неограниченной власти мучителя. Основываясь на чуде, вошедшем в житие Николая Мирликийского, Курбский вспоминает трех послов, которые были приговорены Константином Великим к смерти. Являясь во сне императору, святитель Николай требует того, чтобы невинные страдалцы были освобождены. Любопытны те сентенции, которыми сопровождал этот рассказ Курбский. Император Константин готов был совершить великое зло, хотя давно обратился в православие. К преступлению против Божьих заповедей его подстрекали «ласкатели прескверные». Разумеется, этого бы никогда не произошло, будь на их месте добрые советники.

Активность и целеустремленность в борьбе со злом необходимы в первую очередь для нравственной опеки над непокорными разуму. Пастырские обязанности и посредничество царя в деле спасения «христианского рода» решительно отвергаются. Ясно, что при такой постановке вопроса ни о каком «самодержавстве», неограниченном единовластии, как понимал их Иван Грозный, не может быть и речи⁸⁰.

Но кто имеет в таком случае моральное право назначать советников? Казалось бы, государственная концепция князя строилась по принципу порочного круга: царь поставлен по Божьей воле, но сам монарх бессилен преодолеть греховные страсти и должен опереться на разумных людей; однако известно, что советники могут, как грешные и несовершенно по природе, отступать от заповедей Бога. Злые советники способны принести еще больший вред, чем произвол одного человека (этого Курбский не отрицает и, более того, доказывает данный тезис с исчерпывающей убедительностью). В «Истории о великом князе Московском» осужден монах «от осифлянския лукавья четы» Вассиан Топорков, изрекший Грозному «силлогизм сотанинский»: «И аще хошеши самодержец быти, не держи себе советника ни единого мудрейшаго себя...»⁸¹. Так один злой совет может разрушить все православное царство⁸².

мужа силны ото всего Израйля и сътворити над ними тысящники и сотники и пядесятники и десятники и книгъчиа, да судят по вся часы и большую речь к Моисею възвещаху, а малыа сами сужаху» (ПСРЛ. М., 2005. Т.22. С.66).

⁸⁰ Рыков Ю.Д. Князь А.М.Курбский и его концепция государственной власти // *Россия на путях централизации. М., 1982. С.193–198.*

⁸¹ РИБ. Т.31. С.212.

⁸² Я.С.Лурье в связи с этим замечал: «При отсутствии разработанной правовой системы

Что делать, если нет достаточно надежных критериев, по которым следует выбирать приближенных? Где мера их права вмешиваться в святая святых государственной жизни? Кто будет в случае необходимости контролировать их, если царь по определению является носителем потенциальной опасности и его единоличная воля угрожает спокойствию Святорусской державы? На эти вопросы Курбский прямого ответа не давал.

Вмешательство советника в ход земных событий подобно мистическому акту. Оно имеет сверхъестественный, чудесный характер. Так, по Божьей воле начинает свои душеспасительные проповеди протоиерей Сильвестр⁸³. Этот наставник предрекает московский пожар, ставший наказанием тому, кто пренебрег мудрыми советниками. В тот же час, когда Сильвестр предсказал бедствие, из-под престола одной церкви вырвалось пламя, погубившее целый город⁸⁴. Исполнен пророческого дара Максим Грек. В своих добродетелях Алексей Адашев приравняется не к человеку, но к ангелу. Благой советник оказывается таинственным символом, особым знаком, указывающим на потустороннюю помощь, пришедшую во спасение и отвергнутую в осуждение. В свою очередь, Вассиан Топорков олицетворяет внешнюю дьявольскую волю.

Мысль Курбского подчинена своеобразной логике. Его не интересует практический механизм приведения к власти советников. У князя существовали лишь критерии истинности «синклитов», то есть такие принципы, в соответствии с которыми можно определять, кто именно должен опекать монарха и фактически руководить выработкой важных решений, в том числе и государственного масштаба.

Может показаться, что князь Андрей настаивает на участии советников в деле государственного управления для того, чтобы соблюдалась законность. Однако Курбский не был в этом отношении достаточно последователен. Его требования, обращенные к царю, не вели к созданию правового общества в современном смысле этого слова. Вот что

произвол мог творить и царь и его "мудрые советники" (Лурье Я.С. Переписка Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С.239).

⁸³ См.: Уваров К.А. Князь А.М.Курбский – писатель («История о великом князе Московском»). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Машинотпись. М., 1973. С.63.

⁸⁴ Архангельский А.С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI–XVII вв.: Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI – перв. пол. XVII в. М., 1888. Приложение I. С.35–36.

здесь оказывается принципиальным. Поэтому в учении князя и не видно сугубо законодательной основы для утверждения формальной легитимности совета. Курбский не предлагает автономных «социально-политических категорий»⁸⁵. Его понимание власти остается по преимуществу религиозным. Поэтому в центре системы ценностей здесь оказывается не норма «естественного закона»⁸⁶ или успех «внешних и внутренних реформ»⁸⁷, но идея спасения души. Важно то, что в книжности Московской Руси верховная власть и не рассматривалась в сугубо юридическом аспекте. Ее законность покоилась на ее трансцендентности, внешней заданности, на том, что она присутствует вне обычных земных отношений. Так, например, в исключительном положении одного рода видели проявление высшей воли. Но именно здесь теория династического мессианства вступала в противоречие с другой точкой зрения.

Критика правления Ивана Грозного вызвала к жизни новую концепцию царства, которая определяла православное государство как симфонию, особый душеспасительный союз самодержца и «синклитов». Конечно, эта теория не предполагала коллегиального правления или сословно-представительной монархии в европейском смысле. Учение Курбского нельзя сводить и только к ряду узко практических рекомендаций (например, к призыву восстановить традиционное боярское право «встречи», совета, подаваемого царю⁸⁸). Провозглашенный союз обретал особый сверхъестественный статус, представляя собой, по мысли публициста, «пленницу» (соединение, цепь), «Богом соплетенную в любовь духовную»⁸⁹. Эту мысль Курбский подтверждает евангельскими словами: «Идѣже бо еста два или три собрани во имя Мое, ту есмь посредь их» (Мф. 18, 20).

Одновременно Курбскому требовалось защитить частное мнение благих советников. Для этого средневековый писатель создает развитую

⁸⁵ Н.М.Золотухина, характеризую идеал справедливого правления, развитый в произведениях Курбского, отмечает, что князь «сосредоточился на раскрытии социально-политических категорий» (Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985. С.149).

⁸⁶ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С.310–312.

⁸⁷ Уваров К.А. Указ. соч. С.68.

⁸⁸ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С.175; Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С.91.

⁸⁹ РИБ. Т.31. С.262.

концепцию Избранной рады. Избранничество в данном случае необходимо понимать именно как богоизбранность, как нравственное превосходство, обеспечивающее широкий круг прав и даже особую ответственность⁹⁰. Избран не тот, кто получил особые полномочия по воле людей, но тот, на ком почилла благодать Божия.

К теме избранничества князь обращался неоднократно. Так, в послании к пану Федору Бокею Курбский говорил о необходимости для христианина беседовать только «со благочестивыми мужи и со искусными во писаниях»⁹¹. Соответственно нужно избегать мужей нечестивых. Обличая еретиков, внушающих советы дьявола, христианин должен стать одним из друзей Божьих. «А кто жь суть друзи Божии? – спрашивает князь Андрей и незамедлительно дает ответ. – Разве святии избранныи первородные, ихже совершенныя духи праведных на небесех, стояще у престола Господня, молящияся за нас беспрестанно Христу Богу нашему...»⁹². В предисловии к «Новому Маргариту» избранники – не только преподобные, но и мученики: «а избранных своих Бог, до конца претерпевших, zde искушающе, аки злато в горниле»⁹³. В этих словах, содержащих евангельскую реминисценцию (Матф. 10, 22; 24, 13), подчеркивается, что «избраны все пострадавшие (не обязательно погибшие, поскольку семантика глагола "погубити" допускает перевод "разорить, отогнать"), прошедшие через горнило мук и тем принявшие второе крещение»⁹⁴.

Отказ от подчинения воле добрых советников был для автора «Истории о великом князе Московском» проявлением дьявольской гордыни. Именно это позволило Курбскому сравнивать злого царского советника Вассиана Топоркова с падшим ангелом. Подобно тому, как Люцифер требует поклонения себе, так ничем не ограниченная власть становится по сути богоборческой и антихристианской: «...И абие денница низпаде восходящая заутра, и низпаде аж в преисподнее: возгордев бо и не сохранив своего чина, яко писано есть: и от Осфора Сатана наречен, сиречь отступник. Тому древнему отступнику и сын глас подобен провещал, паче же он сам, точию действовал устнами престаревшимися стар-

⁹⁰ Юрганов А.Л. Указ. соч. С.393–395.

⁹¹ РИБ. Т.31. С.447.

⁹² Там же. С.448.

⁹³ Архангельский А.С. Указ. соч. С.10.

⁹⁴ Ерусалимский К.Ю. *Идеальный совет в «Истории о великом князе Московском» // Текст в гуманитарном знании. Материалы межвузовской конференции 22–24 апреля 1997 г. М., 1997. С.76–77.*

ца, и рече: "Ты лутчи всех, и недостойт ти никого имети мудраго"; аки бы рекл: "Понеже еси Богу равен"⁹⁵. Если царь меняет свое окружение и приближает к себе льстецов, то он сразу оказывается в плену у темных сил: «Али не час было образумитися и покаятися ко Богу, яко Монасия, и отклонити волю естественнаго самовластия по естеству ко своему Сотворителю, искупившему нас...». За этим, в соответствии с обычной логикой, должна последовать мысль о важности добровольного раскаяния, но князь Андрей всю вину перекладывает на «верных» слуг дьявола: «Еще ли ся не размотриш, о царю, к чему ты привели человекоугодницы? И чем ты сотворили любимыя маньяки твои? И яко опровергли и опроказили прежде святую и многоденную, покаянием украшенную, совесть души твоеи?»⁹⁶ Значит, если Иван послушает мудрых наставников, то естественным результатом этого и будет свобода от греха. С добрыми советниками царь могуч и непобедим, чист и светел, с «ласкателями» – лют и бесчеловечен, слаб и бесславлен: «Вместо мужества твоего и храбрости, бегун пред врагом и храняка. Царь великий христианский, пред бусурманским волком, яже преже пред нами места не нашол и на диком поле, бегая»⁹⁷.

Единственным средством воздействия на преступного царя оказывается внушаемое чувство страха. Миссия протоиерея Сильвестра представлена поэтому не только как спасительная проповедь, но и как устрашение. Автор не скрывает: во имя того, чтобы «великое зло целити», священник действовал обманом. Кроме того, «преподобный молитвенник» обязан во имя общего блага безжалостно искоренять пороки. Врач, вырезающий острой бритвой «дикое» мясо, чтобы предупредить образование смертоносной гангрены, обнаруживает косвенное сходство с целителем человеческих душ, который должен духовно спасти подопечного, прибегая иногда к болезненным и жестоким средствам.

В Третьем послании Грозному представление о советниках как избранниках Божиих предельно конкретизируется. Царское окружение может состоять только из тех, кто верен заповедям Божиим и достигает действительной святости. Без них невозможно быть избранным среди избранных и преподобным среди преподобных. Идея Курбского целиком находится в русле заявленной нравственно-религиозной концепции симфонии царя и «нарочитых мужей». Преподобные советники охраняют душу царя и, кроме всего прочего, фактически окормляют царство

⁹⁵ РИБ. Т.31. С.212–213.

⁹⁶ Там же. С.270.

⁹⁷ Там же. С.269.

и христианский род. Назначение «синклитов» имеет явный сотериологический смысл.

Отвергающий благих советников становится сообщником темных сил. В этом смысле Грозный идет по пути отрицания божественной благодати, превращаясь в нового христианского губителя и пособника Антихриста. В предисловии к «Новому Маргариту» обличитель Грозного представил развернутую характеристику апокалиптического зверя, пожирающего Московское царство: «Мню, иже человек бы сего зла человеком не възмог сотворити, но сам дьявол, рыскающе и як лев, ярящийся прелютейше на народ христианский, разрешен уже будуще от темницы своя и пущенный на прельщение языков, имея ярость велию. Змий (*на полях*: Дракон. Зри во Апокалипси прилежне и прировнай тое пророчество нынешняго века беседам) он превеликий, имеюще брань со святыми, и възвышающе опаш (*на полях*: хобот сиречь) свой на высоту, низлагающе с небеси третину звезд небесных, то есть человеконарочитых и властей христианских, в высоких догматах и в жительстве священнолепном. Последи же разслабившихся, и славу мира сего возлюбивших, и волею своею под его власть покорившихся низложил на землю...»⁹⁸.

Курбскому принадлежала и разработанная в деталях концепция историсофской катастрофы – учение о двух драконах, «внешнем» и «внутреннем». В соответствии с этой теорией, «внешний дракон» представляет собой гонителя христиан, языческого царя, подобного неистовому Нерону. Ярость «внешнего дракона» не разрушает основ христианской жизни, но лишь сплачивает правоверных: «Тако царие быша прежнии мучители нечестивыя идолослужители, болваном глухим и немым жертву приносящие и боящесь тех богов новых, ихже не подобаше бояться... и быша оные церкви Христовы явственные и внешние неприятели»⁹⁹.

Гораздо опаснее «дракон внутренний». Он выступает под личиной христианского государя и тайно изнутри разрушает православную державу, фактически осуществляя подмену истинной веры полужыческим культом. По существу речь идет о скрытом внедрении сатанизма, который призван, сохраняя видимость симфонии царя и правоверных христиан, превратить последнее богоизбранное царство в огромную вотчину Антихриста. Царь «не явственно обещался дияволу и ангелом его,

⁹⁸ *Архангельский А.С. Указ. соч. С.10.*

⁹⁹ *РИБ. Т.31. С.348.*

собравши воинство полков дьявольских...»¹⁰⁰; «О воистинну новое идолослужение и обещание и приношение не балвану Аполонову и прочим, но самому Сатоне и бесом его...»¹⁰¹.

Поэтому упоминаемые в связи с деяниями Грозного имена языческих богов выступают в качестве метафоры тайного антихристианского поведения. Царь приказывал «не Крону жрети и дети закалати, но отрекшись естества, сиречь отца и матери и братии, резати человекв по составом повелел... не пред Анродитовым болваном блудотворения и нечистоты плодоти, но на явственнейших своих скверных пированиях пресквернейшие глаголы со восклицанием и со вопиянием отрыгати...»¹⁰².

Князь Андрей последовательно проводит эту идею. Сквозными лейтмотивами публицистики Курбского становятся рассказы об опричном воинстве, которое уподоблено бесовским полкам, царских пирах, похожих на мерзкие трапезы язычников, казнях и пытках. Характерно, что многие жертвы, о которых сообщает автор, приносятся на трапезах и в храмах. Мученики исполнены решимости пострадать за Христа, и тем самым они разоблачают «внутреннего» дракона, истинная природа которого оказывается явленной миру¹⁰³.

¹⁰⁰ Там же. С.351.

¹⁰¹ Там же. С.268.

¹⁰² Там же. С.349.

¹⁰³ *Тема сатанинского служения нечестивой власти станет актуальной в эпоху Смуты, когда будут востребованы две известные ранее конвенциональные модели мучительства. Первая будет связана с представлением об убийце-узурпаторе, жертвы которого являются невинными страдальцами, не оказывающими сопротивления. Вторая призвана определять ситуацию богоборческого и незаконного самозванчества. Царь в этом смысле выступает уже в качестве языческого тирана. С этой точки зрения показательна «Повесть како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови новаго страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличскаго». В повести Борис представлен как убийца царевича Дмитрия и второй Святополк «по святоубийству» (Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л. «Повесть како отомсти» – памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. XXVIII. С.243). Лжедмитрий рассматривается как попущенный Богом в наказание Годунову еретик, призванный «церкви Божия разорити, и вместо церквей костелы римские созидати» (Там же. С.245). Согласно концепции автора повести, Гришка Отрепьев не только вероотступник, мучитель христиан, но и прямой пособник Антихриста, устрашающий православный народ «знаменем превечнаго своего домовища», изображе-*

Историософский пессимизм Курбского получал разрешение только в эсхатологической перспективе. Напряженное ожидание окончательного и абсолютного Суда становилось эмоциональной и смысловой доминантой «Истории о великом князе Московском». По отношению к последнему православному царству князь был исполнен безнадежных апокалиптических предчувствий. Для него все земные возможности исчерпаны. Оправданием бессмысленной жестокости и религиозного отступничества может стать только очистительная жертва. Пострадать протестуя – вот единственная стратегия поведения, которая придаст великой катастрофе искупительный смысл. В этом своем качестве историософия Курбского была своеобразным предвидением старообрядческого бунта, обернувшегося новыми эсхатологическими чаяниями.

В XVII веке идея очистительных страданий и самопожертвования выросла на почве религиозного протеста, вызванного неосторожными действиями духовных и светских властей, проводивших реформы. С этим, казалось бы, все согласны. Однако если присмотреться к интересующему нас противостоянию более внимательно, то окажется, что антагонисты желали в сущности одного и того же – такого исправления жизни общества, такого нравственного преображения, которое отвечало бы идеалам «старины». Только «старину» эту каждый понимал по-своему: «В 1640-е годы духовные вожди обеих партий принадлежали к одному и тому же реформистскому кружку боголюбцев. <...> Любое реформистское движение изменяет отношение к личности. Сражающийся реформатор всегда предстает как выделенный из общества индивид; само собой разумеется, что его жизнь и деятельность не вписываются в устоявшиеся социальные и культурные нормы»¹⁰⁴.

Тем не менее ставшая классической конвенциональная модель мученичества за веру, предполагавшего протест и открытую проповедь, актуализируется в новых условиях и становится жизненной вследствие борьбы за «древнее» благочестие. Для старообрядцев мученичество – это не воспоминание о далеком прошлом, не крайняя жизненная ситуа-

нием самого ада («ад превелик зело, имеющ у себе три главы»). Богомерзкое изваяние, якобы поставленное по приказу Лжедмитрия на Москве-реке, было видно отовсюду. Из окон царского дворца самозванец любовался чудовищным идолом «себе во обличение» (Там же. С.248–249).

¹⁰⁴ Живов В.М. *Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры (XVII – начало XVIII века). М., 1996. Т. III. С.467.*

ция, не смутный идеал, но повседневность, каждодневное служение Богу и... быт. Мучениками и гонимыми становятся легко. Для этого необязательно вступать в конфликт с царем и патриархом, подобно Ивану Неронову, отговаривавшему Михаила Федоровича и Филарета идти войной на Польшу в 1632–1633 гг. Мучитель, облеченный высшей властью, далеко. Но повод пострадать всегда найдется.

Присмотримся к небольшому комплексу писем признанного вождя старообрядчества протопопа Аввакума, адресованных некоему Симеону¹⁰⁵. Послания, судя по всему, датируются первой половиной 1670-х гг. Это своеобразный программный текст, дающий полную и развернутую характеристику мученика и мучителя, с точки зрения старообрядца. Для нас важно то, что здесь не так много конкретно-исторических характеристик, но зато с избытком суждений общего характера, определяющих ситуацию неповиновения тирану.

Показательно первое письмо, которое целиком посвящено тому, как легко пострадать за Христа, если исправляешь нравы окружающих. Аввакум оценивает себя, вспоминая те эпизоды, которые были наиболее характерны для его пастырского поведения. При этом почти не вдается в детали, почти не касается определенных событий и лиц. Он скорее реконструирует некий типичный образ поведения, сущность повторявшихся действий и конфликтов: «Отраднее, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житие бысть, нежели мне в волокитах тех. Беспреданно душевное плавание и неусыпныя наветы и беды, яко со зверьми, по человеку, со искусители брахся. Вне убо страх, а внутри такожде боязнь. И во церковь иду, а тово и гляжу, как нападут. А в церкви стою, паки внутренняя беда: бесчинства в ней не могу претерпеть. Беспреданно ратуюся с попами пьяными, и с крылошаны, и с прихожаны. Малая чадь, робята, в церкви играют, и те душу мою возмущают. Иное хошу и промолчать, ино невозможное дело, – горит во утробе моей, яко пламя палит. И плачу, и ратуюся. А егда в литоргею (литургию. – А.К.) нищия по церкви бродят и не могу их унять, и я им кланяюся и денег посулю, велю на одном месте стоять, а после обедни и заплачу. А которые бродят и мятежат людьми, не послушают совета моего, с теми ратуюся, понеже совесть нудит, претерпеть не могу»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Вероятно, письма адресованы нижегородцу Симеону Крашенинникову, в иночестве (с 1675 г.) Сергию.

¹⁰⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Ред. и коммент. Н.К.Гудзия. М., 1997. С.331.

Так, для Аввакума протест начинается с малого, с тех жизненных коллизий, когда «совесть нудит», когда нельзя промолчать. Мученик-старообрядец вышел из этого мироощущения беспокойной совести, осознал себя лично ответственным за все, что происходит вокруг, стал «воином Христовым», который властно вмешивается в окружающую его неустроенную жизнь, нисколько не сомневаясь в том, что имеет право биться с «разорителями», «бегунами», «потаковниками». Порядок в церкви во время богослужения не менее важен Аввакуму, чем чистота правой веры, которую следует защищать от еретиков. Между варварством нерадивых прихожан и пьяных попов и богоборчеством похотливого мучителя он не видит большой разницы. Одно для него предполагает другое: «Зде же не тряпезу разоряют, ниже святая опровергают, но самый Дух Святыи оскорбляют и досаждают Богу... <...> Аз же глаголю и повелеваю на мятежника церковнаго все верным руки возложить и далече от церкви отгнати паче онаго варвара; и дондеже в покаяние придет, ни на праг церковный не попушу таковому вступити»¹⁰⁷. Не случайно от этого призыва бороться с преступающими церковное благочестие Аввакум сразу переходит к истории Иоанна Златоуста, пострадавшего за Церковь от мучителей. В уста одного из деспотов, преследовавших святителя, Аввакум вложил такие слова: «Надоело житие святое, – понуждает на всякое благочестие; а в царских надобно прокладно: пить, есть, поиграть в дудки, сиповщики с трубками, детей потешить, самим повеселиться!»¹⁰⁸ Между наветами на прославленного иерарха и преследованиями ревнителей благочестия во времена Алексея Михайловича Аввакум не видит никакой разницы: «Слово в слово изначала у нас бысть так же». Причина гонений в сластолюбии, в желании покоя и удовольствий: «Егда же огорчило житие святое, яко и мед ядущим много: возьми да понеси, рассылай в сылки, стриги, проклинай, новый Феофил, александрийский епископ, имея дух пытливый, Никон!»¹⁰⁹ Многочисленные жертвы предателей «древлецерковного благочестия» – лишь закономерный итог последней битвы накануне Страшного суда. Поэтому Аввакум и советует не бояться огня земного, который не так свиреп, как огонь ада. Лучше гореть сейчас, чтобы присоединиться к сонму праведников, чем пить из рук вавилонской блудницы.

¹⁰⁷ Там же. С.332.

¹⁰⁸ Там же. С.333.

¹⁰⁹ Там же. С.334.

Патриарх у ложа больного царя. Миниатюра XVIII века

Если ужасы гонений, пыток и казней не так страшны и всего лишь временная, но спасительная жертва, то телесный покой и радости мучителя сменятся настоящим кошмаром после смерти. Обобщенный образ притеснителя праведников конструируется с помощью эсхатологических символов; при этом приметы сластолюбия и слабости тиранической власти соотнесены с ужасами «ада кромешного», где нельзя уже наслаждаться славой и богатством. В аду мучитель ничтожен, смешон, его можно только пожалеть: «А мучитель ревет в жупеле огня. На-вось тебе столовые, долги и бесконечные пироги и меды сладкие, и водка процеженная с зеленым вином! А есть ли под тобой, Максимиян, перина пуховая и возглавие? И свнухи опахивают твоё здоровье, чтобы мухи не кусали великаго государя? А как там с... тово ходишь, спальники робята подтирают ли гузно то у тебя в жупеле том огненном? Сказал мне Дух Святый: нет-де там уж у вас робят тех, – все здесь остались, да уж-де ты и не с... кушанья

тово, намале самого кушают черви, великого государя. Бедной, бедной, безумное царшко! Что ты над собой сделал?»¹¹⁰

Эфемерность мучительской власти предполагает окончательный приговор и одновременно торжество правого дела, за которое страдают верные: «А хотя и бить станут или жечь, ино и слава Господу Богу о сем!»¹¹¹ При этом судьба злочестивых «любодеев» исключительно в Божьих руках. Протест предполагает лишь проповедь и свидетельство, но земными средствами, ведущими к захвату власти, к суду над мучителем и низвержению тирана, действовать невозможно. Этот путь даже не обсуждается. Страдальцы лишь ждут, когда исполнится приговор, мучаются, радуясь и скорбя. Однако любой слух о бедах, которые обрушились на голову несчастивца, дает Аввакуму повод для мрачного веселья и надежд на окончательное свершение «казней Божиих». Например, новость о том, что участника рокового собора 1666–1667 годов патриарха Паисия распяли турки, встречает у вождя старообрядцев горячее одобрение. Аввакум надеется на прижизненное наказание еретиков силами иноверных захватчиков. Мятежный протопоп пророчествует: второй Тит Флавий сокрушит, может быть, никоновский Новый Иерусалим на Истре, а вместе с ним и патриарший двор в Кремле.

Не меньше, чем Аввакум, думал о мучительской власти его соратник дьякон Федор. В письме «сродникам» и сыну Максиму из Пустозерска заключенный рисует образы мучителей, приходящие в видениях и снах. Они постоянно преследуют узника, являются ему то в устрашающем, а то в смешном и жалком виде. Вот он представляет себе посмертную участь царя Алексея Михайловича, заключенного в «храмине», погруженной в ров «12 сажень глубины». Там царь «скован» до Судного дня, а «въ дому цареви» раздается «плачь нѣкий великъ»¹¹². А вот на дне глубокого адского погреба страдалец видит самого патриарха Никона в образе горького пропойцы, «кабацкого ярышки». Патриарх «во единой свиткъ балахонной, и на главѣ его колпаченко худо»¹¹³ своими руками раздает мед отступникам от правой веры, которых тут же настагает небесное пламя.

Царь-душегубец и «паршивый пастырь» образуют еретическую двоицу, некую пародию на симфонию благоверного государя и патри-

¹¹⁰ Там же. С.341–342.

¹¹¹ Там же. С.338.

¹¹² ПЛДР. XVII век. М., 1989. Кн. II. С.501.

¹¹³ Там же. С.493–494.

арха. Они принадлежат антимиру, который идет войной на последних мучеников, в борьбе ожидающих Апокалипсиса.

За попытками восстановить попранное благочестие, за визионерством и призывами к самосожжению в старообрядческой книжности всегда присутствует одна и та же, хорошо знакомая нам по сочинениям Курбского, мысль о катастрофе Третьего Рима, об окончательной гибели Святорусского царства. Мучительство духовных и светских властей для Аввакума и дьякона Федора лишь внешнее выражение более страшной вселенской тирании – тирании Антихриста. В сочинении Федора «О познании антихристовой прелести» эта мысль выражена совершенно определенно, она манифестируется, открыто провозглашается без колебаний и сомнений: «Ныне же, по исполнении имени его шестьсот шестидесяти шести лет, язва смерти его исцеле, сиречь во едину державу нечестия все три Рима совокупишася, по образу Августа кесаря. <...> И тако невидимый змий, проклятый диявол, входит во изобретенныя своя сосуды, во двоицу окаянных человек, царя и патриарха, и бывает нечистая троица, юже виде Богослов в трех нечистых духах – змия, и зверя, и лживаго пророка»¹¹⁴.

Для старообрядца протест не может быть исключительно молчаливым смиренным отданием жизни, когда речь идет о многочисленных соблазнах «зверя», умеющего с помощью своих посредников губить души. Умиравшему за веру необходимо всеми способами привлечь к себе внимание. Знаменитые «гари», коллективные самоубийства сжигавших себя раскольников, являлись формой мученичества, которая предполагала сочувствие и содействие тем, кто страдает в застенках. Самосожжение как проповедь всей общины, как свидетельство несогласных вызывала, безусловно, весьма неоднозначное к себе отношение, в том числе и среди самих раскольников. Находились и такие, которые считали этот способ борьбы неприемлемым¹¹⁵. Но в то же время, по мысли многих проповедников, в том числе и Аввакума, активно защищавшего самосожжение, добровольный уход из жизни спасителен именно в силу своего воздействия на мир, духовные основы которого были потрясены ересью. Вот его слова, обращенные к еретикам-мучителям: «Да еще бы в огонь христианин не шел! Сгорят-су все о Христе Иусе, а вас, собак, не послушают. Да и надобно

¹¹⁴ Пустозерская проза: Сборник / Сост. М.Б.Плюханова. М., 1989. С.252–253.

¹¹⁵ Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры (XVII – начало XVIII века). Т.III. С.424–425.

так правоверным всем: то наша и вечная похвала, что за Христа и святых отец предания сгореть, да и в будущем вечно живи будем...»¹¹⁶.

Вспомним также, что монахи Соловецкого монастыря не только не сдавались властям, но и на протяжении долгого времени оборонялись за стенами обители, выказывая самое решительное неповиновение. Но автору «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семену Денисову важно подчеркнуть, что борьба велась, в первую очередь, не силою обычного оружия, поскольку монахи «не плотских, ниже вещественных сопостатовъ, но невѣщественныя, мысленныя враги храбро, и зѣло храбро, побѣдившия, иже за отеческия законы, за церковное православие вдаша плещи своя на раны, хребты на ударение, уды на раздробление, телеса на муки...»¹¹⁷.

Мученик XVII века открыто свидетельствует о своей вере, с радостью сопротивляясь тирану и всем силам тьмы. Вот почему демонстративное двоеперстное знамение боярыни Морозовой стало актом самосознания старообрядческой протестной традиции, намеренно сосредоточенной на мотивах несогласия и упорного неприятия любых вероисповедных нововведений. Жесту Феодосии Морозовой было суждено стать символом духовной победы: «Руку же простерши десную свою великая Феодора (монашеское имя Ф.П. Морозовой – А.К.) и ясно изобразивши сложение персть, висоць вознося, крестом ся часто ограждаше, чепию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходѣх царь смотряеть побѣды ея, сего ради являше себе не точию стыдѣтися ругания ради ихъ, но и зело услаждатися любовию Христовою и радоватися о юзахъ»¹¹⁸.

В строгом соответствии с конвенциональной моделью «мучительства» старообрядческая книжность создает образ падшей власти, властительницы, заставляющей присягать дьяволу. Но пагубные последствия этой клятвы изживаются только духовным, имманентным способом. Очевидно, что мышление старообрядцев протекало в категориях проповеди, а не в категориях заговора. Ценно и значимо только открытое свидетельство. Бесполезно сопротивляться как-то иначе. Ведь за гонениями и мучительством внешним обретается такой противник, которого нельзя одолеть до тех пор, пока его час не пробьет, пока не исполнятся судьбы всего мира. Тирания Антихриста отличается особой «пестро-

¹¹⁶ *Житие протопопа Аввакума. С.219.*

¹¹⁷ *Денисов Семен. История об отцах и страдальцах соловецких / Изд. подгот.*

Н.В.Поньрко и Е.М.Юхименко. М., 2002. С.36.

¹¹⁸ *ПлДР. XVII век. Кн. II. С.464.*

той»¹¹⁹, лицемерной двойственностью, соединяющей угрозу наказания и посулы, показное благообразие и духовное уродство, атрибуты истинного царства и мучительство.

Заключение

Обзор конвенциональных моделей тирании XI–XVII вв. позволил нам обнаружить не только типичные способы определения повторяющихся ситуаций (неповиновение язычнику, непротивление властолюбцу-губителю, порицание некогда благочестивого государя, нарушившего заповеди, и протест перед лицом царя, ставшего предателем веры), но и рассмотреть возможные варианты применения этих семантических матриц, пути их воплощения в культуре.

Для нас важно то, что не абстрактная ментальная парадигма навязывает автору свои законы, но сам книжник каждый раз заново открывает ее для себя, основываясь на собственных объяснительных предпосылках. На свой лад он актуализирует смысловой потенциал первообраза, наделяя зачастую традиционную схему новыми коннотациями. Конечно, в источнике заключены авторская установка, целеполагание, детерминирующие выбор и возможности интерпретации идеологической константы. При этом автор, не отрываясь от традиции, нередко отдает себе отчет и в том, какому архетипу он следует. Для средневекового книжника «мучительство» и «мученичество» – не только факты современной ему жизни, но и часть исторического предания, устойчивые концепты, имеющие надысторическое бытие. Отсюда феномен осознания неизменно повторяющегося и каждый раз актуального в средневековой культуре.

Рассматривая конкретные случаи применения модели, мы не упустим как ее устойчивых признаков, так и всех случаев отклонения от общепринятого. Иными словами, исследователь идеологических универсалий всегда может, оставаясь на твердой почве источника, иметь в виду некую норму, заданную не прихотью интерпретатора, но реально присутствующую в опыте прямых высказываний книжника. В то же время не зная «договоренностей» эпохи, того, с чем согласно большинство, невозможно судить о девиантном, маргинальном, о случаях нарушения конвенциональности, традиционных схем и установок.

¹¹⁹ Об Антихристе дьякон Федор писал: «Нечестие же его удивительно реку пестротное его и за лживое злохитрство, яко сплете нечестие с благочестием, клятву же с благословением, мучительство с щедротами, милость с немилосердием, кротость со зверством, безчиние с благочинием, здравое со вредящим...» (Пустозерская проза. С.254).

Приведем небольшой пример. Пределы царской власти и нравственный облик правителя стали одной из самых популярных тем в русской публицистике первой половины XVI столетия. Однако наряду с многочисленными пастырскими посланиями и назидательными поучениями, иногда непосредственно адресованными монарху, обращает на себя внимание повесть этого времени. Она интересна с точки зрения реализуемых в ней интенций и объяснения «мучительской» власти, роль которой в некоторых случаях переосмыслена и даже наделена некоторыми неожиданными коннотациями. Древнерусская повесть дает яркие образцы мучителей и мучеников, которые, на первый взгляд, кажутся парадоксальными, «странными», нарушающими негласную договоренность, сложившуюся вокруг конвенциональных моделей тирании. С этой точки зрения, интересна «Повесть о купце Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле».

Вот эта незамысловатая история. Из Царьграда в Антиохию на корабле прибывают купец Дмитрий Басарга и его семилетний сын. Местный правитель Несмеян, отступивший от правой веры и уклонившийся в «латинство», тотчас призывает купца к себе. Гостя он собирается подвергнуть испытанию, загадав ему три загадки. Если Дмитрий верно ответит на вопросы, то получит право свободно исповедовать свою веру, но если проиграет, то должен или немедленно перейти в «латинство», или погибнуть на плахе. Узнав об условиях царя, Басарга в горе возвращается на свой корабль. Его сын, маленький Борзосмысл, утешает отца и берется сам все уладить. Он легко справляется с двумя загадками, но прежде, чем отвечать на третий вопрос, как сделать так, «чтобы поганья не смеялись... провославньнымъ христианомъ», требует собрать народ. Мальчик облачается в царские одежды, которые по его просьбе отдает Несмеян, и, находясь на возвышенном месте, отрубает царю-отступнику голову со словами: «То твоя третья загадка отгадана! Не смейся, поганья, намъ, провославньнымъ христианом!»¹²⁰

На первый взгляд, перед нами очевидный отказ от типичного определения ситуации, когда мучитель может быть свергнут не по воле отдельного человека, хотя бы и наделенного прозорливостью и невиданной мудростью, но лишь по воле Бога.

Борзосмысл выступает в качестве чудесного избавителя христиан, хитростью убивает тирана, мучавшего православных путешественников и угнетавшего собственный народ. Благодаря недюжинному уму чудесного ребенка, жертвы одерживают победу над злочестивым правителем. Казалось бы, автор открыто пренебрегает авторитетными образцами и строит

¹²⁰ ПЛДР. Вторая половина XV века. С.574.

повествование по девиантной схеме. Объяснение этому обстоятельству было найдено: произведение принято считать книжной версией известного фольклорного сюжета «Император и аббат»¹²¹. С подобными выводами легко согласиться, к тому же они обеспечивают нас внешне убедительной трактовкой феномена повести. Однако незатронутыми остались комментарии автора, та система прямых высказываний, которая важна именно для реконструкции замысла и которая проливает свет на то, как сам книжник интерпретировал воспроизводимую сюжетную схему.

Мучитель Несмеян, согласно толкованию автора так называемой «антиохийской» редакции «Повести о Басарге», не знает своего будущего. После того, как отроку были вручены царское одеяние, жезл и меч, Несмеян недоумевает: «Царь же помыслиша в себе: "Что будеть?", – а того не ведает, яко Богъ дает царьствовати кому хоцеть, се и творить»¹²². Перед нами очевидный рудимент конвенциональной модели, указывающей на скоротечность власти мучителя, который живет не по заповедям Божьим и является временщиком. Формула, использованная в повести, хорошо известна на примере многих памятников древнерусской литературы и применялась, о чем, впрочем, мы уже говорили, в летописном рассказе об убиении Бориса и Глеба для осуждения Святополка Окаянного¹²³. Соответственно, несмотря на внешнюю сюжетную оригинальность, обусловленную влиянием фольклорного архетипа, «Повесть о Басарге» связана и с идеологическими константами русского Средневековья. Разумеется, речь идет о протяженном континууме всей культурной традиции. Невозможно говорить о влиянии какого-то одного источника. К тому же изречение, восходящее к пророчествам Даниила из соответствующей библейской книги, не оформлено автором как цитата. Важно то, что и в дальнейшем составитель редакции обнаруживает собственные смысловые интенции в форме прямых высказываний.

¹²¹ *Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С.373. Один из исследователей «Повести о Басарге» отмечает: «Создание произведения, построенного на заведомо вымышленной основе, могло опираться на существующую литературную традицию в очень малой мере, и скорее даже принципиально противоречило ей» (Шайкин А.А. «Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле» и народная сказка // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. XXIX. С.215).*

¹²² ПЛДР. Вторая половина XV века. С.574.

¹²³ *О бытовании этой формулы в древнерусской книжности см.: Каравашкин А.В. Понимание древнерусского источника (традиции и современность) // Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института. М., 2004. Т.2. С.81–84.*

Он осуждает деспота, но при этом не склонен считать гибель Несмеяна лишь результатом человеческого «хотения», «самовольства». Не довольствуясь одной фразой, раскрывающей принцип божественного происхождения власти, книжник заставляет главного героя Борзосмысла Дмитриевича пояснить, как и почему он получил царский венец: «Коли есть изволил Богъ, и мнѣ бысть у вас себѣ царемъ! Царь же именуеца слуга божиим изволением, и царство бо ему даецца божием повелѣниемъ... <...> Сие сотворил божиемъ повелениемъ, а не нашим изволением: аще Богъ с нами – никто же на ны!»¹²⁴

Даже такой необычный для средневековой книжности способ разрешения конфликта, какой мы видим в «Повести о Басарге», не позволяет автору отказаться от типичной логики определения ситуации: мучителя победил не человек, но Бог.

Для того чтобы перейти к новому пониманию тирании, искажающей предустановленную гармонию договора царя и подданных, необходимо было пережить переворот сознания, интерпретировав власть не как результат высшего законотворчества, но как соглашение, имеющее вполне земные причины и следствия. Такого рода представления неизбежно привели бы к осознанию некоей инструментальной функции господства, которое становится именно механизмом в руках людей. Для средневекового сознания властью, как и временем, нельзя оперировать самовольно. Она распространяется на всех и в то же время не принадлежит никому, кроме Бога. Власть – эманация Творца, проекция небесной иерархии, гетерономная целесообразность, заданная свыше.

В эпоху, последовавшую за петровскими преобразованиями, эта концепция господства и подчинения заметно отступила под воздействием новых идей. В России они шаг за шагом завоевывают умы, вступив в сложный симбиоз с традиционными конвенциональными моделями, которые то актуализировались, то уходили в тень. «Школа общественного договора» исподволь отучала интеллектуалов от привычного понимания тирании как нарушения «завета» с Богом. Со второй половины XVIII в. все чаще деспотическое правление трактуется как нарушение «завета» с подданными, как неумение выстраивать приоритеты, относящиеся к правам и обязанностям государя и «подвластных». На историческую арену все увереннее выходят автономные силы: тираноборец-одиночка, заговорщики и охваченный недовольством народ. Власть мучителя отныне может быть ограничена вполне земными средствами. Средневековье изживало себя. Начиналось Новое время.

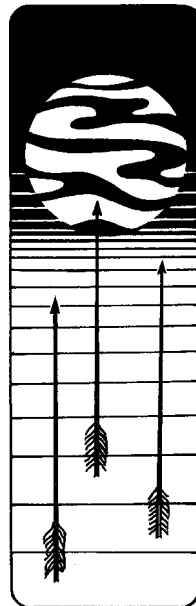
¹²⁴ ПЛДР. Вторая половина XV века. С.574, 576.

Неблагоприятные условия для систематической разработки и представления философских достижений в той или иной степени имели место во всех странах Европы. Однако только в России существует такая острая нехватка философских систем. Наверное, в этом есть глубокий смысл. Причина этого не только во внешних условиях, но скорее прежде всего во внутреннем строении русского философского мышления. <...> Русской философии, в отличие от европейской, и более всего немецкой, философии, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности. <...> В связи с этой «живостью» русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии.

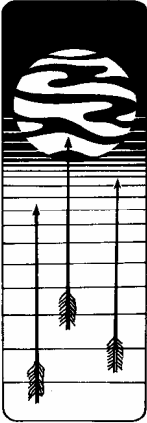
А.Ф.Лосев

Прежде всего, следует иметь в виду, что, как только мы начинаем думать, будто из определенных общих принципов мы можем вывести все остальные свойства космоса, мы неизбежно создаем систему, не соответствующую действительности. Это имеет место даже тогда, когда изначальные принципы, из которых мы исходим, вполне отражают действительность. Все подобные математические процедуры <...> обязательно помешают нам увидеть все богатство бытия; они как раз заставляют нас игнорировать совершенно своеобразные данности, в том числе фундаментальные. Знаменитый пример подобной слепоты – воззрения Декарта, не увидевшего живого. Кажется невероятным, что человек, так понимавший основополагающее различие между материальным и духовным, не заметил элементарной данности животной жизни.

Дитрих фон Гильдебранд

Альберт Соболев

О РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА*

(ШКОЛА П.И.НОВГОРОДЦЕВА)

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

The Russian school philosophy of law emphasizes the fact that by virtue of legal norms that by perforce are to be laid down with the «axe-cut precision» people are able to provide for regulation of the social life just at the lowest level where a person agrees to act like an automation-machine. Rights of the «humane in a human being» can be protected only by a more powerful system which, alongside with the law, also includes morality and religion. Therefore the liberal slogan «the supremacy of law» is a cheap politics which mislead people. In Russia the greatest contribution to understanding and recognition of non all-sufficient nature of the legal system was made by P.I.Novgorodtsev and his disciples among whom the best known are I.A.II'in and B.P.Vysheslavtsev.

* Статьи А.Соболева и В.Шаповалова (см. следующую статью на с.140) о традициях и путях развития русской философии представляя собой не только полярные позиции, но и взаимно дополняют друг друга. Это позволяет рассматривать предлагаемый дискуссионный материал как интересный образец диалога в современной науке.

Наука познает средства, философия – цели

Вспомним о том одном, что искусство – к нему принадлежит и поэзия – сестра философии и что всякая наука по отношению к философии, возможно, только служанка.

М.Хайдеггер

И спокон веку существуют две соперничающие и даже враждующие друг с другом школы мысли. Одна считает, что познаваемы только средства. Цели же – это предмет не познания, а свободного выбора. Поэтому и вооружать в дорогу ученика следует лишь техникой мышления, которую он будет использовать уже по собственному усмотрению. Предмет наших забот – это «чистый» разум, свободный от волевых и ценностных «загрязнений». «Не плакать, не смеяться, а понимать» – вот лозунг этой школы, выдвинутый еще Спинозой.

Вторая школа убеждена, что, только «смеясь и плача», мы можем сделать наше познание осмысленным или, как мы сегодня бы сказали, «экзистенциальным». А это значит, что, каких бы душевных затрат нам это ни стоило, мы обязаны ориентировать учеников на высвечивание интимной связи используемых средств с подлинными, т.е. высшими целями. Познание должно быть вдохновенным, и только в этом случае оно будет причастно истине. Познание должно быть «обосновано» не снизу, а сверху.

Чтобы как-то конкретизировать эту мысль, проследим ее движение по иерархии целей. Скажем, мы работаем ради денег. А зачем? Чтобы приобрести удобный дом. А зачем? Чтобы завести семью. А зачем? Чтобы обрести физический и нравственный комфорт. А зачем? Чтобы испытать уверенность в себе, полнее раскрыть свой творческий потенциал, испытать состояние вдохновения. Мы видим, что с каждым шагом нам все труднее формулировать цель, ибо она приобретает все более зыбкие очертания. До нашего сознания доходит, что цель невозможно помыслить как некий противостоящий нам предмет. Это слово призвано выразить не столько внешнее, сколько внутреннее знание. И даже Пушкину не хватает слов для выражения этого содержания. «Ты понял жизни цель, счастливый человек, – обращается он к князю Б.Н.Юсупову, – для жизни ты живешь». Здесь слово «жизнь» как бы раздваивается, и сама жизнь, но в ее высшем проявлении, выступает в качестве цели по отношению к жизни банальной, заурядной.

Из сказанного, я думаю, можно сделать очень важный вывод. Способность целеполагания возникает только на основе восприимчивости к

ценностным перепадам. Только чуткое улавливание различий между «высоким» и «низким» способно воспитать целеустремленность, желание двигаться по пути духовного возрастания.

Философия призвана отсепарировать молодых людей с повышенной способностью восприятия ценностных различий. Но это не значит, что у кого-то из них хватит воли двигаться наперекор закону энтропии, изощрять свой ум ради поисков путей духовного возрастания. Необходимо счастливое стечение обстоятельств, которое собрало бы в одном месте людей, взаимно вдохновляющих друг друга. Так возникают школы философской, т.е. вдохновенной, мысли. Ибо невдохновенная мысль не может быть философской, как не может быть бездарной поэзия.

***В научной школе – единство метода,
в философской – единство источника вдохновения***

Известно, что в Санкт-Петербургском университете в начале двадцатого столетия школа философской мысли сформировалась вокруг не философа, а историка-медиевиста И.М.Гревса. А, скажем, кантианец А.И.Введенский или талантливый философ права проф. Л.И.Петражицкий школ так и не создали. В Московском же университете школу философской мысли создал хотя и цеховой философ, но тоже лишь в рамках второразрядной кафедры истории философии права. И создал ее опять же не Б.Н.Чичерин, хотя ученому его масштаба сам Бог велел стать основателем школы. Застегнутость на все пуговицы его души, которая раскрылась во всей красоте и величии только читателям посмертно изданных его мемуаров, не позволила ему достучаться до сердец потенциальных последователей. Не создал своей школы и князь Е.Н.Трубецкой, чей единственный талантливый аспирант Н.В.Устрялов может числиться скорее учеником и последователем Петра Струве, чем самого Трубецкого. Единственным наставником, сумевшим вдохновить своих учеников и передать через них потомкам свой творческий импульс, оказался Павел Иванович Новгородцев, чьим именем по праву и может называться московская школа в целом, ибо следы его влияния в двадцатом веке ощущали на себе почти все ее питомцы.

Любопытно свидетельство одного из будущих аспирантов Новгородцева (Николая Николаевича Алексева) о том, что именно моральный облик профессора порою определяет выбор профессиональной ориентации студентов. Он описывает впечатление, которое оставила в его душе первая встреча с Западом во время студенческой поездки в Германию в

1901 г. «За столом сидела компания пожилых людей и с азартом играла в карты. Я спросил, кто это, и получил ответ: "Это наши профессора"... Это было совершенно несовместимо с моими тогдашними представлениями о профессоре». Особенно это контрастировало с обликом «молодого, поражающего своим достоинством и своей ассирийской бородой» московского профессора П.И.Новгородцева. Алексеев подчеркивает, какое громадное воспитательное значение для молодого человека имеет личный опыт встречи с реальным, а не идеализированным миром. «В то время, которое я описываю, – подчеркивает он, – мы все, русские радикальные и либеральные интеллигенты, были "западниками", считавшими, что у нас в России все хуже, чем на Западе. Должен сказать, что поездка на германский "Запад" освободила меня от одностороннего русского провинциализма, но в то же время отвратила от своеобразного провинциализма европейски-немецкого. Я не нашел в Германии того, что искал, но приобрел нечто, чего не ожидал приобрести. Я убедился, что средний немец морально и духовно тупее и уже, чем средний русский человек... Поездка во многом меня "европеизировала", но в то же время излечила от хуления России и всего русского, весьма распространенного в нашем поколении»¹.

Вернувшись в Москву, Алексеев уже без колебаний избрал своим научным руководителем Новгородцева и стал его многолетним сотрудником по работе и в Московском университете, и позднее в Праге на Русском юридическом факультете при Карловом университете.

Но самую яркую характеристику Новгородцеву как научному руководителю дал, я думаю, другой его ученик Иван Александрович Ильин. Новгородцев, пишет Ильин, всегда «говорил о главном; не о фактах, не о средствах, отвлеченно, но о живом; он говорил о целях жизни и, прежде всего, о праве ученого исследовать и обосновывать эти цели. Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика, идейная борьба... Слагалось идейное бродило, закладывались основы духовного понимания жизни, общественности и политики... Он обладал исключительным чутьем к **теме**². Интуитивно улавливал, как бы подслушивал внутренним слухом, где и как бьется сердце предмета, он отыскивал то умопостигаемое место, в котором завязан главный узел проблем»³.

¹ Алексеев Н.Н. В бурные годы. Новый журнал. Н.-Й., 1958. №53. С.188.

² Здесь и далее в цитатах подчеркивания принадлежат авторам цитат, в остальных случаях – А.Соболеву.

³ Ильин И.А. Памяти П.И.Новгородцева // Русская мысль. Берлин, 1924. №IX–XI. С.270–271.

Тевтонское пленение

Чтобы хорошо различать все...оттенки, чтобы оценивать вещи по их действительной ценности...необходимо иметь несколько большее понятие о жизни, чем то, какое усваивается обыкновенно в германских университетах

Гастон Буастье

*Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?*

М.Ю.Лермонтов

Увы, не благородная простота, а плебейская вычурность стала для русской мысли идеалом на многие десятилетия. Вместе с «плодами учености» целыми эшелонами гнали из «Германии туманной» на Русь Германский дух. И продолжалось это чуть ли не столетие.

В свое время Пушкин предупреждал «молодую поросль московских литераторов» о том, что «слишком систематическое умонаправление» не служит во благо их духовному созреванию. Но отнять у молодежи модную игрушку оказалось так же трудно, как лишить кота вожделенной дозы валерьянки. В письме к Дельвигу от 2 марта 1827 года Пушкин с грустью признается в своем бессилии: «Ты пеняешь мне за "Московский вестник" – и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое»⁴.

«Теплым ребятам» таки удалось перевести стрелки с Парижа и Лондона на Берлин, но печальные последствия этого обнаружилились, к сожалению, далеко не сразу.

Задним умом крепки не только мы, русские. И все же два ярких свидетельства нашего запоздалого отрезвления привести здесь стоит. Одно из них относится к 1929 году и принадлежит блестящему искусствоведу и публицисту П.П.Муратову. Проследивая корни советского косноязычия, он пишет: «Советская речь, советская фразеология, конечно, смешны... /но/ что лежит в основе ее? Что и когда произошло с русским языком, с русским умом, в результате чего могли появиться эти косноязычные, путанные, лженаучные умствования?»

Увы, на этот вопрос приходится ответить определенно. Плоды курьезнейших и бесплоднейших умствований выросли на большевистском древе, но корни их уходят в **немецкую проблематику**.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Изд. 2-е. М., 1958. Т.Х. С.226.

...Эпизод немецкого влияния на Россию в начале XX века не прошел без следа... Я думаю даже, что вне этого эпизода совсем необъяснима советская ментальность, необъяснима вообще психология большевизма. Откуда, в самом деле, взялся этот упорнейший и слепой большевистский теоретизм, откуда явилась эта советская привычка восходить во всем и по всякому поводу к какой-то лженаучной базе? ... Марксизм сам по себе является здесь только частностью. В более широком смысле первым отправным пунктом советского умствования была **немецкая умственность**, сменившая в русской интеллигенции XX века традиции французской умственности, восходившие ко временам Пушкина. Эта большая перемена неизбежно должна была сломать литературный русский язык и в больших советских условиях заменить его новой косноязычной фразеологией, просто-напросто непонятной людям прежней традиции.

Я нисколько не хочу этим сказать, что немцы как-либо и в чем-либо ответственны за столь печальные результаты. Мы сами ведь слишком легко поспешили отвернуться от форм и ритмов традиционной для нас умственности. Мы сами бросились пересаживать к себе немецкий подход, немецкий склад ума, не предвидя того, что в русском преломлении дает он или карикатурные, или даже чудовищные последствия. Повторяю – русско-немецкие отношения родились под несчастной звездой. Немецкие умственные блага обратились к нам злом»⁵.

Вторая яркая антигерманская филиппика принадлежит советскому философу, представителю первых послевоенных университетских выпусков. Эти философы по возрасту избежали фронтового призыва и, видимо, в благодарность за это в большинстве своем обратились в лютых западников. Но только у Мамардашвили это западничество отлилось в симпатичную форму франкофилии. И я думаю, что именно благодаря такой решительной перемене акцентов он, пожалуй, единственный из рожденных под Советами, смог стать философски значимой фигурой. Остальные же стройными рядами направились не «в сторону Свана», а в сторону немецкой классики, и пусть они сами оценят, что из этого вышло.

При этом я хочу особо подчеркнуть, что за поддержкой Мераб Константинович обращался либо к своим любимым писателям вроде Стендаля и Пруста, либо к мыслителям XVI–XVIII веков, т.е. к авторам, пропитанным духом так называемого «старого режима», о котором знаменитый Галейран обмолвился, что кто не жил при нем, тот не жил вовсе.

⁵ Муратов П. *Ночные мысли. Эссе, очерки, статьи. 1923–1934. М., 2000. С.222–223.*

«Я начинал, – признается Мамардашвили, – с Монтеня, со всего его окружения и тех, кто за ним последовал. Ларошфуко, например, французские либертены, Руссо... Прежде всего я открыл для себя прирожденный дар французов – способность жить. Жить до последнего остатка сил, до исчерпания всех возможностей, с предельной интенсивностью: не строить теории по поводу свободы, а жить этой свободой. Свободой внутренней, проявляющейся и обретающей меру благодаря конкретному опыту. Встречаются такие музыкальные фразы во французском языке, каких вы никогда не отыщете в немецкой музыке. Здесь вы никогда не столкнетесь с той устрашающей военной техникой, что каждый раз приводится в движение у немцев по поводу даже малейшей мысли, которая, придя единожды в голову, разворачивается в громадную конструкцию, в целую систему, систему сплошь составленную из несуразностей, я бы сказал варварских несуразностей, свойственных людям, только что вышедшим из леса»⁶.

Пользуясь указаниями Мамардашвили, а также собственными размышлениями, нетрудно прийти к выводу, что величайшая заслуга французов перед мировой философской культурой состоит в том, что именно они изобрели светское общество – эту удивительную фабрику по доработке и окончательной шлифовке мысли. Французы раньше всех поняли, что мысль просто не существует, пока она не приняла совершенную форму. Производители полуфабрикатов даже не имеют никаких авторских прав на высказанные ими полумысли. Автором вполне законно будет считаться не тот, кто просиживал штаны, а тот, кто сумел вдохнуть в мысль живую душу, кто смог придать ей яркую, запоминающуюся форму.

«Уму, – пишет Ривероль, – нужны идеи, идеям потребен талант, потому что лишь он придает им блеск и живость... Вот почему тот, кто талантлив, неизменно обкрадывает того, кто умен: идея, оброненная этим последним... становится собственностью таланта, который подхватывает ее на лету.

А вот с талантливым писателем дело обстоит по-другому: того, кто пытается его обокрасть, тут же избличат, ибо сила таланта – в умении придать идее форму, а на этой форме всегда лежит его печать (печать его личности. – А.С.). Вергилий говорил, что легче отнять палицу у Геракла, нежели у Гомера – одну-единственную строку»⁷.

⁶ *Философская и социологическая мысль. Киев, 1991. №12. С.20.*

⁷ *Размышления и мысли французских моралистов XVI–XVIII веков. СПб., 1995. С.479–480.*

Немцы, встав на путь наукообразия в философии, загнали себя в угол, сами обрекли себя на роль сырьевого придатка Западной Европы.

Кант захотел уложить реальность в гробы априорных форм. Но в гробах сохраняются только скелеты. Души из гробов улетают. Души жаждут жизни вечной. Жаждут обрести нетленную внутреннюю форму.

Философия, по мысли французов, есть искусство персоналистического познания. Это искусство придания знанию нетленной внутренней формы.

Научное знание – это знание, воплощенное в мертвом теле. Либо в форме научного эксперимента, либо в форме компьютерной или иной модели, либо в форме математического вычисления.

Философское же знание воплотимо лишь в теле, от которого дух еще не отлетел. А также в духе, который не утратил форму личности.

«Я люблю и почитаю науку, – пишет Мишель де Монтень, – равно как и тех, кто ею владеет. Но в тех (а таких бесчисленное множество)... чьи познания основаны лишь на хорошей памяти... кто все черпает только из книг, в тех, осмелюсь сказать, я ненавижу ученость даже несколько больше, чем полное невежество»⁸.

Это очень важное высказывание. Знание, почерпнутое только из книг, еще не является знанием как таковым. Оно является внешним. Только вызвав бурю эмоций, оно может извлечь на свет из глубины души те потоки внутреннего опытного знания, в соединении с которыми некоторые элементы внешнего знания вдруг становятся осмысленными. Каждый из этих элементов должен пройти испытание вопросом, а так ли уж он важен для духовного возрастания моей личности? Из университетского опыта каждый из нас может засвидетельствовать, что львиную долю вдохновляющих идей он получил не из профессорских лекций, а из дружеских бесед с однокашниками. Происходила гигантская работа по отсеиванию ненужного и по выделению крупниц важного. Только омытая эмоцией и согретая теплом личности мысль оказывается готовой к прорастанию в душе.

В начале XX века в России возникло целое созвездие религиозно-философских обществ и кружков, назначение которых было не распространение идей, а их укоренение в самых глубоких слоях личности, их воссоединение с самыми непреложными чаяниями человека. Только срастание мыслей с чаяниями способно обеспечить взаимопонимание между людьми.

⁸ Там же. С.114.

В Троицын день, в день Пятидесятницы Господь открыл нам тайну **доходчивого** языка. Каждый, говоря о своем, о глубоко личном, теперь оказывается понятным даже чужестранцами. Слово не должно отрываться от сердечной глубины. Оно должно одновременно и с одинаковой силой выражать и результаты внешних наблюдений и глубочайшие **мотивы** нашего внимания именно к данным предметам, к данным сюжетам.

Всякая речь, и не только речь опытного священника, будет **внятной** и **доходчивой**, если она исходит из сердечной глубины личности, из ее опыта встречи с Богом.

Когда же основным мотивом речи становится самоутверждение, то этот мотив всячески скрывается и на его место выдвигается мнимый мотив, мотив достижения некоего «объективного», т.е. внебожественного, знания.

Так возникает «наука», т.е. язык, специально обработанный для выражения только внешнего, так сказать, «предметного» знания и для блокирования его связи со знанием внутренним. Но одновременно с наукой, как реакция на ее появление, зарождается философия. Задача философии вовсе не борьба с наукой, которая возникает ведь Божьим поущением и, значит, все же сохраняет с Богом, хотя и не осознаваемую, связь, а максимальное смягчение негативных последствий этого процесса овнешнения знания.

Вспомним знаменитое определение веры апостолом Павлом. «Вера есть **уповаемых** извещение, вещей обличение **невидимых**».

Т.е. вера есть знание. Это есть извещение нас о реальном присутствии «уповаемых», т.е. таких «вещей» (в кавычках), которые не обладают пространственной формой и поэтому в принципе не могут быть увидены. Иными словами, вера есть знание о том, что пространственное и ценностное измерение реальности неразрывно сопряжены друг с другом. Верующий разум есть способность восприятия реальности сразу в двух измерениях и способность двигаться мыслью одновременно в обоих измерениях – и в пространственно-феноменальном, и в ценностно-онтологическом. Можно сказать, что вера есть способность не плоского, а объемного восприятия реальности.

Попробую проиллюстрировать мысль апостола яркой цитатой из В.В.Розанова.

«Жизнь, – пишет Розанов, – раба мечты. В истории истинно реальны только мечты. Они живучи. Их ни кислотой, ни огнем не возьмешь. Они распространяются, плодятся, "овладевают воздухом", вползают из головы в голову. Перед этим цепким существованием так рассыпчаты ка-

менные стены, железные башни, хорошее вооружение. Против мечты нет ни щита, ни копья»⁹.

Пытаться очистить реальность от этого «цепкого существования», чтобы спроецировать ее на плоскость, – пустая затея. Только специальное культивирование тупости восприятия способно справиться с этой задачей, и то лишь в первом приближении.

Еще одна иллюстрация. В год моего поступления в университет на небе появилась и долго присутствовала комета Мркоса. Это хвостатое чудовище захватило полнеба. Но, будучи сфотографирована на контрастную фотопленку, она оказалась маленьким светлым пятном с довольно четко очерченными границами.

Канта и немецкую классическую философию в целом невозможно понять вне их пафоса достижения невысказанного контраста в изображении реальности. Только грубость воспринимающего аппарата, только достижение черно-белого контраста позволило разорвать связь между феноменом и ноуменом и поставить перед собой невыполнимую задачу познавать их порознь.

В отличие от немецких классиков французские классики являются не авторами логически сцепленных систем, с неизбежностью экранирующих от нас и подменяющих собой трепетную сакрально-ценностную глубину реальности, а творцами целых россыпей изысканных, удивительно ярких и талантливых, казалось бы, мало чем связанных между собой афоризмов. Но именно эта свободная россыпь, эта воздушно-водяная пыль смогла не только отразить все цвета радуги, но и соединить прочным мостом небо и землю. Хотя мнимо легкомысленные, якобы «подбитые ветерком» французы вовсе и не претендуют на авторство этого нерукотворного результата.

Важно не то, что философ сказал, а то, что он хотел сказать и что сказалось

В тиши зреет интеллект, в бурях жизни вырабатывается характер.

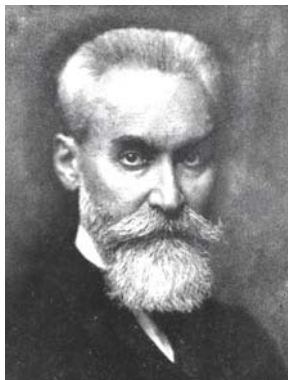
И.-В.Герс

«**Н**е дай нам Бог жить в эпоху перемен» – гласит мудрая китайская поговорка, вернее моление. В этом отношении П.И.Новгородцеву (1866–1924) повезло: его студенчество и творческое созревание пришлось на годы благодетельной реакции, на годы правле-

⁹ Розанов В.В. *О себе и жизни своей*. М., 1990. С.507.

ния Александра III Миротворца. Его сокурсником оказался Вячеслав Иванов, которому также следовало бы благодарить судьбу за то, что родился вовремя. Тех же, кто с рождением поспешил, можно в философском отношении смело списывать в брак, ибо дальше оголтелого позитивизма никто из них так и не продвинулся.

Конечно, желательнее, чтобы эпохи реакции или застоя не затягивались надолго. Но все же главное в личной судьбе – это не быть слишком рано захваченным реформаторской эйфорией, неизбежно приводящей души к измельчанию.

П.И.Новгородцев, 1910-е годы

Итак, Новгородцеву повезло: сам дух эпохи готовил его к бегу на длинные дистанции. Потому-то своей духовной статью он так не похож ни на шестидесятника XIX века, ни на шестидесятника века XX.

Тевтонское иго нельзя было сбросить в одночасье. Чтобы плавно переместить философскую столицу из германского Сарая в Москву и начать строить философскую державу от моря до моря, нужно было сначала внутри себя обрести дух столичности, дух аристократизма. Не могу не процитировать здесь (в который уж раз) золотые слова Платона: «В том-то и состоит ошибка нашего времени, и потому-то недооценивают философию, что за нее берутся не так, как она того заслуживает... Не подлым надо бы людям за нее браться, а благородным»¹⁰. Каждый философ должен затвердить эти слова Платона как «Отче наш». Героиня романа Бульвер Литтона, наставляя сына, раскрыла ему тайну отличия аристократов от нуворишей: «Вот основная причина, что у нас манеры лучше, чем у этих людей; у нас они более естественны, потому что мы никому не подражаем; у них искусственны, потому что они силятся подражать нам; а все то, что явно заимствовано, становится вульгарным»¹¹.

Шестидесятники обоих веков насаждали дух вульгарности, дух подражательства под лозунгом: «Польза превыше всего!». Для философии, как и для любого вида искусства, этот лозунг смертельно опасен. Но, с другой стороны, так же смертельно опасна и недооценка того факта, что

¹⁰ Платон. Сочинения в трех томах. М., 1971. Т.3. Ч.1. С.347.

¹¹ Цит. по: Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995. С.235.

дух вульгарности, грубость восприятия, неспособность различения между высшим и низшим – это «столп и утверждение» демократии.

Пушкинский Моцарт, конечно, хотел бы, чтобы все чувствовали силу гармонии, но он вынужден себя одернуть.

*Но нет. Тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.*

Мир не летит в тартарары потому, что «мало избранных, пренебрегающих презренной пользой, единого прекрасного жрецов». Но в равной степени также и потому, что наперекор здравому смыслу это количественно ничтожное меньшинство продолжает влиять и соединять плоскую землю с высоким небом.

Для искреннего либерала слова Платона, конечно, непереносимы. Так и слышится вопль: «Да перестаньте же, наконец, смущать нас разговорами о благородстве! Дайте нам возможность свободно гоняться за пользой, за собственной выгодой».

В этом возгласе заключена самая суть либерализма. И вместе с тем относительная его правда. Ибо разнуздать энергию стяжательства, энергию предпринимательства можно только в условиях ценностной одномерности.

При этом взывать к высшим ценностям не только бесполезно, но и не нужно. Нужно просто не забывать, что ценности – это такая реальность, перед которой «так рассыпчаты каменные стены и хорошее вооружение». Они сами способны постоять за себя. Рано или поздно, но, стукнувшись о них головой, либерал с ужасом узнает о своей второсортности. Узнает, что да, свобода, несомненно, является ценностью, но лишь одной из самых хрупких, из самых плебейских.

Герой стихотворения Е.Евтушенко, расставшись навсегда с любимой, восклицает (цитирую по памяти): «Свобода! Но на черта ты нужна?»

Бывали случаи, когда, освободившись от заботы о детях по причине их смерти, от родины, от веры в высшую правду, люди кончали самоубийством. Даже Николая Бердяева Господь как-то вразумил, и тот, наконец, признал, что святыня выше свободы.

Свобода – это необходимое **условие самообнаружения** высших ценностей. Но не более того. Философия права есть учение о фундамен-

тальности, но не самодостаточности свободы. Право отмеряет каждому участок его свободы, в рамках которого он волен поступать как во благо, так и во зло целому. Без попущения злу право существовать не может. Но именно поэтому действенность правового регулирования коренным образом зависит от действенности регуляторов более высокого порядка, таких как нравственность или религия.

Либеральный лозунг борьбы за так называемое «**правовое государство**» фактически означает борьбу за государство безнравственное и безбожное. И в этой борьбе либералы, к сожалению, обретают грозного союзника в лице науки. Дело в том, что правовые регуляторы – это регуляторы самого нижнего этажа и поэтому они могут и должны определяться рационально, с топорной четкостью. И для их понимания и применения не требуется быть семи пядей во лбу. Регуляторы же верхних этажей раздражают своей неопределенностью, своей, так сказать, «парообразностью» и поэтому легко подвергаются издевательствам и осмеянию. Но если все духовные авторитеты развенчаны, то и топорная четкость не гарантирует автоматического исполнения правовых норм. Скорее всего последует социальный взрыв, и тогда ситуация анархии неизбежно потребует сужения сфер свободы до пренебрежимо малой величины. Что мы и наблюдали не раз в истории.

Либералы-западники клеймят славянофилов за их якобы правовой нигилизм. Нет ничего более глупого и неверного. Пафос славянофилов в утверждении бессилия правовых регуляторов, когда они полагаются лишь на самих себя. Никто ведь не отрицает роль будочников. Но без штабс-капитанов и без более высокого начальства (видимого и невидимого) будочники побросают алебарды и разбегутся или, что еще хуже, сами превратятся в разбойников с большой дороги.

Новгородцев пришел к пониманию этих простых истин далеко не сразу. Начинал он, как и многие его современники, завзятым либералом и почитателем германской учености. Обе его диссертации были написаны на немецком материале. Но, как и всякий нормальный философ с **живой душой**, он вычитывал из книг не то, что там было написано, а то, что там написано быть должно.

Интересно, знал ли Новгородцев тот удивительный факт, что главный германский теоретик морали Кант за всю свою долгую жизнь так ни разу и не посетил родную сестру, жившую в одном с ним городе, не поинтересовался ее внутренним миром, ее проблемами. При всей громадности его интеллекта все же ведущим началом его натуры была эмоциональная скудость. Его демократическая ненависть к духовным

рангам неудержимо влекла его к сближению законов нравственной жизни с законами небесной механики. Именно она нацеливала его ум на **сведение** нравственности к праву, а права к так называемому «всеобщему законодательству».

Верный последователь Канта, Гегель также презирал, как пустые мечтания, все то в духовной и общественной жизни, что не поддается **воплощению** – воплощению в железные, рационально постигаемые правовые формы. Германскому уму трудно смириться с мыслью, что существуют разные формы и степени воплощения и что после события Воплощения Христа надо бы поумерить свою редукционистскую страсть – страсть к перевоплощению подлинной многомерной реальности в форму одномерных искусственных моделей и тиражируемых подделок.

Новгородцев очень высоко ценил философию Канта, но он перетолковал мысли германского наставника «с точностью до наоборот». Он не пытался **свести** высшее к низшему. Его живая душа направляла его мысль на **возведение** низшего к высшему: права к нравственности, а нравственности к религии и вере. Уже смертельно больного она заставила его отстаивать литургии, чтобы отомолить грех невольного соучастия в поддержке тех сил, которые под лозунгом свободы привели к разрушению исторической России. Он до конца жизни оставался приверженцем свободы, но свободы преображенной, радостно открывающей себя благодатному воздействию высших сил.

Новгородцев казнил себя за то, что слишком поздно осознал причину и масштаб надвигающейся катастрофы, за то, что не успел вовремя исполнить свою миссию философа. А миссия философа всегда и везде состоит не в том, чтобы сообщать какие-то отвлеченные знания, а в том, чтобы сделать очевидным лицо реальности, сделать очевидным **образ** неповторимой духовной ситуации, которая сложилась здесь и теперь и которая составляет неустранимый контекст для понимания происходящих событий.

Весь ужас тогдашней ситуации состоял, как удачно выразился ученик Новгородцева Г.Флоровский, «не в том, что люди умирали, а в том, что они переставали быть людьми» и превращались в захваченных страстями марионеток. Катастрофа в России произошла потому, что в период величайшего напряжения национальных сил, вызванного мировой войной, на политическую арену неожиданно вырвалась интеллигенция, т.е. не носители высокой культуры, а чернорабочие интеллектуального труда. Именно этот слой выработал идеологию массового общества, т.е.

идеологию **рационалистического утопизма**, сокрушившего императорскую православную Россию.

Позднее (в 1929 г.) в работе «Восстание масс» Ортега-и-Гассет пишет: «Человек науки оказывается прототипом массового человека. И не эпизодически, не в силу какой-то сугубо личной ущербности, но потому, что **сама наука** – (этот) родник цивилизации – **закономерно превращает его в массового человека**: иными словами, в варвара, в современного дикаря»¹².

Логику формирования идеологии **рационалистического утопизма** Новгородцев блестяще раскрыл в работе «Об общественном идеале» на примере идеологии марксизма. Но меня здесь больше интересуют его указания на пути возможного от нее освобождения. Примечательно, что в поисках этих путей он все реже обращается к германской интеллектуальной традиции и все чаще к традициям французской и английской, не говоря уже об отечественной.

Например, он сочувственно цитирует слова английского консерватора восемнадцатого столетия Эдмунда Берка. «Действуя всегда **как бы перед ликом святых праотцев**, – пишет Берк, – дух свободы, который сам по себе **может** вести к излишествам, **умеряется благоговейной важностью**. Мысль о свободном происхождении внушает человеку чувство **собственного достоинства**, далекое от той **наглой дерзости**, которая почти всегда **безобразит** первых **приобретателей всякого преимущества**»¹³.

Россия рухнула потому, что на политическую арену вышли те, кто впервые приобрел преимущества, даруемые интеллектуальной собственностью, т.е. толпы адвокатов и фармацевтов, недоучившихся студентов и гимназистов в первом поколении. Их лица были обезображены наглой дерзостью неофитов именно потому, что они были убеждены, что владеют точным научным знанием – знанием в последней инстанции.

Основу политики составляет игра словами, игра двойными стандартами. Слово должно **одновременно** и возбуждать страсти в массах, и посылать сигналы своим сторонникам, чтобы те ненароком не приняли лозунги всерьез, не поняли их **буквально**. Миссия философа состоит в том, чтобы сориентировать людей в этой отравленной атмосфере лжи и пиара, в том, чтобы дать им в руки хоть какой-то инструмент для изме-

¹² Ортега-и-Гассет. *Избранные труды*. М., 1997. С.106.

¹³ *Цит. по: Новгородцев П.И. Сочинения*. М., 1995. С.360–361.

рения неизмеримого, для измерения градуса духовной недоброкачественности.

Но эта миссия философа разбивается в прах, столкнувшись с психологией интеллигента. Дело не в лукавстве демагогов: у них работа такая. Дело в их добровольных, бескорыстных помощниках, которые отсекают многозначность, многокрасочность слова и транслируют в массы одномерные, как дышло, понятия. Страсть к одномерности у интеллигентов в крови. Они живут в стеклянных трубках с откачанным воздухом, в которых и металлические шарики, и куриные перья падают с одинаковым ускорением. Их идеал прост как апельсин: затолкать всех людей в стеклянные города-утопии, где все слова будут пониматься однозначно, истолковываться только буквально. Любая степень условности, любая степень метафоричности для них непереносима.

Градус метафоричности постигается только художественным сознанием. Именно метафора позволяет мысли двигаться в вертикальном направлении, ибо она сближает вещи разного онтологического статуса. Она соединяет логически несоединимое.

*Нева металась как больной
В своей постели беспокойной.*

А.С.Пушкин

Художественное мышление видит природные явления в свете человеческого опыта, а человека в свете Божественной реальности, в свете Божественного Присутствия.

Художественное мышление – это не просто игра образами, а умение так организовать текст, чтобы он сразу давал подсказку, какая сторона и какая мера образности здесь пошли в дело.

Скажем, шизоид, услышав выражение «круглый дурак», может воскликнуть: а почему не квадратный дурак? И подумает, что сказал нечто остроумное. Но ведь ясно же, что в дело здесь пошел лишь легкий намек на «круглость», не позволяющий фиксироваться на буквалистском прочтении образа круга.

Отвечая на вопрос тележурналистки, кого он считает величайшим русским философом, покойный академик Александр Михайлович Панченко не моргнув глазом ответил: «Конечно, Пушкина!» И он тысячу раз прав.

Таким искусством образного **мышления** (не фонтанирования образами, а именно строгого образного мышления), к сожалению, в русской истории больше не владел никто.

Доводилось слышать упования на возрождение богословской мысли в связи с возвращением интеллигентов в Церковь. Дай Бог, но верится с трудом. Интеллигенты, возвращаясь в Церковь, бьют поклоны, но мыслить продолжают по-интеллигентски, т.е. позитивистски.

Догматы Ньютона и Бойля-Мариотта определяют их способ толкования догматов церкви, а не наоборот.

Философское наследие П.И.Новгородцева может служить для нас источником вдохновения именно потому, что его философское знание – это **опытное знание**, а не интеллектуальная игра, не интеллектуальные экзерсисы.

Как свидетельствует его ученик и друг Г.Флоровский, для Новгородцева «потустороннее, вышнее, небесное всегда было чем-то совершенно очевидным, осязаемым и достоверным. То божественное, что открывается в человеческой душе, в несмолкающем глазе нравственного сознания, было для него первичной и незыблемой реальностью. Божественное, небесное было для него более достоверно и действительно, чем преходящее, изменчивое, земное. Это то, чем мы живем и для чего живем, неиссякаемый источник наших сил и наша безусловная цель»¹⁴.

Изложить итоговые мысли Новгородцева о судьбе России я хочу его собственными словами, отрывками из его последней, посмертно опубликованной работы «Восстановление святынь».

«Потерпела крушение романтическая вера в народную стихию... Это была вера...сентиментально-романтическая и в то же время позитивистски-материалистическая. Она брала народ именно в его естественном и непосредственном определении. Ей недоставало сознания, что в народной душе, как и во всякой душе, есть своя лучшая и своя худшая часть...

В русском сознании мы встречаем и иную веру в народ, нашедшую самое яркое выражение у Достоевского... Народ является не предметом поклонения, а только средой обнаружения народного духа... Не народу надо поклоняться, а идеалам и святыням его.

Великими жертвами, невыразимыми страданиями покупает... Россия свое национальное сознание. Тяжелым, тернистым путем приходим мы к убеждению, что Россия и русская культура выше партий и политических догм... Появляется пламенное чувство к родине...

Но что значит вернуться к национальному сознанию и принять во всей силе этого слова требование преданности России и русской куль-

¹⁴ Флоровский Г.В. *Из прошлого русской мысли. М., 1998. С.211.*

туре? Это... прежде всего означает поставить Россию выше своих особых интересов и стремлений... это значит иметь в виду прежде всего Россию как целое...

Истинное национальное чувство... состоит... в том, чтобы ощущать душу своего народа и его особый своеобразный лик. Лик России.

Путь автономной морали и демократической политики привел к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь. Вот почему мы ставим теперь на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия – агиократию, власть святынь. Не всеисцеляющие какие-нибудь формы спасут нас, а благодатное просветление душ. Не превращение государственного строительства в чисто внешнее устройство человеческой жизни, а возвышение его до степени Божьего дела...

Дело не в том, чтобы власть была устроена непременно на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы власть взирала на свою задачу как на дело Божие и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения.

Русский народ не встанет с одра, если не пробудятся в нем силы религиозные и национальные. Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух!»¹⁵

Философское мышление, по Новгородцеву, – это искусство трансцендирования, искусство воспарения над «фактами», над тем, что кажется всего прочнее, всего устойчивее. Он настаивает, что опираться можно только на действительно прочное, т.е. на «парообразное», на дух. Самое возвышенное кажется эфемерным, но на самом-то деле оно и есть самое прочное.

Окрыленность мысли

*Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжжена...*

А.С.Пушкин

Чтобы по достоинству оценить воспитывающий потенциал школы П.И.Новгородцева, необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать ее питомцев. Но, видимо, не будет лишним предпослать этим портретным зарисовкам несколько общих соображений.

¹⁵ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С.567–568, 574–575, 579–580.

По большому счету школа Новгородцева – это школа Платона. Но каковы принципы этой великой школы? Я думаю, что все многообразие этих принципов можно свести к одному – высшему. А именно, учитель прежде всего должен выследить в душе ученика и поддержать единственное качество – окрыленность мысли, эротизм мысли. Если этого нет даже в зачатке, то из ученика может вырасти толковый ученый, но философ – никогда. Обостренный интерес к качественным, а не количественным различиям и неудержимая тяга ввысь, к духовному совершенству – этот дар природы или провидения должен быть сначала взлелеян в семье, в оранжерейной атмосфере беззаветной любви и только потом поступить в огранку к философскому наставнику. Без этих предварительных условий все усилия школы идут насмарку.

Свою мысль Платон ярко иллюстрирует примером воспитания приемного сына в аристократическом семействе. Там все идет гладко, но лишь до тех пор, пока воспитанник случайно не узнает о своем неблагородном происхождении. С этого момента в его душе неотвратимо зарождается процесс саморазрушения. Если раньше он по примеру и по совету близких культивировал в себе способность различения между «высоким» и «низким», то теперь для него важным становится лишь «прочное», лишь то, на что можно опереться в жизненной борьбе ради «независимости» от окружающих. В отсутствие чувства защищенности любовью близких никакие силы не заставят человека предпочесть журавля в небе синице в руках, никакие силы не заставят «повернуть глаза души» в сторону «внутреннего неба».

Не познание целей, а познание средств становится жизненно важным. Но средства всегда отчуждены от человека, всегда обезличены, и поэтому невольно возникает убеждение, будто все на свете познается как внешний противостоящий нам «предмет», будто имеет значение только внешний критерий истины. И это убеждение только крепнет, когда споры об истине ведутся на повышенных тонах. Рациональные аргументы становятся особенно убедительными в атмосфере враждебности, в атмосфере остервенения. Иногда бывает достаточно снизить хотя бы на полтона накал спора, чтобы аргументация вдруг явственно обнаружила меру своей условности.

И все же мир вещей слишком притягателен (особенно в молодые годы), чтобы не поддаваться соблазну формировать и шлифовать свои познавательные способности в ориентации именно и только на вещь, только на средства, только на «результат». Рассудочная цепкость почти

всегда кажется важнее окрыленности ума. И выбить эту установку из головы ученика почти невозможно.

«Разве ты не замечаешь зла, связанного в наше время с умением рассуждать? – обращается платоновский Сократ к своему собеседнику Главкону. – ...Разве не будет одной из постоянных мер предосторожности не допускать, чтобы вкус к рассуждению появлялся смолоду? Я думаю, от тебя не укрылось, что подростки, едва вкусив от таких рассуждений, злоупотребляют ими ради забавы, увлекаясь противоречиями и подражая тем, кто их опровергает, да и сами берутся опровергать других, испытывая удовольствие от того, что своими доводами они, словно шенки, разрывают на части всех, кто им подвергается»¹⁶.

Способность не обольщаться силой отдельных доводов, не стремиться выглядеть победителем в глазах «худших», в глазах толпы приходит только с пониманием того, что путь к истине пролегает через овладение «искусством икебаны», искусством «составления букетов» из разных доводов, включая доводы сердца, а также мнения и оценки «достойнейших».

Жить перед лицом «достойнейших» и перед Лицом Божиим. Если этот мотив поведения глубоко укоренился в сердцах учеников, то за судьбу школы можно быть спокойным. Заслуга Новгородцева в том и состояла, что он смог привлечь к себе сердца юношей честолюбивых, а не тщеславных, обладающих способностью различения между «высшим» и «низшим», короче говоря, уже обладающих задатками благородства.

Русский Савонарола

У любимым его учеником, несомненно, был Иван Александрович Ильин, которому, умирая, Новгородцев переслал личную просьбу вернуться в лоно Церкви. В лоно Церкви Ильин вернулся, но долгое пребывание «под омофором» Гегеля и Гуссерля не прошло для него даром. Та страсть, с которой этот пассионарный человек отдавался работе над диссертацией в германских университетах, нарушила хрупкое равновесие душевных движений, обретенное в школе Новгородцева, и, видимо, горечь от сознания этой утраты определила силу отталкивания от германской традиции, которая сквозит в его позднейших наставлениях русским философам.

¹⁶ Платон. Указ. соч. Т.3. Ч.1. С.350, 352.

«Русские философские мыслители, – пишет Ильин, – должны откаться от намеренного выдумывания "философских систем". Философ вообще не обязан выдумывать и преподавать какую-то "систему". Это чисто немецкий предрассудок, от которого давно пора освободиться. Эта задача принадлежит к мнимым задачам культуры»¹⁷.

Казалось бы, любая наука стремится к систематизации знаний, но в том-то и дело, что философия – это не наука. Если наука правоведения занята согласованием законов друг с другом, то мысль философа права движется в вертикальном направлении, т.е. в направлении, перпендикулярном по отношению к плоскости систематизации законов.

Философ права как бы погружает закон в концентрированный раствор правовой совести, и тогда сквозь букву закона проступает его дух, причем не только дух законодателя, сочинившего данный закон, но также и дух иной, **высшей справедливости**, которой законодатель **должен был бы** руководствоваться, не будь его сознание замутнено партийными или иными страстями. Философ права – это врач, диагностирующий духовную доброкачественность как закона, так и самого законодателя.

Ильин подчеркивает, что именно благодаря тому, что христианству удалось выявить с новой силой вертикальное, т.е. ценностное, измерение и в бытии, и в мышлении, произошли столь грандиозные цивилизационные изменения в Европе. Началось с легких дуновений, с перемен в настроении, но за ними последовали куда более существенные сдвиги.

«...Религиозное настроение, – пишет Ильин, – ... вносило в общение людей и в процесс общественной организации дух **нового, христианского правосознания**. Оно прикрепляло волю человека к единой высшей цели; оно научало его ставить духовное выше материального и подчинять **личное**, как начало своекорыстия, гордости и посягания, – **сверхличному**, как началу качества, достоинства и совершенства. Этим правосознание прикреплялось к своим благородным первоосновам...». И далее. «Христианство вносило в душу дух **миролюбия и братства**, дух **не** формальной, **не** всеуравнивающей **справедливости**. Оно приучало его не видеть в подчиненности ненавистного бремени и в то же время воспринимать власть как великое бремя ответственности. Христианство давало людям мерило совершенства и этим научало их отличать лучших людей от худших»¹⁸.

¹⁷ Ильин И.А. *Путь к очевидности*. М., 1993. С.362–363.

¹⁸ Там же. С.248.

Легко сказать: «мерило совершенства». Но что делать, если никакого внешнего «мерила», никакого внешнего «критерия», никакого «натурального аршина», с помощью которого мы могли бы «измерить совершенство», не существует. Совершенство мы можем опознать, «увидеть» только «внутренними очами». Но оказывается, что сами эти «внутренние очи» отверзаются только при встрече с совершенством и под его, совершенства, воздействием. «**Любовь к совершенству**, – пишет Ильин, – **отверзает человеку очи духа** и является первейшим и главнейшим **источником веры в Бога**»¹⁹.

Получается замкнутый круг: любовь к совершенству открывает нам путь к религиозной вере, а религиозная вера обостряет нашу способность восприятия совершенства, нашу способность различения между худшим и лучшим. Но пытаться вырваться из этого круга не стоит. В отличие от методов познания внешнего мира, метод познания внутреннего мира – это метод своеобразного резонанса. Духовное углубление или (что то же самое) духовное возрастание, т.е. движение к центру духа, к познанию «самого важного», «самого ценного», осуществляется не путем переключения внимания с одного на другое, а путем собирания, высветления и интенсификации всех сторон нашего духа.

«О вере, – пишет Ильин, – позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души; где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа; где говорит сердце, а на его голос откликается и остальное существо человека; где снимается печать именно с этого **водного ключа** нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь. Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как самое главное в своей жизни»²⁰.

Но «главное в нас» должно быть не только опознано, но и защищено (быть может, даже от нас самих). Ибо только оно обладает духоподъемной силой, только оно является источником совершенствования как человека, так и его общественной среды.

Задача философии права состоит в том, чтобы защитить не так называемые «права человека», а «права человеческого в человеке» или (скажем так) «права божественного в человеке», защитить наши «благородные первоосновы».

Но законом защитить «божественное в человеке» невозможно. Любой закон предполагает способность опознать подлежащее защите по

¹⁹ Там же. С.158.

²⁰ Там же. С.136.

его внешним признакам. А по каким признакам можно с уверенностью опознать «благородство»? Ни участковому милиционеру, ни даже законодателю это дело передоверить нельзя.

Как ни парадоксально это прозвучит, но обеспечить правовую защиту «благородным первоосновам» человека способна только философия права и только самим фактом своего существования. Философия права есть необходимое посредствующее звено между системой позитивного права и духовной культурой в широком смысле слова. Ее задача – сделать зримым «незримое очами».

Важнейшей частью философии права является учение о так называемом «естественном», а по сути «сверхъестественном», праве. Т.е. учение о том, какую важную и даже решающую роль должны играть и на самом деле играют в правотворчестве такие «расплывчатые», «парообразные» комплексы переживаний или, лучше сказать, комплексы «бытийного знания», как «идеал справедливости» и «идеал духовного достоинства человека».

Я процитирую здесь пассаж из раннего, почти юношеского курса лекций Ильина «Общее учение о праве и государстве», так как в нем наиболее явственно звучат переклички с идеями его учителя Новгородцева. «Справедливость, – пишет Ильин, – требует, чтобы право поддерживало **равенство и равновесие** между людьми, **поскольку это необходимо** для того, чтобы **каждый** мог вести **достойное существование**... Каждый человек, кто бы он ни был... имеет **безусловное духовное достоинство**... Если люди **различны** по своим **реальным свойствам**, то они **равны** по своему **человеческому достоинству**. Поэтому справедливое право не поддерживает **естественного неравенства** людей, если от этого может пострадать их **духовное равенство**. **Справедливое право есть право, которое разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей**, учитывая первое, но отправляясь всегда от последнего.

Правовые нормы, стоящие в согласии с справедливостью, называются **естественным правом** (т.е. правом, соответствующим самому «естеству» человека как духовно-нравственного существа)²¹.

И еще отрывок, на этот раз уже из позднего, лишь посмертно опубликованного труда Ильина «О монархии и республике», в котором он

²¹ Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 1994. Т.4. С.80.

цитирует их общего с Новгородцевым духовного наставника А.С.Пушкина (стихотворение 1829 г. «Еще одной высокой, важной песни»).

«Уважать себя, – пишет Ильин, – значит знать о своей силе в добре, и не сомневаться в ней, и не колебаться в ней. Эта "первая наука", по слову Пушкина, – "читать самого себя" отнюдь не должна смешиваться с самомнением... Уважение к себе как живому духу есть основное условие бытия: **акт самоутверждения**, уводящий в "сердечную глубину", к "несмертным, таинственным чувствам", которые ставят человека перед Лицом Божиим, научая его измерять себя, свою жизнь и деятельность **мерилами совершенства**»²².

Философия и есть **искусство измерения неизмеримого**, искусство сопоставления вещей различного бытийного статуса ради выявления их общей, «внутренней» меры, не поддающейся ни исчислению, ни сугубо внешнему выражению. Можно употребить здесь словосочетания – «чувство меры», «чувство гармонии», «чувство справедливости», но все они будут значимы и понятны только для тех, кто обладает внутренним слухом, остро реагирует на ценностные перепады и имеет опыт гармонизации разнонаправленного. Мысль и речь являются философскими только в том единственном случае, если в них слышится присутствие властной силы, которая вовремя обрывает цепочки рационализаций и творит из оставшихся фрагментов такие художественные композиции, которые делают явственной степень **достигнутой глубины** и степень **совершенства**, того идеала справедливости, которым автор вдохновляется.

И тут следует все же отметить и слабые стороны Ильина как философа. Немецкая выучка сыграла с ним злую шутку. Несомненно, она помогла ему глубже осознать специфику русского философского опыта, но она же, как мне кажется, ослабила в нем способность его выражать.

Главный враг философии – это риторика. Красноречие неизбежно выталкивает мысль на поверхность, направляет ее в заезженную колею. Немцы как огня боятся «непрофессионализма» и поэтому избегают работы со «свежим» опытом. Они поступают с ним по-медвежьи: сначала дают ему «протухнуть» и лишь потом вновь откапывают и «едят», т.е. логически обрабатывают.

Согласно русской традиции, только «свежий» опыт, только яркие непосредственные впечатления несут на себе ответ Истины. Бессмысленно рассуждать о «духе», когда дух уже отлетел. Только в его присут-

²² Там же. С.509.

ствии речь становится выразительной, верно интонированной. Рассуждая «по памяти», слишком легко впасть в ложный пафос, и тогда о философии не может быть речи.

При чтении Ильина мешаает вникнуть в смысл им сказанного ходульность стиля. Невозможно отличить подлинно испытанное от вычитанного у других. Следы непосредственных впечатлений по-немецки намеренно стерты. Постоянно подчеркивая важность художества, сам он им, к сожалению, не владеет.

Остается надеется, что отыщется юный энтузиаст, который перекопает действительно громадные залежи обдуманного Ильиным и перескажет все это вновь, свежо и по-русски, разыграет классическую пьесу в костюмах наших современников.

Например, мысль Ильина о законах революции можно было бы изложить на языке уже на наших глазах осуществленного гайдаровско-ельцинского плана покорения народа, ибо все революции по сути однотипны. Сначала нужно разнудать страсти, чтобы люди на время разучились отличать подлинное от подделки, чтобы, скажем, Сахаров и Гдлян стали для них на одно лицо. Затем надо выбросить на правовой рынок единовременно массу ничем не обеспеченных прав и свобод. И когда все они обесценятся, нужно вовремя организовать сеть «закрытых распределителей», в которых и власть, и права, и репутации, и все прочее можно будет приобретать не по баснословным ценам «свободного», т.е. черного, рынка, а по копеечному «номиналу». Все подлинные ценности при этом как бы «сами собой» перетекут в карманы кучки приближенных проходимцев, оставив в руках беззащитного и обездоленного народа одни «фантики». Остальное – дело техники²³.

«Рахманинов русской философии»

Нстоящим антиподом Ильину и по своему темпераменту, и по характеру одаренности оказался другой ученик Новгородцева – Борис Петрович Вышеславцев. Если Ильин – это русский Савонарола, всегда готовый во имя торжества истины идти на костер, бескомпромиссный обличитель человеческих слабостей и пороков, под осуждающим взглядом которого, видимо, даже молоко скисало, то Вышеславцев за широту натуры, доброжелательную снисходительность и художест-

²³ Ср.: Ильин И.А. *Путь к очевидности*. С.253–254.

венную одаренность удостоился от коллег по цеху титула «Рахманинова русской философии».

Крупнейшая заслуга Вышеславцева перед русской философией права состоит в том, что он одну из ключевых проблем, а именно проблему закона, проблему правовой нормы, смог рассмотреть в максимально широком контексте. Он смог ее охватить единым взором – от самых ее корней, где некие прагматичные создания добывают свои любимые желуди, и вплоть до цветущей кроны и даже совсем уж «бесполезной» синевы неба, в которой эта крона утопает.

Он показал, что та «топорная четкость», с какой по необходимости формулируется всякая правовая норма, обладает не только известным преимуществом, но и несомненным пороком. Всякая категоричность не только у подростка вызывает бурный протест, дух противоречия и неповиновения, но и у любого взрослого, хотя у последнего этот протест не всегда выплескивается наружу. «Топорность», т.е. рациональная постижимость норм нужна для их функционирования в автоматическом или полуавтоматическом режиме. Право и призвано обеспечить регуляцию общественной жизни на том нижнем уровне, где человек соглашается действовать наподобие автомата. Но человек все же не автомат, и философия права чутко отслеживает изменения в духовном состоянии общества, чтобы в соответствии с новой ситуацией установить новую границу дозволенной рационализации и автоматизации. То, что ранее поддавалось внешнему наблюдению и регулированию, в новых условиях может оказаться в распоряжении человеческой свободы.

«Ошибаются те, – справедливо указывает Вышеславцев, – кто думает, что справедливое устройство человечества... разрешается системой справедливых законов, идеальным государством – монархией или республикой... как думал античный мир и как думает современное внехристианское человечество; ошибаются и те, которые хотят устроить человеческую душу и сделать ее праведной, связав своеволие страстей сетью моральных императивов и запретов. Ни усовершенствование законов, ни организации властей, ни постоянное моральное суждение и осуждение (любимое занятие толпы) не устраняют и даже не уменьшают количества зла и преступления... Трагедия "закона" в том, что он хочет и **не может**, требует и **не выполняет**, обещает и **не дает**...»²⁴.

Почему закон бессилён? Потому что он своей императивной формой нас не только раздражает, но и озлобляет. Потому что он относится к

²⁴ Вышеславцев Б.П. *Этика преображенного Эроса*. М., 1994. С.39–40.

нам не как к людям, а как к бездушным роботам. Он обращен только к нашему интеллекту и оставляет глубину души не только невосребованной, но и подавленной.

Вышеславцев обращается к достижениям психологической науки начала XX века, но рассматривает их в контексте платоновской и христианской философии. По его мнению Фрейд, Адлер и Юнг переоткрыли то, что давно было известно Платону и апостолу Павлу. Он рассматривает учение Платона об Эросе как предвосхищение христианского учения о фундаментальных стремлениях человеческой души, знание о которых должно лежать в основе всякой философии, в том числе и философии права.

«Эрос Платона... означает существенную и несводимую функцию души, **функцию стремления**... многообразную по содержанию, но всегда направленную на возрастание бытия... Эрос есть влюбленность в жизнь... жажда полноты, жажда полноценности, рождения в красоте, жажда вечной жизни (все это сказал еще Платон); в конце концов Эрос есть жажда воплощения, преобразования и воскресения... и это сказало христианство, ибо оно есть **религия абсолютно желанного**. И оно сказало то, чего искал и предчувствовал Платон, ибо "рождение в красоте" есть, конечно, воплощение и преобразование»²⁵.

Жажда полноты жизни, жажда возрастания бытия, жажда рождения в красоте – вот что движет человеком. И налагая на человека запреты, право ни под каким видом не должно его **унижать**, требовать от него умерить свои претензии к жизни. Человек имеет право стремиться к высшим целям. Отсекая легкие пути, запрещая «халяву», заливающую глаза страстью, право не должно перекрывать кислород полностью. Его задача – обеспечить по возможности «ровное горение». Доброкачественность правовой системы определяется не характером отдельных законов, а той «температурой», которую она в обществе поддерживает. Доводит ли она людей до отчаяния и до отчуждения от государства или же она побуждает их к «воспарению» над рутинной, чтобы с высоты хотя бы «куриного полета» разглядеть новые, пусть трудные, пути к осуществлению стратегии достижения полноты жизни, – вот что существенно важно.

Но «воспарить» мы можем только на таком воздушном шарике, только на таком знании о мире, которое не вооружает, а пленяет душу, т.е. не на знании в форме **законов** (всегда законов рутинной), а на знании в форме **образов** (образов достойной жизни).

²⁵ Там же. С.46.

«Только образ живой воплощенной ценности и святости, – пишет Вышеславцев, – покоряет и "пленяет" все силы души... Вот почему образ Сократа в Академии и в сократических школах играл такую же "сублимирующую" роль, как образ Христа у христиан»²⁶.

Философия формирует не только образ мысли, но и образ самого человека. Поэтому самое важное в философии – это тот образ человека, который в ней запечатлен.

«Сублимация, – настаивает Вышеславцев, – есть восстановление первоначально-божественной и к Богу устремленной формы... Какова же она, если ею не может быть форма закона? Здесь нужно сразу высказать нечто существенное, самое существенное, быть может... Восстановление первоначально-божественной и к Богу устремленной формы в человеке есть восстановление "**Образа и Подобия**" Божия, а та сила, которая схватывает этот образ, есть **воображение**... Воображение и есть воплощение. Оно всегда воплощает свои образы, облекает их плотью»²⁷.

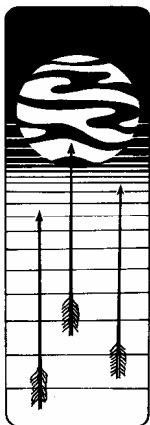
Философия права, по Вышеславцеву, призвана выявлять в нашей мысли и в нашей жизни ту фундаментальную направленность, которая нами осознается лишь в редкие минуты **откровения**, в редкие минуты обретения смысла жизни. Всякий человек имеет право не просто на жизнь, но на жизнь осмысленную, или, выражаясь религиозным языком, на жизнь **благодатную**. Благодать дается даром, ее нельзя вынудить. Но жить в предвосхищении встречи с долгожданной гостьей – это в нашей власти. Спор о законе и благодати – это спор о распределении почестей между жизнью, поглощенной добыванием средств, и жизнью как подготовкой к **Встрече**. Задача философии права состоит в наведении мостов между неизбежной и во многом благотворной жизненной рутинной и теми духовными взлетами, когда, по словам Пушкина, нашего «чуткого уха» касается «божественный глагол». Ни один из уровней жизни в отдельности не обладает подлинной автономией.

Разумеется, сказанным далеко не исчерпывается все существенное из того, что было высказано Вышеславцевым по поводу философии права, но ради краткости приходится этим ограничиться. Придется отложить также до другого раза разговор об остальных питомцах школы Новгородцева – о Н.Н.Алексееве, Г.В.Флоровском и об ученике этих двух последних В.В.Леонтовиче.

²⁶ Там же. С.52.

²⁷ Там же. С.50.

Виктор Шаповалов

МИФ О «ТЕВТОНСКОМ ПЛЕНЕНИИ»

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

The idea of the «Teutonic captivity» under which the Russian philosophy fell was expressed by Sobolev. Later on this idea was subject by some critical reevaluation by I.F.Shapovalov. According to the author of the comment, the assertion that German philosophical ideas exerted a one-sided and sinister influence on the Russian intelligentsia that was unable to get free of the way of thinking which was alien to the Russian soil is to be rethought considerably. It is quite evident that the fact of captivity cannot be denied. But was that captivity really the Teutonic' one, i.e. were shallow and vapid rationalistic opinions of the Russian intelligentsia the results of the passion the Russian intelligentsia felt precisely for the German philosophy? On the contrary, the German is to be considered as an ally of the Russian religious and philosophical reflections in its struggle against common place rationalism and doctrinarianism. The author sees the origins of the intellectual paradigm wedded to speculative ideas and ready-made intellectual prescriptions exactly in the French tradition, in the French positivism of the 19th century in particular.

Статья А.Соболева ставит множество интересных и важных вопросов. Остановлюсь на одном из них, представляющемся мне актуальным как в свете более глубокого понимания истории русской мысли, так и в свете современного ее состояния.

Русская религиозно-философская мысль XIX – начала XX века своим острием была направлена против того, что можно характеризовать как рационалистический схематизм, или плоский рационализм. Этому философскому воззрению присуще неправомерное стремление подогнать жизнь под рационалистическую схему, подчинить личность общественному целому. Ему также свойственно доктринерство, т.е. построение умозрительных проектов будущего совершенного общественного устройства, и готовность пожертвовать жизнью людей во имя осуществления проекта. Плоский рационализм основан на культе научного разума, на твердой уверенности, что именно наука есть та сила, с помощью которой станут в близком будущем разрешимы все жгучие вопросы общественного и личного бытия. Протест против этих воззрений, ведущих к нравственно недопустимой тотальной рационализации жизни, мы находим у славянофилов, П.Д.Юркевича, у В.С.Соловьева, у В.В.Розанова, в сборнике «Вехи». Особенно ярко он выражен в творчестве Ф.Достоевского.

Сегодня факт антирационалистической направленности русской религиозной философии отнюдь не новость. Поэтому мне хотелось бы заострить внимание не на нем, а на несколько другом аспекте. Однако следует предварительно подчеркнуть, что в современных условиях трудно оспорить правомерность критики мыслительного направления, условно названного выше плоским рационализмом: предостережения о трагических последствиях всеобщей экспансии, по выражению Достоевского, «эвклидова ума», как и предостережения авторов сборника «Вехи», к сожалению, оказались пророческими. Основная масса русской интеллигенции не смогла расстаться со светлой мечтой о научно обоснованном совершенном общественном устройстве, представляющимся ей «хрустальным дворцом». Рядовой русский интеллигент видел жизнь сквозь призму упрощенных, сугубо рационалистических схем, верил в прямолинейный социальный прогресс, был убежден, что история есть неуклонное движение к торжеству разума, свободы, права. Иначе говоря, как принято думать, русская предреволюционная интеллигенция не смогла освободиться от «тевтонского пленения», т.е. от чуждого русской почве немецкого способа мысли.

Вполне очевидно, что факт пленения отрицать не приходится. Но было ли это пленение «тевтонским», т.е. явились ли плоско рационалистические воззрения русской интеллигенции результатом увлечения именно немецкой философией? Не является ли идея о тевтонском пленении лишь мифом, за которым скрывается иной, конечно, западный, но не немецкий, источник?

Забегая вперед, замечу, что между русской религиозной философией и немецкой философской мыслью общего гораздо больше, чем между русской и какой-либо другой западной национальной философской традицией. Более того, рискну утверждать, что именно немецкий национальный характер, немецкий дух наиболее родствен русскому национальному характеру и русскому духу. Однако эти тезисы нуждаются в доказательствах. Начнем с учения Маркса, поскольку именно оно в России получило наибольшее распространение, а в течение более чем 70-ти лет являлось основой обязательной партийно-государственной идеологии.

Обычно не подвергается сомнению, что философия Маркса явилась органическим продуктом развития немецкой философии, выросла на немецкой философской почве. До сих пор принимается как аксиома, что Маркс опирался на философию Гегеля, творчески ее переработал и переосмыслил под влиянием идей Фейербаха. Однако тезис о связи философии Маркса с философией Гегеля был подвергнут основательной критике С.Булгаковым в статье «Маркс как религиозный тип» (1906).

Согласно Булгакову, философия Маркса, как и его учение в целом, не имеют ничего общего не только с Гегелем, но и со всей немецкой философской традицией, наиболее ярко представленной именами Канта, Фихте, Шеллинга и самого Гегеля. «И вот, обозревая литературно-научную деятельность Маркса во всем ее целом, от философской диссертации о Демокрите и Эпикуре до последнего тома «Капитала», – писал Булгаков, – мы приходим к заключению, довольно резко расходящемуся с общепринятым: *никакой преемственной связи между немецким классическим идеализмом и марксизмом не существует* (подчеркнуто нами. – В.Ш.)»¹. «Мнение о значении марксизма в качестве "исхода" или ликвидации классического идеализма опровергается, прежде всего, тем, что сам Маркс оставался чужд его влиянию, и хотя в

¹ Булгаков С.Н. Маркс как религиозный тип // Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С.319.

пору студенчества внешним образом делал ему уступки – в духовной атмосфере Берлинского университета конца 30-х годов это было почти неизбежно, – но разделался с ним очень скоро. Нет никаких оснований причислять Маркса к школе Гегеля в таком смысле, в каком к ней принадлежат Фейербах, Бруно Бауэр, Штраус и др. Все они действительно возросли в духовном лоне Гегеля и навсегда сохранили следы этой духовной близости к нему, которая и может быть констатирована. О Марксе нельзя сказать ничего подобного. Его гегельянство не идет дальше словесной имитации своеобразного гегелевского стиля, которая многим так импонирует...»².

Булгаков приводит целый ряд весомых аргументов в пользу своей позиции. Так, говоря о так называемом «диалектическом методе», который якобы был заимствован в переработанном виде Марксом у Гегеля, русский философ замечает, что понятие «метод», в смысле научного метода, т.е. как совокупность исследовательских операций, вообще неприменимо к философии Гегеля. Гегелевская философия не претендует на роль методологии науки, а, напротив, стремится превзойти понимание философии по аналогии с наукой. Гегель видит свою задачу в преодолении разделенности субъекта и объекта, понятие же метода уместно лишь в той системе, которая основывается на противопоставленности субъекта и объекта. Поэтому признание Маркса о том, что его метод «прямо противоположен гегелевскому», свидетельствует ни больше ни меньше как о полном непонимании самой сути гегелевской философии. То же, «что Маркс ошибочно называл у себя методом, на самом деле была лишь манера *изложения* его выводов в форме диалектических противоречий, манера письма "под Гегеля"»³.

Касаюсь высказываний Маркса о необходимости перевернуть гегелевскую диалектику с головы на ноги, о «великом открытии», что «не сознание людей определяет их бытие, а бытие определяет их сознание» и т.д., Булгаков отмечает, что их следует квалифицировать либо как издевательство над философией Гегеля, либо как нечто, не имеющее к ней отношения, выросшее из совершенно иных источников.

Здесь следует особо подчеркнуть, что немецкая традиция такова, что в ее рамках философия, ничего не говорящая о духе, точнее о *жизни* духа, вообще не является философией. Для немецкой традиции филосо-

² Там же. С.320.

³ Там же. С.321.

фия, сводящая духовную жизнь к удовлетворению материальных потребностей, совершает недопустимую редукцию высшего к низшему. Философское учение, утверждающее, что подобная редукция есть великое открытие, вызвала бы полное недоумение, если не шок, у всех профессиональных и сколько-нибудь известных немецких философов, как гегелевской, так и послегегелевской эпохи. Действительно, вслед за Гегелем идут А.Шопенгауэр, Ф.Ницше, Н.Гартман, У.Дильтей, В.Виндельбанд, Э.Кассирер, М.Шелер, Э.Гуссерль, М.Хайдеггер, К.Ясперс, Х-Г.Гадамер и др. Они развивают философию жизни, философскую аксиологию и символизм (неокантианство), герменевтику, экзистенциализм. Во всех этих учениях нет и намека на тот плоский рационализм, который получил распространение в кругах русской интеллигенции предреволюционного времени. Концепции немецких философов скорее можно отнести к иррационализму, как это делала официальная советская философия. Но такая квалификация страдает односторонностью. Наиболее полно магистральную линию немецкой философской традиции можно характеризовать как *философию жизни* в самом широком понимании. Напомним, что согласно Дильтею в философии Гегеля можно обнаружить лежащее в ее основе и играющее существенную роль понятие жизни. Именно на немецкой почве возникли идеи воли к жизни, жизненного мира Гуссерля, ценностей как трансцендентальных жизненных предпосылок научного познания и т.д. – перечень легко продолжить.

В центре внимания немецкой философии в разнообразных ее проявлениях стоит понятие жизни, прежде всего, духовной жизни. Жизнь трактуется как единство рационального, иррационального и сверхрационального начал. Понятие жизни как раз и призвано противостоять упрощенному схематизму и доктринерству, поскольку жизнь есть нечто непредсказуемое и свободное, то, что принципиально невозможно загнать в рамки рациональных определений и схем. Таким образом, немецкая философия никак не могла стать источником плоского рационализма и доктринерства. Немецкую философскую традицию следует рассматривать скорее в качестве союзницы русской религиозно-философской мысли в борьбе против этого умственного направления.

В этом убеждают и слова современного исследователя, касающиеся догегелевского периода немецкой мысли. Становление немецкого национального самосознания на уровне философских концепций, по мнению И.П.Смирнова, «связано во многом с отторжением западноевро-

пейского (французского) просвещения мыслителями немецкого романтизма, в числе которых Шлейермахер, Гердер, Гаманн и другие. Критика рационализма европейской мысли и раздробленности духа, известная нам в русской традиции начиная со славянофилов и дальше, уже имела место в творчестве ранних немецких романтиков... Еще Новалис трагически ощутил и воспел одиночество, в котором он видел Германию перед лицом распространяющихся из-за Рейна революционных просветительских идей»⁴.

Г.П.Федотов отмечал, что произведения немецкого романтизма первой половины XIX века сохранили для нас «трогательный образ немца: прекрасногодушного, чистого сердцем, немножко смешного в своей наивности, преданного музам и мечтам»⁵. Здесь же Федотов приводит интересное объяснение превращения немца-романтика в свою противоположность, в тип немца гитлеровской эпохи: «Судороги насилия он принимает за выражение силы и манию величия – за национальное самосознание. Теперь он презирает интеллектуальный труд и живет лишь пафосом войны. Из всего великого прошлого Германии ему импонирует только "белокурый зверь" первобытного язычества»). Отметим, что именно образ немца-романтика косвенно воспроизводит А.Пушкин, когда в «Евгении Онегине» рисует образ Ленского:

*По имени Владимир Ленский
С душою прямо геттингенской
Красавец в полном цвете лет
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.*

В связи со сказанным попытаемся ответить на вопрос, почему у Пушкина «поклонник Канта» и «поэт» стоят в одном ряду, ведь с точки

⁴ Смирнов И.П. Особенности восприятия Ф.М.Достоевского в Германии // Ф.М.Достоевский – наш современник. М., 2000. С.256.

⁵ Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х томах. Т.2. СПб., 1992. С.168.

зрения распространенного воззрения сухая и схематическая философия Канта есть нечто совершенно несовместимое с поэзией, абсолютно ей чуждое. Дело, очевидно, в том, что Кант впервые в европейской мысли решительно выступил против всеобщей экспансии науки. Он обнаружил опасность такой экспансии задолго до того, как она стала реальностью. Учение Канта о непознаваемости для науки сущности «вещей-самих-по-себе» (правильный русский перевод кантовского выражения «das Ding an sich» – «вещь-сама-по-себе», а не «вещь-в-себе»⁶) означало, что для науки не могут и не должны быть доступны такие «вещи», как Бог, человеческая душа, свобода, а также мир в целом. На недоступности для научного познания названных сущностей как раз и основывается существование религии, искусства, поэзии. Только сердцем или посредством художественного образа, символа (а не средствами научного исследования) человек способен прикоснуться к высшим ценностям бытия, какими являются Бог, человеческая душа и свобода.

Хотя кантовская философия действительно изложена достаточно сухим и сложным языком, в ней встречаются отдельные места, которым в поэтичности не откажешь. К ним, например, принадлежит известное изречение: «Две вещи вызывают у меня все большее воодушевление и восхищение, чем больше я вдумываюсь и вглядываюсь в них: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне».

Как видим, есть основания считать, что к духу большевизма или хотя бы к интеллигентскому прожектерству Германия, что называется, не имеет никакого отношения. Но тогда философия и национальный дух какой страны явились духовной родиной доктринерски-схематичного способа мысли? Ответить на этот вопрос нетрудно.

Соратник Маркса Ф.Энгельс в конце жизни в брошюре, содержание которой в советские годы было обязательным для изучения в ВУЗах, настаивал на неизбежном конце философии, на том, что она практически уже вытеснена позитивными науками: «... от всей прежней метафизики остаются только формальная логика и диалектика». Не требуется больших умственных усилий, чтобы узнать в этом высказывании излюбленную мысль француза О.Конта, основателя позитивизма. Да, именно Франция и характерно французское умственное

⁶ См. подробные примечания редакторов и переводчиков относительно правильности перевода кантовского выражения (Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С.547).

воспитание явились духовной родиной плоского рационализма и доктринерства.

Чтобы сразу снять вполне понятные возражения, отметим, что для самих французов их склонность к рационализации всего, их приверженность доктрине, стремление построить жизнь в соответствии с рационально обоснованным проектом являются вполне очевидными свойствами французской ментальности. Имеющие большую традицию (о которой у нас почти неизвестно) исследования французских авторов своего национального характера подчеркивают присущий ему рационализм, приверженность умозрительной идее и т.д. Эти свойства со всей определенностью вытекают из основного качества французского ума – стремления к ясности. Современные французские исследователи совершенно не сомневаются, что, сформулировав критерий ясности и отчетливости, Декарт в действительности сформулировал и выразил основную черту французского способа мыслить.

Стремление к ясности само по себе, разумеется, качество положительное. Но, возведенное в принцип, оно как раз и ведет к тому плоскому рационализму и схематизму, о которых мы ведем речь. Это происходит по той причине, что принцип ясности не выдерживает столкновения со сложностью жизни. Становятся неизбежными схематизация и искусственное упрощение бытия. «Французы особенно склонны ко всякому упрощению, – писал французский философ и социолог начала XX века Альфред Фуллье. – Эта любовь к упрощению в свою очередь вполне согласуется с отвлеченными и общими идеями, имеющими в наших глазах то преимущество, что они наиболее легко передаваемы и, так сказать, наиболее социальны»⁷. «Мы подвергаем наши идеи тройной операции: немедленно по их зарождении мы объективируем их...; затем, так как всякая истина должна быть универсальной, мы возводим наши идеи в законы; наконец ...мы обращаем наши идеи в действия... Мы догматичны и вместе с тем практичны. Когда наш догмат оказывается истинным... мы способны на великие дела; но если, на несчастье, наши рассуждения ложны, мы идем до последних пределов нашего заблуждения и, в конце концов, разбиваем лбы о неумолимую действительность»⁸.

⁷ Фуллье А. Психология французского народа // *Революционный невроз*. М., 1998. С.124.

⁸ Там же. С.125–126.

Под влиянием известной формулы Спинозы «не плакать, не смеяться, а понимать» в России сложился образ рационалиста как человека мрачно-сосредоточенного, угрюмого. Но спинозовский рационалист понимает неисчерпаемую сложность бытия. Он понимает, что соблюдение требования «не плакать, не смеяться» еще не дает гарантий относительно постижения глубинной сущности вещей. Он не уверен, что мир полностью и без остатка доступен рациональному объяснению. В этом смысле он неполный рационалист. Действительный рационалист верит, что все без остатка подвластно человеческому разуму, все будет познано и рационально объяснено, не сейчас, так в будущем. Поэтому он не может быть угрюм, напротив, он жизнерадостен, легок, весел, самоуверен.

Фуллье с полным основанием считает Францию родиной европейского рационализма. «Франция оказалась способной поставить рационализм на его высшую ступень, отделив его от политических и религиозных интересов и придав ему философское значение. Французский рационализм основан на убеждении, что в мире действительности все доступно пониманию, если не для настоящей несовершенной науки, то для будущей»⁹.

В свете наблюдений Фуллье, практически все события идейной и социально-политической истории Франции находят свое объяснение. Находят объяснения свойственная французским просветителям идея радикального добра в человеческой природе, их культ научного разума, их антирелигиозная настроенность, их понимание этики как разумного эгоизма, утилитарное рассмотрение искусства исключительно как средства распространения научных знаний. Находит дополнительное объяснение стремление деятелей Великой Французской революции радикально перестроить мир на основе разума, начать отсчет новой истории человечества – заменить христианский календарь на «революционный» и т.д. Получает объяснение идейно-психологический генезис проектов будущего совершенного общества Фурье и Сен-Симона. Становится понятным, почему человек, служивший в молодости секретарем у Сен-Симона, создал позитивистскую философию и, таким образом, именно Франция должна была стать родиной позитивизма. Наконец, вполне очевидно, что в концепции Конта непременно должна была присутство-

⁹ Там же. С.126.

вать «религия человечества», т.е. культ некоторого абстрактного общечеловеческого разума.

Нетрудно видеть, что названные идеи и концепции, основанные на французском рационализме, стали чрезвычайно популярны у значительной части русской интеллигенции второй половины XIX века – начала XX-го. Приведем лишь одно свидетельство, взятое из воспоминаний человека, бывшего в начале 80-х годов XIX века студентом Петербургского университета. Согласно господствовавшим в студенческой среде представлениям, «заниматься философией считалось делом постыдным, но изучение Огюста Конта не только разрешалось, но и приветствовалось – очевидно, потому, что этот философ отрицал метафизику и, по его теории, исследование идей, чувств и воли человека являлось частью физиологии, составляющей, в свою очередь, только один из разделов биологии. Следовательно, Конт был не "метафизиком", а "естественником". Поэтому все философы-позитивисты были в большом почете у студенчества»¹⁰. Согласно этому же свидетельству (как и многим другим), чрезвычайной популярностью у студентов пользовалась книга Н.Чернышевского «Что делать?» и изложенная в ней идея разумного эгоизма. Сегодня хорошо известен подлинный источник этой идеи – французское просвещение и французский материализм XVIII века.

Почему же вполне очевидное «галльское пленение» русской мысли было воспринято как тевтонское? Одну из причин этого следует усмотреть в особенностях языков – немецкого и французского. Немецкий язык крайне тяжеловесен. К тому же немцы создали специфический философский язык, еще более усложнивший понимание текста. И.Ильин, прекрасно владевший немецким языком и глубоко изучивший философию Гегеля в первоисточниках, отмечал, что сложность гегелевского языка столь велика, что перед читателем «скоро встанет дилемма, по которой или читаемое лишено смысла, или сам читатель лишен дара к философии, и вся попытка в лучшем случае закончится недоумением и отказом от дальнейшего ознакомления»¹¹. Изучая тексты немецких философов, читатель почти физически ощущает, что его нагружают непо-

¹⁰ Никифоров Н.К. *Петербургское студенчество и Влад. Серг. Соловьев // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С.167.*

¹¹ Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С.51.*

мерной ношей, насильственно берут в плен, принуждают идти по тому пути, который требует невероятных усилий, но весьма далек от его интересов и потребностей.

Французский язык – полная противоположность немецкому. Его отличают ясность, точность, легкость. Не случайно, при переходе от чтения немецких книг к чтению французских возникает ощущение освобождения от непомерной ноши, словно становится легче дышать.

Исследователи национального характера французов уделяют особое внимание роли языка. А.Фуллье тесно связывает стремление французского ума к ясности с особенностями языка. «Потребность в наречии, наиболее пригодном для общественных сношений, была одной из причин, сделавшей французский язык до такой степени аналитическим, а вследствие этого точным, что всякая фальшь слышна в нем, как на хорошо настроенном инструменте. Это – язык, на котором всего труднее плохо мыслить и хорошо писать... Расположение слов определяется не личным чувством и не капризом воли, под влиянием которых могли бы выдвигаться вперед то одни, то другие слова, изменяя непрерывно перспективу картины: логика предписывает законы, запрещает обратную перестановку, отвергает даже составные слова и неологизмы, позволяющие писателю создавать свой собственный язык... Можно было бы сказать, что французский язык образовался по законам элементарной геометрии, построенной на прямой линии, между тем как остальные языки складывались по формулам кривых и их бесконечных видоизменений. Отсюда – ясность нашей прозы, представляющая резкий контраст с туманностью прозы других языков и делающая французскую прозу как бы точным "измерительным прибором" для выражения истины»¹².

Приведенные слова объясняют, почему гордость за свой язык – национальная черта французов. Во французских городах не встретишь вывесок и надписей на английском, француз с большой неохотой перейдет в общении с иностранцем на английский, хотя и владеет им в большинстве случаев неплохо. Во французских представительствах за рубежом с гражданином любой страны будут общаться исключительно по-французски, даже и при том, что работник французского учреждения владеет языком собеседника. Французы ревностно следят за тем, чтобы их язык, признанный ООН одним из языков международ-

¹² Фуллье А. Указ. соч. С.131.

ного общения, был в полной мере представлен на международных форумах, конференциях, чтобы любой международноправовой документ был обязательно официально принят не только в английской, но и во французской редакции.

Ни русский, ни немецкий язык, конечно, не образовались «по законам элементарной геометрии, построенной на прямой линии» – как характеризует Фуллье язык французский. Как в русском, так и в немецком языке распространены сложносоставные слова. По мнению С.С.Аверинцева, источник русских сложносоставных слов связан с византийским вариантом древнегреческого языка, из которого сложносоставные слова проникли в церковнославянский, а затем в русский. Это был язык возвышенного красноречия и молитвы: «светоподательство светильника сущим» и т.д. Маяковский бессознательно по-своему использовал древнюю традицию: «гидра двухметроворостая» и др. Большевик лишь паразитировал на древней русской традиции, опошил ее изобретением слов типа «главсельхозпродукт», «росцентропотребсоюз» и т.д.

В действительности же, возможное как в русском, так и в немецком языке словотворчество (творчество слов) следует рассматривать в известном аспекте как позитивное свойство. Это свойство языка делает возможным передачу в нем личности автора, способствует созданию личностного языка. Такой язык, отражающий индивидуальность автора, часто оказывается трудным для читателя, требует от него особых усилий. Русский язык еще более свободен, чем немецкий, поскольку в нем практически отсутствуют нормативные ограничения на порядок слов в предложении. Изменение порядка слов меняет смысловой оттенок предложения, что также позволяет автору выразить не абстрактную истину, а личностное восприятие. Язык же, каким является французский (если верить приведенной выше его характеристике), подавляет индивидуальность автора, подчиняя его нерушимым нормам строгой грамматической формы. Не случайно именно во Франции с конца XX века развернулась активная теоретическая борьба против «тирании языка». Ж.Дериде, Р.Барт и другие деконструктивисты рассматривают языковую норму в качестве идеологии, навязывающей и читателю, и писателю, вопреки их воле, общеобязательные стереотипы. Видимо, не случайно, что именно И.С.Тургенев, проведший почти всю сознательную жизнь во Франции и вынужденный постоянно общаться на француз-

ском, в эмоциональном порыве написал знаменитую оду русскому языку – «великому и могучему».

Свойства языков и целый ряд других факторов ведут к тому, что как русское, так и немецкое мышление не столь рационалистичны, как французское. Сходство русского и немецкого мировосприятий в том, что они усматривают в мире не только рациональную составляющую, но и составляющие иррациональную и сверхрациональную. И в русском, и в немецком мировоззрении мир обращен к человеку не только своей светлой, разумной, «аполлоновской» стороной, но и темной, иррациональной, «дионисийской». Кроме того, есть еще божественное, сверхрациональное, воздействие которого на реальность и на человека принципиально непостижимо. Таким образом, напрашивается не вполне привычный вывод: русское и немецкое мировоззрение имеют существенные черты сходства, они родственны друг другу. Этот вывод противоречит широко распространенному мнению о противоположности немецкой и русской души. Возникает вопрос, почему же все-таки «что русскому хорошо, то немцу – смерть»?

Дело в том, что из приблизительно одного и того же мировосприятия русский и немец делают совершенно различные практические выводы. Опасаясь быть раздавленным внерациональными силами, немец стремится противопоставить им волю, овладеть стихией посредством воли, которая мобилизует недремлющую работу разума. Немецкая пунктуальность, аккуратность, стремление к порядку, расчетливость суть средства борьбы со стихийной неуправляемостью жизни. Посредством этих качеств немец стремится обезопасить себя от превратностей судьбы, которые, согласно его мировоззрению, поджидают человека на каждом шагу.

Исходя из того же восприятия мира русский делает совершенно иные выводы. С его точки зрения, никакими мыслительными ухищрениями, никаким напряжением воли нельзя преодолеть внерациональную стихию бытия, хотя не следует пренебрегать ни разумом, ни волей. Решающая же сила в ее преодолении – любовь. Так, Достоевский говорил о взаимосвязи любви и познания – о познающей любви и о любящем познании. Только в этой связанности оба эти свойства в конечном счете становятся плодотворными: «Будешь любить каждую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно

начнешь ее познавать все долее и более, на всяк день»¹³. В глубине несовершенного мира заложены начала любви и гармонии – софийность у В.Соловьева, С.Булгакова, П.Флоренского. На наличии в глубинной основе мира любви и гармонии основывается духовное приятие неустранимых посредством человеческих усилий несовершенств мира и неустанная подвижническая деятельность в нем.

Русскому уму чуждо стремление насильственно выпрямить кривизну бытия либо посредством разума, либо посредством воли или сделать вид, что этой кривизны не существует. Именно это свойство нашло глубокое отражение в русской религиозно-философской мысли, яркими представителями которой явились П.Новгородцев и его выдающийся ученик И.Ильин. Для русской религиозно-философской мысли характерно теоретическое мужество открыто признать всю глубинную сложность мира, избличение познавательного бессилия эвклидова ума, геометрически правильного и рассудочного. В этом можно усмотреть особую духовную трезвость русской мысли. Свойства русского ума нашли свое поэтическое резюме в забытом ныне стихотворении Вяч.Иванова «Русский ум».

*Своеначальный жадный ум –
Как пламень русский ум опасен;
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он и так угрюм.*

*Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.*

*Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.*

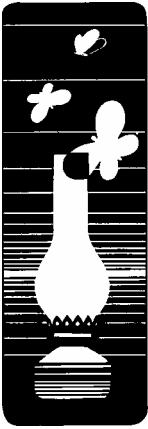
¹³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Соч. в 30-ти томах. Т.14. Л., 1972–1990. С.289.

В том животном, которое впоследствии превратилось в «человека», безусловно, должна была возникнуть исключительно богатая и необычайно развитая оригинальная функция воображения, то есть фантазия. Именно эта функция исторически крепла, развивалась, подчинялась воздействию долгих упражнений, которые в свою очередь и превратили фантазию в то, что мы громко называем «разумом». <...> Отныне речь идет не просто о подаче или приеме утилитарных сигналов относительно ситуации; речь о неотложной

потребности выразить
собственный сокровенный мир,
распирающий человека изнутри,
лишающий его покоя, его
возбуждающий, наполняющий
тревогой и страхом. Этот
внутренний мир действительно
требовал от человека внешнего
выхода, порождал в нем жажду
общения, подлинного участия –
одним словом, истолкования.

Хосе Ортега-и-Гассет

Джеймс Рассел

РОССИЯ В МИРЕ

СОЛОВЬИ, СОЛОВЬИ...

*This article, which takes its title from the famous song «Nightingales, O Nightingales» of the Great Patriotic War, seeks to discover the source of the Russian historical ballad «Il'ya of Murom and the Nightingale-Robber» in a spell to gain the power of the mythical Indian eagle Garuda. Two different forms of such a tale exist: a semi-Buddhist shamanistic spell-song from Mongolia, and a medieval Armenian magical spell-tale whose earliest variant is close to the Mongolian form. The tale would have reached Russia most likely *via* Central Asia, *via* Iran. The Armenian version is Christianised; the Russian, assimilated to the heroic genre. It is suggested that the eagle becomes a nightingale (*slavii*, *solovei*) because of the connection of the latter with the potent word (*slovo*) and the glory (*slava*) acquired by a hero through bardic acclaim: so the bard Boyan in the Song (*Slovo*) of the Campaign of Igor' is called the «nightingale of olden times».*

* Сокращенный вариант для русскоязычного читателя. Полный текст в Saint Nerses Philological Journal. NY., 2006.

В древнеперсидской Бехистунской надписи Дария I, где новый царь пытается оправдать захват власти тем, что он подавил восстания самозванцев во всех сатрапиях Ахеменидской империи, содержится генеалогический фрагмент, в котором царская династия именуется *divityaparana-* («двукрылая»), и утверждается, что династия правила всегда, поскольку в человеческой памяти не сохранилось воспоминаний об обратном. Сам Дарий, разумеется, принадлежал к ветви, которая на тот момент еще не обладала властью. Многие эпические герои и цари гордились своим смешанным происхождением: Дигенис Акрит, «рожденный от двух народов» герой византийского эпоса, сложившегося в районе Мелитены (ныне Малатья), был сыном араба и гречанки; Антиох, царь Коммагены, живший неподалеку тысячелетием раньше, гордился своим ахеменидско-македонским происхождением. С другой стороны, люди смешанного происхождения зачастую отличаются от прочих и отклоняются от нормального течения жизни. У этой статьи два крыла, но между ними есть, как минимум, одна птичка – соловей, и в обеих частях речь пойдет об отличительной черте и особом достоинстве этой птицы – ее голосе. «Есть роза и роза» – знаменитое изречение Гертруды Стайн о вещах, которые являют собой одно и то же и в то же время отличаются друг от друга, – может сбить с толку при взгляде на заголовок моей статьи, взятый из первой строки знаменитой русской песни времен Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Певец просит птиц не тревожить солдат тоскою своей песни. Но, как мы увидим, голос соловья может обладать самой различной властью, когда он поет свои вечно меняющиеся песни; и именно в этом суть поэзии. «Есть соловей и соловей».

В первой части этого эссе речь пойдет об армянском заклинании, восточномонгольском шаманском напеве и русской героической балладе. В двух первых текстах фигурируют орлы – сверхъестественные существа, основной отличительной особенностью которых является их мощный голос. Я предполагаю общее происхождение заклинания и напева в индоиранской мифологии и затем прослеживаю трансформацию сюжета в русской традиции, где в качестве птицы, главной чертой которой является голос, выступает соловей: *Соловей-разбойник*, чье гибельное столкновение с фольклорным героем Ильей Муромцем описывается в одной из популярнейших и старейших былин.

Во второй части я продолжаю исследовать русского соловья. Его песня рассматривается как аналог человеческой поэтической речи, в частности, одной из ее составных частей – героического эпоса, который венчает славой и самого певца, и того, о ком он поет. Я рассмотрю, как эта слава увенчивает соловья в «Слове о полку Игореве», написанном в XII веке, и в замысловатых работах его наиболее одаренного переводчика, русско-американского поэта и писателя XX века Владимира Набокова.

Часть I.

Армянские заклинания

Первый текст, который мы рассмотрим, представляет собой армянское заклинание для исцеления, начинающееся с небольшой новеллы (*historiola*). Она достаточно часто встречается в армянских *хмаилах*, магических свитках, о которых необходимо сказать несколько слов. Обычно их длина составляет несколько метров, а ширина – от пяти до пятнадцати сантиметров, в зависимости от предназначения: те, что поменьше, люди носили на себе, те, что побольше, – хранили дома. В них содержались различные молитвы, но один из наиболее часто встречающихся текстов – рассказ об обращении Киприана Антиохийского, *хмаил*, который в наше время публикуется Армянской церковью и другими издателями обычно под названием *Kiprianos*. Почитание Святого Креста – настолько заметная отличительная черта армянского христианства, что другие восточные христиане, недоброжелательно настроенные по отношению к армянам, зачастую осуждали его как идолопоклонство. *Хмаилы* обычно содержат молитву, включающую обращение к силе сотен тщательно вырезанных каменных крестов (*хачкаров*), которыми на просторах Армянского нагорья обозначены святые места. Текст нередко написан в форме армянских крестов, которые сами по себе образуют бесчисленные кресты¹. Другой важный текст, встречающийся в этих свитках и зачастую сопровождаемый иллюстрациями, хотя и весьма грубыми, – это заклинание против похищающей детей ведьмы Лилит, называе-

¹ О культе Креста в армянской традиции и отражении этого культа в современной литературе см.: Russell J.R. *Bosphorus Nights: The Complete Lyric Poems of Bedros Tourian // Harvard Armenian Texts and Studies 10, Cambridge, MA, 2006, где содержится перевод и обсуждение поэмы Manugn arr Khach', «Дитя Креста».*

мой по-армянски *Al* или *T'pgha*. Рассматриваемое здесь заклинание направлено против демонического орла. Я привожу четыре его варианта. Первый вариант содержится в рукописи В.Маратаци 1453 года *Aghot'agirk'* («Молитвенник») и называется *Aghot'k' amenayn ts'egh khots'i* – «Молитва против любых ран»².

*Стояло дерево посреди мира
без ветвей, без ствола, без листьев.
Орел сидел на нем
Без ног, без крыльев, без головы.
Мир видел, твари слышали, ангелы изумлялись...*

*Схватили они его, связали и спрашивают:
«Ты кто?»
Он отвечал: «Я – тот, кто приходит к людям;
Я ем их плоть, пью их кровь и опускаю тьму на их глаза...»*

*Сказал ему ангел: «Пойди на равнину, туда, где нет ничего,
Где птичий голос не слышен; сядь напротив дракона,
И ешь его плоть, пей его кровь, опусти тьму на глаза его –
но не трогай людей.
Ты не сможешь приближаться к этим слугам Божиим...»*

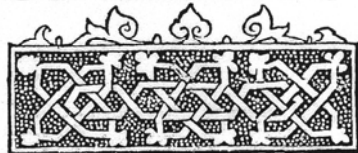
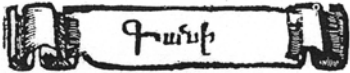
Второй текст происходит из армянского сборника молитв и заклинаний *Urbat'agirk'* («Пятничная книга»), напечатанного в Венеции в 1512 году³.

² Частично приводится в книге о Вардана Хацуни (*Fr. Vardan Hats'uni Erdmunk' hin Hayots' tej* («Заклинания древней Армении»), изданной в Венеции С.Лаццаро (*S.Lazzaro*) в 1932 году, с.216–217. Судя по ошибочному написанию императива *ert'*, «иди!» как *erd, где da* произносится как *t*, наиболее вероятным представляется, что текст был переписан в Западной Армении или Киликии.

³ Факсимильное издание книги было выпущено С.Лаццаро в Венеции в 1975 году. Шрифт примитивен, что обычно для ранних изданий, и значение типографского знака (сфера и крест с буквами *DIZA*) остается загадкой. Похоже, что после издания сборника стихов (*Tagharan*) и календарного трактата (*Parzatomar*) печатный станок практически вышел из строя. Кроме того, печатники, видимо, не отличались образованием: слово *ch'iwgh*, «ветвь», дано в диалектной форме *chegh*, а каузальное *pakasets'uts'anet* «уменьшаю» дано в полуразговорной форме *pakasets'net* (без маркера *ke*, который характерен для глаголов настоящего и прошедшего продолженного времени в западно-армянском).

Письменное заклинание против любых несчастий

Возьми стальной нож и три гвоздя, изобрази Крест поверх раны, и повторяй эту молитву:

Գիրանցեղգանի. Վնպանդ
պատդանակ. Էրեքբեկեռեկ. և
մնագրեիվրիհին. և ասեզարդ

անկայրիմջերկրի
որոջձեղուներևոջտ
երև. և ոջարմատ: Վրծիւմե
նատեալբրիվրնորա. որոջգլոս
խոնեք. և ոջթև. և ոջոտք:
Հարցունքեղէնարծիւնայնև
ասեն. որնատեալբաթանդ. որ
ոջձեղունի. և ոջտերև. և ոջա
. ԳԳ.

*Стояло дерево посреди земли
Без ветвей, без листьев, без корней.
Орел сидел на нем
без головы, без крыльев, без ног.*

*Они спросили:
«Кто ты, сидящий на дереве этом,
без ветвей, без листьев, без корней?»*

*Мерзкий орел отвечал:
«Я сижу на голове человека.
Я ем его плоть, высасываю его кости,
уменьшаю свет в его глазах».*

*Услышав это, ангелы и архангелы
сказали:
«Мы связываем тебя 365 ангелами,
что во глубине Солнца,
кого не знают ни ангелы, ни архангелы,
а лишь Отец».*

*И еще мы связываем тебя 365 ангелами,
что во глубинах морских,
кого не знают ни ангелы, ни архангелы,
а лишь Отец».*

*И еще сказали они:
«Мы связываем тебя
арфой Давида,
кольцом Соломона,
скрижалями Моисея,
плащом Аарона,
плащаницей Христа,
сладким молоком Пресвятой Девы,
четырьмя гвоздями Христа,
которые были омыты кровью Господа».*

*Я связываю⁴ тебя узами Петра и Павла,
Преображением Христа на горе Фаворской
и трижды пресвятым светом,
которым сияет бессмертный лик Христа.*

*Ты не сможешь расти и зачинать,
становиться сильней и тверже.
Но высохнешь, исчезнешь
и превратишься в ничто
по слову Господа нашего Иисуса Христа».*

*Я прочел эти слова,
Иисус Христос – исцеление.
Аминь...*

Третий вариант мы находим в свитке-талисмানে, примерно восьми сантиметров в ширину и четырех метров в длину, «на толстой, весьма старой бумаге», плотно свернутом, чтобы владелец мог носить его на себе. Он был приобретен американским арменистом начала XX века Джейн Вингейт, по просьбе профессора Фредерика Маклера, у профессора Анатолийского колледжа в Марсоване В.Агопяна в 1913 году. Вингейт отмечает, что через несколько лет профессор Агопян мученически погиб в марше смерти⁵ во время геноцида армян. Вингейт не опубликовала армянский текст, приводим перевод⁶.

⁴ *Форма 1 л. ед. ч. карет, скорее всего, представляет собой типографскую опечатку вместо формы мн. ч. каретк'.*

⁵ *Нельзя забывать, что эти тексты принадлежат к народной культуре, живая память о которой почти полностью исчезла с лица Земли. Поскольку я обсуждаю здесь современные методологические и культурологические построения применительно к армянской культуре, надо напомнить, как погиб профессор Агопян и около полутора миллионов других армян. В 1915 году, воспользовавшись войной, националистическое правительство Османской империи выполнило свой план по уничтожению армян. Армянское мирное население центральной и западной Анатолии уничтожали, заставляя проделать долгий путь в Сирийскую пустыню, без крова, медицинской помощи и защиты от бандитов. Тех, кто не погиб по дороге и не утонул в реках, бросали на смерть в пустынных землях района Дейр эз-Зор либо сгоняли в пещеры и сжигали заживо. Молодых мужчин в основном забирали в османскую армию и либо доводили до смерти рабским трудом, либо просто убивали тупыми орудиями. На черноморском побережье армян сгоняли на баржи, буксировали в море и торпедировали. На востоке, где была какая-то возможность бежать в российскую Армению или искать защиты у христианской царской армии, предпринима-*

Заклинание против дьявола

Стояло дерево на земле без ветвей, без листьев и без корней.

И на нем сидел орел без голов и без ног.

Спросили орла:

«Почему ты сидишь на дереве без ветвей, без листьев, без корней?»

Мерзкий орел отвечал:

*«Я сижу на голове человека, жру его плоть,
высасываю его мозг, лишаю света его глаза».*

Ангелы и архангелы, услышав его, сказали:

*«Сатана, мы связываем тебя тремястами
и шестьюдесятью пятью Святыми, что в сердце земли,
кого ни ангелы, ни архангелы не знают,
а лишь Отец.*

*И еще мы связываем тебя тремястами
и шестьюдесятью пятью Святыми, что во глубинах морских,
кого ни ангелы, ни архангелы не знают,
а лишь Отец».*

И еще сказали они:

*«Мы связываем тебя арфой Давида,
кольцом Соломона,
скрижалями Моисея
плащом Аарона,
плащаницей Христа*

лись более поспешные и радикальные меры для уничтожения армянского народа. Население сгоняли в сараи и жигали. На помощь Турции пришли ее германские союзники: солдат по имени Хесс, которому тогда было шестнадцать лет, очевидно, напомнил, чему его учили в юности, когда спустя поколение служил комендантом нацистского концлагеря в Освенциме / Аушвице. Рафаэль Лемкин ввел термин «геноцид» применительно к тому, что происходило с евреями во время Второй мировой войны, и к тому, что случилось с армянами во время Первой мировой.

⁶ Wingate J.S. *The Scroll of Cyprian: An Armenian Family Amulet // Folklore. Vol.41. №2 (30 June 1930). P.169–187.* – И Маклер, и Вингейт были пионерами в изучении средневековой армянской народной литературы, устного героического эпоса (в Национальной ассоциации армянских исследований, в Белмонте, Массачусетс, хранится неопубликованный машинописный текст сделанного Вингейт перевода Сасунского эпоса), фольклора, народной религии, магии. Мои статьи о магическом тексте *Vets' hazareak* («Книга шести тысяч»), о *t'ukh tapuk* («Черном юноше») в перечислениях Крестов в хмахлах и на другие сходные темы многим обязаны этим великим ученым прошлого (см.: Russell J.R. *Armenian and Iranian Studies* (далее – AIS) // *Harvard Armenian Texts and Studies* 9. Cambridge, MA, 2004).

*сладким молоком Пресвятой Девы,
четырьмя гвоздями Христа,
которые были омыты кровью Господа.
Мы связываем тебя узами Петра и Павла,
Преображением Христа на горе Фаворской;
трижды пресвятым светом, которым сияет
бессмертная глава Христа.
Ты не сможешь ни расти,
ни совершать злых деяний,
но увянешь;
ты ничто и обратишься в ничто.
От всякого, на ком или в чьем доме будет это заклинание,
ты будешь держаться за сорок домов
и не приблизишься к служанке Бога, Елизавете,
ни к ее сыновьям, ни к ее дочерям.
С молитвой и заступничеством всех Святых,
аминь.
Да будет так, да будут так».*

Более пространный вариант заклинания, написанный на лучшем классическом армянском, нежели язык *Urbat'agirk'*, был опубликован, с постраничным французским переводом, Фейдитом. Там содержится миниатюра, на которой изображен ангел напротив бескрылой птицы, сидящей на дереве без ветвей: художник храбро попытался изобразить эти загадочные творения, и его усилия, несомненно, заслуживают своего места в истории искусства как попытка буквального изображения отрицательных способностей⁷.

*Молитва – пятничная книга
(Aghot'k' or e urbat'u girk')*

Дерево стояло посреди земли, без ветвей, без листьев, без корней. Орел сидел на его вершине, без головы, без крыльев, без ног. Ангелы и архангелы спросили его: «О мерзкий, кто ты? О мерзкий, почему у тебя нет ни головы, ни крыльев, ни ног и ты сидишь на дереве без ветвей, без листьев, без корней?» Орел отвечал: «Я – мать всех зол, я сижу на головах людей, ем их плоть, высасываю их кости, лишаю света их глаза». Ангелы и архангелы услышали это и сказали: «О мерзкий, мы связываем тебя 365 святыми, что в глубинах моря, кого ни ангелы не знают, ни люди, а лишь Отец Всевышний. Мы связываем тебя 365 святыми, что в сердце

⁷ Feydit Fr. *Amulettes de l'Arménie Chrétienne*, Venice: S.Lazzaro, 1986. Text CXXVII. P.340–345. Сам рисунок (№89), из французской Национальной библиотеки (*Bibliothèque Nationale*, MS. 102), приведен на с.13 в тексте Фейдита (см. илл. на стр.165).

*Солнца, кого ни ангелы не знают, ни люди, а лишь Бог-Отец. Мы связываем тебя именем несотворенного и бессмертного, четырехликим престолом Бога пылающего. Мы связываем тебя серафимами и херувимами, властью и силой. Мы связываем тебя арфой Давида, кольцом Соломона, [каменными] скрижалями [и жезлом] Моисея, плащом Аарона, плащаницей Господа нашего Иисуса Христа и сладким молоком матери Господа нашего, Пресвятой Девы Марии. Мы связываем всех вас, мерзкие демоны и несчастья, 24 пророками, 12 апостолами, 72 учениками, 150 патриархами, четырьмя гвоздями Спасителя нашего, которые были омыты кровью Господа, и словами, которые произнес Он на Кресте: **Эли, Эли, лама савахтани**. Мы связываем вас узми Петра и Павла и Преображением Христа на горе Фаворской. Я связываю вас трижды пресвятым светом, которым сияет бессмертный лик Христа. Вы связаны и больше не сможете расти, становиться сильнее и тверже, но иссохнете и обратитесь в ничто по слову Господа нашего Иисуса Христа. Я читаю это заклинание, и да будет Господь наш Иисус Христос лекарством и исцелением. Я связываю вас славой Адама и красотой рая. Я связываю вас орудием жизни, Крестом Христовым. Я связываю вас, 365 мерзких и опасных несчастий, которые больше не появятся...»*

Второй, третий и четвертый варианты заклинания, по сути, одинаковы, хотя текст, опубликованный Фейдитом, самый длинный и написан на самом чистом классическом армянском. Орел здесь называет себя матерью всех зол (*mayrn amenayn ch'areats'*)⁸. Вспоминается другой текст о сирене (арм. *yushkaparik*, иранское заимствование), давший начало всем христианским ересям⁹. Однако именно первый текст, приводимый Хацуня, который значительно отличается, поскольку принадлежит к другой ветви текстуальной традиции, гораздо ближе к древнему прототипу, чем последние два, сильно измененные в результате последующих упрощений, сделанных копиистами.

⁸ Таким образом можно предположить, что орел, как и ведьма *Al*, женского рода, если только выражение «мать» не является лишь армянской формой общеближневосточного выражения превосходной степени. В иранских заклинаниях против ведьмы, похищающей детей, *Al* называется *mādar-e āl*, «мать *Al*». Надо также отметить, что в некоторых армянских повествованиях *Al* кормит своих детей человеческими внутренностями; в русских текстах о Соловье-разбойнике у него тоже есть потомство. Русский соловей – мужского рода, что подтверждает и патроним персонажа (Одихмантьев сын), так что, даже если существо изначально было женского рода и претерпело изменение пола при русификации, оно тем не менее является отцом.

⁹ См.: Russell J.R. *The Mother of All Heresies: A late mediaeval Armenian text on the yushkaparik* // *REArm* 24 (1993). P.273–293; repr. *AIS*. P.509–523.

В тексте Хацуни у дерева, на котором орел (не именуемый здесь ни *pights*, «мерзким», ни сатаной) сидит в центре мира (*tiezerk'*), а не просто земли (*erkir*), нет дна (*tak*), а не просто корней (*armat*). Находящийся в таком космическом положении орел вызывает у ангелов скорее трепет, чем презрение. Твари *слышат* его, и ангелы велят ему отправиться туда, где (иной) *птичий голос* не слышен. Таким образом, похоже, что его сила связана с голосом: этот мотив совершенно отсутствует в других текстах. В последних орел просто изгоняется, а здесь он призван сражаться с драконом или змеем (арм. *vishap*), но не с человеком. Очевид-

но, он должен делать это с помощью своего голоса, ибо другие птицы не поют там, где живет дракон.

Птица в тексте Хацуни представляется мифологическим существом, имеющим индийские аналоги, которая была, как мы видели, постепенно демонизирована, отражаясь в армянских христианских народных верованиях и ритуалах. Индийское мифическое существо – Гаруда, царь птиц, на котором ездит Вишну, – живет в небесах и сверкает как бог огня Агни; когда бог грома Индра ударяет Гаруду своей молнией (*ваджра*), из него в атмосферу выпадает одно перо, после чего он получает эпитет Супарна, «прекрасноперый». Можно вспомнить также иранского Сенмурва или Симурга (изначально – царь птиц), который помогает герою в момент необходимости, а в исламский период приобретает магические коннотации – ср. с армянским развитием сюжета. По дороге в обитель богов, Девалоку, Гаруда отдыхает на фиговом дереве, называемом Субхадра. И, что самое важное, он ест змеев-нагов: сцена, в которой Гаруда стоит над распростертым телом поверженного нага или несет его на спине, по сей день является одним из стандартных иконографических изображений в индуистском и буддийском искусстве Индии, Тибета и Юго-восточной Азии. У Гаруды человеческий торс и птичья голова¹⁰.

Победа Гаруды над нагами (Тибетское изображение на дереве)

¹⁰ См.: Vettam Mani. *Puranic Encyclopaedia*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1984, s.v.; Olschak B.C. and Geshe Thupten Wangyal. *Mystic Art of Ancient Tibet*. Boston: Shambhala, 1987. P.158–159 and figs. 184–186. – Я признателен за обе эти ссылки тибетологу Деннису Корделлу.

Монгольское шаманское заклинание Гаруды

Теперь обратимся к тексту, в котором Гаруда назван по имени и который структурно и тематически связан с рассмотренным выше армянским заклинанием. Это записанное в 1944 г. заклинание монгольской женщины-шамана (*ekener buge*), Тунгчингарбу¹¹. Субстрат текста, особенно его заключительной части, где речь идет о потусторонней земле шаманов и упоминается Гаруда, относится к добуддийской монгольской шаманской традиции; там также фигурируют обращения к буддам и перечисляются монастыри тибетского буддизма, который становится в Средние века монгольской государственной религией. Молитва начинается с призыва к раю Сукхавати, Будде Самваре и Манджушри. С приношениями и воскурением фимиама шаманка продолжает очищать мир от демонов и эпидемий. Она призывает Хана Хормузту Тенгри, т.е. Господа (*хан*, предположительно, перевод согдийской формы персидского *khoda*) Бога (*тенгри*, снова перевод согдийского эквивалента древнеиранского *baga* или *yazata*). Зороастрийский Ахурамазда – заимствование из добуддийского периода¹². Заключительную часть молитвы стоит привести целиком¹³.

*Наша земля шаманов,
четырёх групп шаманов,
недостижимая для человека
обитель смерти, наша страна.
На севере Кел Кекю,
в низине к западу от Кюнджи йамен
живут пустынные духи-стражники.
Очень высокая гора
и перед ней растут
восемьдесят тысяч в форме ветвей,
сорок тысяч в форме листьев,
сорок тысяч в форме корней,
Онгот¹⁴ каждого листа
единого древа.*

¹¹ Heissig W. *A Contribution to the Knowledge of Eastmongolian Folkpoetry // Folklore Studies. Vol.9 (1950). P.153–178.*

¹² *Ibid. P.174. Line 83.*

¹³ *Ibid. P.175. Lines 117–138 (end).*

¹⁴ Этим словом обозначаются духи, металлические изображения которых прикреплялись к одежаниям шаманов.

*Вокруг его ствола обвит ядовитый змей.
На верхушке его поет Гаруди, царь птиц.
[О] Боги девяти путей,
верхом на девяти белых лошадях,
со стальными кнутовищами,
в сопровождении свирепых тигров.
Прочь все, кто вошел снаружи,
враги и несчастья!*

Эта часть монгольской молитвы обнаруживает удивительное сходство с рассмотренным выше армянским заклинанием: шаманка исполняет ритуал, который должен освободить ее клиента от недугов и болезней, вызванных демоническими силами. Для выполнения этой задачи она взывает к силе самих Будд и к огромному множеству буддистских или дубуддийских монгольских священных мест и существ (ср. армянские заклинания, которые обращены к Христу, Пресвятой Деве, апостолам, нескольным собраниям по 365 святых, а также различным сакральным объектам, таким как гвозди Креста и плащаница Христа). Согласно тексту из *Urbat'agirk'*, исцелитель должен во время ритуала держать в руках настоящие гвозди: подобным образом шаман во время своего ритуала использует различные предметы для драматического изображения сверхъестественных существ и предметов, которые описываются в его песне. Поскольку клиент волшебника верит, в первую очередь, в сверхъестественное происхождение болезни, то психологическое укрепление способствует исцелению, ибо он убеждается, что арсенал исцелителя велик и могуч.

Шаманские песни северной Азии обычно также содержат рассказ о путешествии шамана в иной мир: эта часть текста сходна с жанром героического повествования, так как шаман должен покрыть огромные расстояния, и зачастую со сверхъестественной скоростью, преодолевая при этом страшные препятствия, чтобы достигнуть того, что он ищет. Это либо могущественное сверхъестественное существо, которое поможет ему, либо тот, кто держит в рабстве душу пациента и должен быть побежден силой или хитростью. Хотя эти задачи выполняет сам шаман, зачастую у него есть (ср. с говорящим конем или разящим, подобно молнии, мечом героя и т.п.) важные помощники в мире духов. Для монгольской шаманки это *онготы*, *тенгри* и вооруженные божественные всадники-стражи; армянскому целителю-христианину помогает группа ангелов и архангелов. Их число весьма значительно: шаманка упоминает девять всадников, а в потусторонних мирах сибирского и монголь-

ского шаманизма количество уровней зачастую кратно трем – 9 или 27. 365 армянских святых, «известных лишь Отцу», соотносятся с количеством членов тела и, конечно, дней в году. Если отнять от них 5 дней, вставленных для согласования календаря, то мы получим 360, красивое и круглое число градусов в окружности, дней в двенадцатиричном году, а также окон вокруг зороастрийской мировой горы Тераг.

Если попытаться на основе приведенных выше несовершенных вариантов восстановить оригинальный армянский текст, мы обнаружим, что эти таинственные святые населяли три мира, каждый из которых аккуратно разделен на три вертикальных уровня: солнце, земля, вода. Эта космическая симметрия крайне важна, поскольку для достижения эффекта магические ритуалы должны выполняться очень четко; при этом предполагается, что миры и существа, на которые они воздействуют, функционируют по понятным правилам. Лучший способ изобразить космос, организованный определенными правилами, – это математическая симметрия. Римских магов называли *mathematici*; однако различие между магико-религиозной и научной точками зрения состоит в том, что первая приписывает вселенной предвзятый и отчасти произвольный «разумный замысел», а вторая пытается посредством многочисленных наблюдений и экспериментов открыть правила и модели, которые, возможно, существуют.

В конце песни шаманка появляется в стране мертвых, особый путь к которой известен шаманам. В ее центре находится невообразимо огромное дерево, на котором сидит Гаруда и *поет*, а снизу дерево обвиняет *ядовитый змей*. Гаруда, очевидно, опасное существо, однако священное, и шаманка может разговаривать с ним, чтобы исполнить свою целительскую миссию. Он живет в царстве смерти, но может убить ядовитого змея, который, по всей видимости, олицетворяет смертельную болезнь. Его песнопение не описано в заклинании, но можно предположить, что оно способствует либо добрым, либо злым силам. Важно отметить, что пение – это единственная упомянутая в тексте черта Гаруды. Повествование шаманки, по всей видимости, представляет собой переработанное на почве монгольского шаманизма индоиранское заклинание, где могущественной птице, сидящей на космическом древе в ином мире, надлежит убить дракона или змея, который олицетворяет болезнь. Как мы видели, монголы контактировали не только с буддистами, но и с зороастрийцами, так что самая ранняя форма такого заклинания могла происходить из региона, где процветали как буддизм Ваджраяны, так и религия Ахурамазды. Расположенная в Средней Азии

восточно-иранская область Согд¹⁵, чей алфавит, при возможном посредничестве уйгурского, стал основой классического монгольского, представляется наиболее подходящим кандидатом, принимая во внимание пристрастие согдийцев к далеким торговым путешествиям. А в согдийских буддийских текстах, родственных традиции ваджраяны, мы находим большое количество заклинаний.

У согдийцев, живших на периферии иранского мира, было множество религий и, соответственно, богатая художественная культура, абсолютно не тронутая иконоборчеством их соседей Сасанидов. В отличие от Сасанидов (и это вновь роднит согдийцев с армянами), распределение власти у них зависело, в основном, не от централизованного государства, а от знатных родов. Неудивительно, что Согдия и Армения, хоть и отделенные друг от друга тысячами миль и глубокими различиями в культурном окружении, тем не менее имеют много параллелей, как, например, это заклинание, если, конечно, у рассмотренного выше монгольского текста был согдийский прототип, вдохновивший его или даже лежащий в его основе. В Армению такое заклинание могло прийти, конечно, не только непосредственно из Согдии, но также из парфянского Ирана в аршакидский период. Строгий догматизм христианской веры должен был изменить текст – и переосмыслить роль Гаруды – в значительно большей степени, нежели буддистская культура, в рамках которой жили монгольские шаманы. И эти изменения, которые мы наблюдали, вполне согласуются с общими моделями трансформации мифологических типов в христианской Армении.

Как могло выглядеть это существо в парфянском заклинании? Зооастрийские верования полны всевозможных птиц: *каришитар*, «чернокрылый», т.е. ворон, переносит вести из нашего мира в потусторонний; в армянском героическом эпосе мы находим говорящего ворона (*agrraw*), который сопровождает «Митру Младшего» (*P'ok'r Mher*) к пещере у Скалы Ворона (*Agrrawuts' k'ar*), на берегу озера Ван, где тот

¹⁵ Согд, Согдиана, Согдия происходит от слова, обозначающего сожженный (ср. перс. *sokhta*), т.е. очищенный, святой. Главными городами страны были Самарканд и Бухара, а язык, близкий к бактрийскому, сохранился сегодня лишь среди немногих носителей языка, носящего имя «Ледяной реки» – солнечного и тенистого Ягноба. Хотя согдийцы никогда не были особенно многочисленны, в древности их можно было встретить повсюду: большое количество согдийских купцов обладало заметным влиянием в Китае в VI веке, а город Судак в Крыму изначально назывался Сугдайя – Согдийское поселение. Старое название Азовского моря, Сурож, также, по всей видимости, происходит от Согда.

обречен томиться в пожизненном заточении до Судного Дня. Это, очевидно, *Corax*, «ворон» начальных стадий римской религии митраизма, которая зародилась в армяно-иранском мире, в Анатолии. Хищник, именуемый на авестийском *vareghna-*, буквально «ударяющий баранов», мог послужить прототипом геральдической птицы армянского дома нахараров Мамиконянов; на рельефах в Цахац Каре, Гомере и Гегарде изображена похожая на орла птица *en face*, которая держит в когтях барана или овцу. Иногда форму птицы приобретает также авестийская *хварена* (заимствованная в армянский как *p'arr(k')*) – богоданная блестящая слава. Но упомянутый выше Сенмурв / Симвург представляется наиболее подходящим кандидатом на роль магической птицы в заклинании, принимая во внимание его давнюю известность в персидской литературе и магической традиции.

Существуют даже некоторые предположения о вторичной демонизации: армянский автор V века Езник Кохбаци пишет в своем «Опровержении сект», как главный демон Ахриман, желая показать, что он может творить, но лишь по злобе предпочел этого не делать, сотворил павлина. По-армянски эта птица называется *siramarg*, альтернативная форма слова *Симвург*: из-за якобы суетной красоты хвоста у самца павлина, в сочетании с его уродливыми ногами (Сатана может быть очень красив, но его выдают уродливые ноги), в христианских верованиях эта птица ассоциируется со злом. А для курдов-езидов, проживающих в Армении и сопредельных странах, *Malak Ta'us*, ангел-павлин, представляет собой ипостась Сатаны, несмотря на покаянный характер их мифологии. В иранском эпосе Рустам, персонаж, впоследствии наделенный мистическими чертами, близко связан с Симвургом, а другие магические типы включают авестийского героя *Thraetaona* (среднеиранский Фредон, персидский Феридун, арм. Хруден, последнее имя принимает эллинизированную форму Родан в «Вавилонской повести» Ямвлиха) и первого человека, Гайомарда. Использование в армянском заклинании значимого термина *вишан* означает, что мы имеем дело не просто с какой-то змеей, но с действительно опасным и могущественным змеем, сходным с санскритскими нагами. Возможно, в парфянском прототипе действовал герой, подобный Фредону, пытавшийся добиться путем заклинаний магической помощи Сенмурва против дракона или иного чудовища.

В армянском христианском тексте трудно представить подобную мистическую птицу из языческого прошлого, нейтральную в моральном отношении и могущественную, которая описывается в хвалебном ключе

и изображается сидящей на волшебном дереве, украшенном тысячами духов-помощников и так далее. Христианский дуализм не приемлет нейтральных моральных оценок: если ангел заклиняет какое-то существо, то оно должно быть демоном, в противном случае вмешательство ангела излишне. Так что насест орла в последующих версиях заклинания переносится, как я уже отмечал, из центра вселенной в не столь возвышенное место в центре земли. Сначала в центре вселенной он поражает воображение ангелов; позднее на земле они именуют его «мерзким» и «Сатаной». Чтобы описать его сверхъестественные качества, не наделяя при этом очарованием, автор прибегает, и весьма искусно, к своего рода апофатическим определениям – детальному описанию того, чем *не* являются и чего *не* имеют орел и дерево. У армянской птицы нет крыльев, головы или ног, у дерева – ветвей, листьев или корней. Очевидно, что, поступая таким образом, автор прибегает к языку и жанру загадки: у какого дерева нет ни ветвей, ни листьев, ни корней? У фаллоса, полагаю, ответил бы доктор Фрейд. У какой птицы нет ни крыльев, ни головы, ни ног, но она при этом поет? Ответ на эту загадку тот же, но проще. В «Декамероне» Боккаччо этот бескрылый *uccello* – соловей, разговорный эвфемизм для пениса: девушка говорит родителям, что хочет спать на балконе, дабы слышать пение соловья. Это пение – ночные лобзания с ее возлюбленным: когда ее родители однажды утром обнаруживают юных любовников спящими вместе, они велят им пожениться, и с тех пор соловей поет все время. Подобные ответы на предполагаемые загадки, возможно, имеют некоторое отношение к нашему сюжету, поскольку в античности демоны зачастую связаны с фаллосом, а для христиан сексуальность всегда в какой-то мере имеет отношение к дьяволу. Но в нашей дискуссии это не обязательно, поскольку мы утверждаем лишь, что христианин, который придал заклинанию новую форму, использовал апофатическую риторическую стратегию и готовые формулировки жанра загадки.

Но забавное отступление к Боккаччо может быть полезно в ином аспекте: если речь заходит о птице, которая больше всего известна своей песней – особенно, если эта песня имеет некоторое эмоциональное воздействие, – то традиция, опыт и воображение обращаются, прежде всего, к соловью. В армянском эта птица известна как *sokhak* – Хюбшман убедительно производит это слово от гипотетической северо-западной среднеиранской формы – среднемидийской или парфянской – с основой

sah-, «говорить»: «говорящая (птица)»¹⁶. В персидском это слово не сохранилось: по видимости, звукоподражательное арабское заимствование *bulbul* давно заменило автохтонный термин, обозначавший соловья. Отчасти эластичность нового слова объясняется приятной аллитерацией *gol o bolbol*, «роза и соловей», стандартная тема персидской лирики. *Gol*, «роза», происходит от *vard*, иранского заимствования для «розы», сохранившегося в армянском, где, однако, при описании лирического сочетания птицы и розы чаще используется заимствование *bulbul*, нежели *sokhak*, даже когда во фразе отсутствует аллитерация. Соловья определяет именно голос, а не какая-нибудь иная черта. Греч. *khelidyn*, «соловей», происходит от протоиндоевропейской основы **ghel-*, «звать», от которой, очевидно, происходит также герм. *nahti-gala* (букв. – «ночной певец»). Греки могли также расслышать имя соловья в слове **klewédón*, «звать», восходящем к другому протоиндоевропейскому корню, **k^hleu-/k^hlú-*, «слышать», от которого происходит греч. *kleos*, «слава», а также санскр. *shravas-* и рус. *слава*¹⁷.

Последние термины чрезвычайно важны в нашем исследовании из-за своего культурного резонанса и особого значения для жанра эпической поэзии, к которому также отчасти относятся наши заклинания. Хорошо известно, что и греческий, находящийся на западе древней индоевропейской семьи, и санскрит, близкий к ее восточной границе, сохранили в своих традициях героической поэзии одно и то же выражение, от той же глагольной основы, «бессмертная слава» (*kleos aphthiton*): ее жалуют певцы и получают герои. В произведениях того же жанра и олимпийские, и ведические божества пьют один и тот же напиток, «отталкивающий смерть», под названием *durosha* на санскрите и *нектар* или

¹⁶ Периханян А.Г. *Материалы к этимологическому словарю древнеиранского языка*. Ч.1. Ереван: Издательство НАН Республики Армения, 1993. С.85. – Здесь приводится гипотетическая форма **sakhva-vaka-* > *sokhak*, говорящий слово; отметим греческое выражение с тем же значением *eros eipein*, ср. также согд. *zandvach* (*mergha*), соловей, букв. рассказывающий, тур. *l-w sanduwach*, новонепс. *zandwaf*, *zandkhvan*.

¹⁷ Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern; München, 1959. P.428, 605–606. – В армянском базовое **k^hleu-* реализуется как *lu-*, аорист от *lset*, «слышать», включающий расширение **-sko-*. Арм. *lur*, эквивалент греч. *kleos*, возможно, когда-то имело сходное с последним поэтическое значение, однако вышеупомянутый иранский термин для обозначения славы, *khvarenah-*, имеющий неясную этимологию и, возможно, связанный с *khvar-*, солнце (ср. санскрит *siyua-*, и т.д.), давно заменил его. В греческом после христианизации слово *kleos* было заменено на *doxa*; и арм. *p'arrk'* механически переводит последнее.

амброзия по-гречески. Филологи, опираясь на это и подобные сочетания, пришли к выводу о существовании общей основы индоевропейских способов поэтического выражения главных тем (в первую очередь, мотив поисков дракона, которого герой должен убить), возникшей раньше широкого географического распространения различных носителей самых ранних индоевропейских наречий. В нашем досье соловей появляется как индоевропейская говорящая / поющая птица *par excellence*. В этом отношении он хороший кандидат для того, чтобы заместить в отдаленных от древнего источниках более мускулистого мифического орла, в тех случаях, когда речь в повествовании идет, в первую очередь, не о когтях или крыльях, а о мощном голосе. И это приводит к нашему следующему тексту, который, как мы увидим, связан, *mutatis mutandis*, с армянским заклинанием.

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Существует большое число героических русских баллад, которые называются *старины* или *старинки* – песни о старых временах. Я буду употреблять для них термин, широко принятый сегодня в научном мире, – *былины*. Это, однако, искусственный, анахронический и неточный термин, использование которого применительно к балладам началось лишь в 1830-х годах. Он был взят из выражения «былины (т.е. реальности. – Д.Р.) нашего времени», из «Слова о полку Игореве», о котором мы здесь поговорим подробно. Старейшая былина относится к 1619–1620 годам, а их систематические сборники датируются XVIII столетием. Былины важны для изучения не только фольклора, но и современной русской литературы, которая фактически началась с Александра Пушкина. Поэт был очарован русским фольклором и написал ряд баллад и повестей, основанных на фольклорных сюжетах. Он читал и ценил опубликованный в 1804 году сборник, составленный казаком Киршей Даниловым¹⁸. М.Соколов отмечал, что сюжет об Илье Муромце и Соло-

¹⁸ Sokolov M. *Russian Folklore*. N.Y.: Macmillan, 1950. P.291–293; Былины / Вступит. ст., подг. текста и примеч. Б.Н.Путилова. Л.: Советский писатель, 1957 (Библиотека поэта. Большая серия) (далее – Путилов). Введение. – Эдуард Кинан (Keenan E.L. Josef Dombrovsky and the Origins of the Igor' Tale. Harvard Series in Ukrainian Studies. Cambridge, MA, 2003. P.159, n.74) отмечает, что единственное иное значение, в котором появляется слово «былина» в славянских источниках, – «степная трава». В «Слове о Полку Игореве» это слово появляется в самом начале, во второй фразе: «Начати же ся тѣи псни по

вье-разбойнике – наиболее часто встречающийся в ранних рукописях прозаический рассказ, который засвидетельствован и в форме былины¹⁹.

Существует несколько вариантов рассказа об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, но для наших целей имеет смысл составить единую версию, особенности которой мы и будем анализировать²⁰.

Илья Иванович родился в Муромской деревне Карачаево / Карачаров или Лаптево. Он мечтает о чалой лошади, и отец покупает ему ее, откуда можно заключить, что он предвидит свою будущую карьеру странствующего богатыря. Но в первые тридцать лет своей жизни он парализован и лежит больной на печи.

Затем появляются два странника и в благодарность за гостеприимство его родителей дают их сыну напиток, который позволяет ему не только встать и пойти, но и дает невероятную физическую силу – настолько огромную, что ему сложно остаться в родной деревне без риска случайно навредить окружающим. Его именуют обычным эпитетом *молодец*, но также всегда называют *старым казаком*. Он начинает свою богатырскую карьеру поздно, после тяжелой болезни, но богатырской этикой овладевает очень быстро: когда ему предлагают на выбор здоровье или силу и статус богатыря, он с презрением отвергает первое, выбирает второе и немедленно отправляется совершать подходящий подвиг²¹. Однажды он решает отправиться прямой дорогой в княжескую

былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню!»

¹⁹ Sokolov M. Op. cit. P.292.

²⁰ Для этой цели я использую указанное выше издание Путилова, а также прозаические версии, изложенные в кн.: *Илья Муромец / Подг. текстов, вступит. ст. и коммент. А.М.Астаховой. М.; Л.: Академия Наук СССР 1958 (Литературные памятники). С.355–376. №60– 64.*

²¹ Для обозначения героического деяния в русском языке обычно используется слово «подвиг». Совершение подвига (и рассказ об этом) – путь к достижению славы. Владимир Набоков часто думал и писал о том, что один из способов совершить подвиг – это вернуться в Россию при советском режиме. Первое четверостишие его стихотворения «Расстрел» (Берлин, 1927) звучит так: «Бывают ночи: только лягу, / в Россию поплывет кровать; / и вот ведут меня к оврагу, / ведут к оврагу убивать» (Набоков В.В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002 (Новая библиотека поэта). С.186). Стихотворение было настолько важно для автора, что, когда критик Эдмунд Уилсон попросил Набокова вырезать какие-нибудь свои строки на окне гостевой спальни его дома, тот выбрал первые две строки этого стихотворения. Кроме того, Набоков написал роман «Подвиг» о юном эмигранте, который возвращается в Россию из Берлина и пропадает.

столицу Киев, чтобы служить Владимиру Всеславичу. Вся дорога должна занять время от заутрени до вечерни, а поскольку, в некоторых вариантах истории, день пасхальный, то Илья старается не ввязаться в «бой-драку-кровопролитие».

Однако в Чернигове (так в большинстве вариантов, иногда речь идет о граде Сибеже или Кинешме) он встречает «силушку поганую», которая во главе с тремя татарскими мурзами осаждает город. Он «нарушает заповедь великую» и сражается. Илья побеждает, и благодарные горожане упрашивают его остаться у них воеводой, но он отказывается: *«Не дай, Господи, делать с барина холопа, / С барина холопа, с холопа дворянина, / Дворянина с холопа, из попа палача, / А также из богатыря воеводу»*²².

Илья просит указать ему дорогу и выясняет, что прямой путь на Киев ведет через Брянские леса, речку Смородину, Калинов мост и «грязи черные». Однако ни птица, ни человек, ни зверь вот уже тридцать лет не пользуются этой дорогой, поскольку там на двух дубах (это число меняется в разных вариантах, но в любом случае подразумеваются огромные размеры Соловья) сидит «Соловей-разбойник, (О)дихмантьев сын», и убивает своим свистом всех, кто пытается пройти через его заставу. Этот звук, как сообщается несколько раз, состоит из трех частей: *«Как засвищет соловей по-соловьиному, / Закричит, собака, по-звериному, / Зашипит, проклятый, по-змеиному»*²³. Интересно, что он убивает птиц, зверей и людей, а издаваемые им звуки подобны тем, которые производят птица, зверь и змей. Я склонен полагать, что мы находим здесь весьма показательные остатки субстратного повествования, где речь идет о птице-человекоубийце, которую заставляют убивать не людей, а змеев.

Для английского перевода этой книги Набоков предпочел название «Glory»; во второй части данного очерка, анализируя его работу над стихотворением, действительно озаглавленным «Слава», мы увидим, как существенна была для него эта тема.

²² В.Я.Пропп интерпретирует эти строки как отказ Ильи изменить свою классовую принадлежность (Пропп В.Я. *Русский героический эпос. Изд. 2-е, испр. М.: Гослитиздат [Ленингр. Отд-ние], 1958. С.249*). Можно отметить также, что герой «Бхагават Гиты» Арджуна отказывается сражаться не только потому, что в этом случае он будет вынужден убить своих родственников, но и потому, что война приведет к смешению каст и разрушению общества.

²³ Путилов. С.77.

Илья двигается дальше. Конь Ильи пугается свиста Соловья, но Илья подбадривает коня, сражается с врагом и побеждает, пустив ему стрелу в правый висок. Раненый Соловей молит о пощаде, и Илья сохраняет ему жизнь. Пропп отмечает, что в некоторых прозаических вариантах сказки Илья в этот момент спрашивает Соловья о его сокровищах, в былинах же подобный мотив не встречается ни разу. Илья помещает своего пленника в мешок для птиц, связывает его «ручки белые» и привязывает к правому стремени. Здесь снова мы видим некоторую путаницу: Илья опять нарушил свой обет, и можно было бы ожидать, что он убьет своего врага, пустив ему стрелу в голову, но этого не происходит. Поэтому, возможно, в оригинальной версии Илья побеждает Соловья заклинанием или молитвой.

Илья отправляется в деревню Кутузово, где живут двенадцать (или девять) сыновей Соловья. Они предлагают Илье поесть, но он отказывается, предлагают выкупить отца, но Илья отвергает их золото. Увидев, что тот не отпустит их отца из плена, они не стали сражаться с ним.

Таким образом, он вовремя, к вечерне, прибывает в Киев, где придворные князя Владимира насмеются над рассказом о том, что Илья доехал до Киева за день. Не верят они и истории про Соловья. Князь Владимир велит Соловью засвистеть, но тот отвечает, что будет повиняться только Илье, своему господину. Илья отдает приказ, и Соловей свистит со всей силы, приведя в ужас Владимира и его окружение. Илья спрашивает Соловья, почему тот свистел не вполсилы, как было велено, а со всей силы, и тот отвечает, что боялся смерти. Илья отводит его на Куликово поле – место эпической битвы русских с монголами – и отрубает ему голову. Несчастный Соловей был покорен своему новому хозяину, и эта жестокая и грустная развязка представляется мне интерполяцией: по законам дракономахии дракон должен быть не просто побежден, а убит (ср. «Бармаглота» Л.Кэррла: *«Раз-два, раз-два! Горит трава, / Взы-взы – стриждает меч, / Ува! Ува! И голова / Барабардает с плеч!»*). В первоначальном варианте Соловью, очевидно, должны были найти достойное применение: своим невероятным свистом он мог убивать ядовитых змей. Но для старого доброго казака все закончилось хорошо: его господин дарует Муромцу почет и богатство.

Русский лубок с изображением Ильи Муромца и Соловья Разбойника²⁴

Хотя былину иллюстрировали неоднократно, тем не менее у нас нет реального описания облика Соловья-разбойника. С одной стороны, он очень велик, с другой – его можно засунуть в мешок для птиц (хотя и сам Илья вырастает до огромных размеров). Он – птица, но временами ведет себя и говорит как человек. На упомянутом лубке он изображен в виде человека-птицы человеческого роста: этот образ вызывает в памяти орла и сирену. Путилов пишет в комментарии на это повествование: «Героический характер былины, как и наличие в ней социальных мотивов (столкновение мужика Ильи с князем и боярами) вполне ясны. Трудность заключается в том, чтобы понять смысл подвига, совершенного Ильей. В этом плане основной интерес представляет образ Соловья-разбойника. Образ этот противоречив и во многом загадочен.

²⁴ Путилов на вклейке к с.80 воспроизводит лубок XIX века. См. также иллюстрации В.М.Конашевича (1940) и Николая Константиновича Рериха (1910), позднее прославившегося своими картинами с изображениями Гималаев, Тибета и Монголии, а также своими йоговскими учениями, в кн.: *Сказка в России*. СПб.: Государственный Русский Музей, 2001. С.134. Рис.149; С.162. Рис.156.

Внешний облик Соловья в вариантах былины не раскрывается; в нем есть черты чудовища и черты вполне человеческие. Очевидно, в истории эпоса этот образ является переходным от врагов-чудовищ, принадлежащих иному миру, к историческим врагам Киевского государства. Не вполне ясен характер действий Соловья. Он – не насильник (...) и не захватчик (...)»²⁵. Можно попробовать разрешить противоречие, которое чувствуется в последнем замечании, предположив, что эта история представляет собой магическую новеллу, корни которой следует искать в индоиранской мифологии, куда добавлен мотив военных приключений.

В.Я.Пропп также считает, что рассказ странным образом не вписывается в более ранние и более поздние типы, и рассматривает его как выродившуюся и, следовательно, позднюю форму фольклорного мотива героических поисков, включающих в себя битву с чудовищем, – тип, к которому принадлежит *Drachenkampf*, битва с драконом, – и продолжает: «В развитии эпоса настанет момент, когда героическая схватка с чудовищем уже не может полностью удовлетворить художественные запросы народа. Схватка с такого рода чудовищами начинает терять свой героический характер. Она начинает приобретать характер авантюрно-занимательный. Именно это наблюдается в былине о Соловье-разбойнике»²⁶. На тезис Проппа можно найти несколько возражений. Во-первых, не обязательно предполагать линейное вырождение мотива поисков. Возможно, что существующие мотивы поисков и битвы с чудовищем могли быть использованы в других, синхронных типах повествований. В ином контексте я писал о гностическом «Гимне жемчужины» – поэме, ставившей своей задачей проповедь манихейства и включавшей темы поисков и битвы с драконом, хотя содержащиеся в них героические и социальные ценности переворачиваются с целью опровергнуть конвенциональные ожидания аудитории. Гностический текст представляет собой сознательное смешение двух стилей и мировоззрений: с одной стороны – религиозный трактат или проповедь, с другой – антикосмические манихейские настроения; с одной стороны – устный эпос, с другой – жизнеутверждающий героический рассказ о подвигах²⁷. Мне кажется, что в случае рассказа об Илье Муромце и Соловье-разбойнике мы имеем дело с магическим повествованием, в котором с

²⁵ Путилов. С.452.

²⁶ Пропп В.Я. Указ. соч. С.243.

²⁷ Russell J.R. *The Epic of the Pearl* // REArm 28. 2002. Pp.29–100; repr. AIS. P.1261–1332.

самого начала присутствовали некоторые аспекты героического рассказа, но после усвоения русской фольклорной традицией эти героические черты стали более отчетливы, как это свойственно самим жанрам сказки и былины. Пропп говорит о процессе вырождения, хотя, очевидно, можно говорить о древности самого этого рассказа относительно других, в которых это предполагаемое вырождение еще не произошло.

Сравнение русского рассказа с армянским заклинанием и монгольским шаманским песнопением, обсуждавшимися выше, может оказаться весьма полезным. Визит двух странников в дом Ильи и его благословенное исцеление в знак благодарности за гостеприимство его родителей сразу вызывают в памяти визит трех странников в гостеприимное жилище праотца Авраама. Эти трое странников – ангелы, и в христианской экзегезе они служат прообразом Святой Троицы. Одна из самых знаменитых русских икон, ветхозаветная Троица Андрея Рублева, изображает их сидящими за столом. Отметим также, что в истории погони и поимки похищающей детей ведьмы Лилит, которая воспроизводится на талисманах против детской лихорадки в Византии, Армении, на Руси, в еврейской диаспоре и в других культурах, женского демона преследуют три вооруженных ангела. Путешествие Ильи происходит на Пасху: можно вспомнить, что рассматриваемое выше армянское заклинание представляет собой часть целительного ритуала, осуществляемого в пятницу (*urbat'*). Это несчастливый день, поскольку в день, который эвфемистически именуют «Великой» пятницей, был распят Христос, и в этот день потусторонние злые силы наименее сдержанны и поэтому требуют применения наиболее мощной магии²⁸. Пасхальный обет Ильи не сражаться и не проливать кровь, таким образом, тоже свя-

²⁸ Арм. *urbat'* происходит из ивр. 'arvit, «вечерняя (служба)», т.е. 'erev Shabbat, канун субботы. В армянском языке также сохранилось слово для обозначения субботы *shabat*, тогда как название воскресенья происходит из греч. *Kyriaki*, арм. *Kiraki*, т.е. «Господень день». Когда я изучал армянский в Колумбийском колледже, мой преподаватель д-р (ныне преподобный) Григор Максудян, который учился в армянской семинарии в Иерусалиме, рассказывал, как священник, напившийся однажды в Великую Пятницу, на предостережение, что Бог увидит его и накажет, ответил совершенно серьезно, что это единственный день, когда человек может грешить безнаказанно, поскольку в этот день Бог был – хоть и временно – мертв. Подобные верования нередки в христианском мире: майомберо, практиковавшие черную магию в широком контексте афро-кубинской религии сантерия, поили своих нганга (колдунов) из кубков-черепов свежей кровью животных, принесенных в жертву в пятницу.

зан с магией: в этот особый день для победы над своим сверхъестественным противником он должен использовать иные силы.

Возможно также, что субстрат не ограничивается монгольским отражением индоиранского текста, но опирается и на местную древнюю традицию – языческое славянское предание, близкое к индоиранскому материалу, но прямо из него не происходящее. В таком случае, если большая или меньшая часть материала, оформленного в балладу, имеет в конечном итоге индоиранское происхождение, хотя и при посредничестве татаро-монголов, он мог найти готовую нишу в родственных мифологических концепциях самих славян. Пророк Илия в христианизированной русской фольклорной традиции принимает функции и качества языческого бога-громовержца Перуна. Этого пророка, к которому обращались за дождем, воображали скачущим по небу в огненной колеснице (летающим без крыльев?) и бьющим своими молниями нечистую силу. Перун, который жил на вершине мирового дерева, как считалось, сражался со змееподобным Волосом, жившим в основании дерева. Волос – хтоническое божество, охраняющее скот и прочее достояние, – также ведал клятвами и был богом смерти²⁹. В мифологическом прообразе былины роли могли быть разделены следующим образом: человек Илия приходит к птицеобразному Перуну и своей богоданной пророческой силой слова вынуждает последнего служить ему и воевать с Волосом, вместо того, чтобы вредить человечеству. Такая модель вполне согласуется с армянским и монгольским типами, хотя в последних двух указывается, что Гаруда должен убивать вишапов и нагов, тогда как в русском тексте Соловей-разбойник становится только слугой Ильи.

Если мы имеем дело с магическим текстом, в котором не говорится о вооруженном противостоянии, то что можно сказать о черниговском прологе, где описывается настоящая война, которую провел Илья? В схеме героических поисков этот эпизод необходим: заросшая и непроходимая прямая дорога из Муром в Киев, линия, пересекающая сердце Руси, преграждена как людьми, так и сверхъестественными силами, и настоящий герой должен встретиться и с теми, и с другими и победить их. Кроме того, как мы видели, в Чернигове он преодолевает искушение стать воеводой, что потребовало бы от него отказаться и от священного выбора стать странствующим богатырем, и от клятвы направиться пря-

²⁹ См.: *Ivanits Linda J. Russian Folk Belief, Armonk. NY: M.E. Sharpe, 1990. P.29–31, где цитируются В.В.Иванов и В.Н.Топоров. См. также: О.В.Белова, Петрухин. История в свете «фольклорной» мифологии... Россия XXI. 2006. №1. С.110.*

мо в Киев, дабы присягнуть на верность князю Владимиру. Отметим, что в этот момент ему предлагают еще и богатство, и здесь, как и в эпизоде в Кутузове, когда дюжина Соловейчиков соблазняет его тем же, это искушение было преодолено. Как давно отмечали исследователи этого текста, Илья на своем пути встречается с классической индоевропейской триадой препятствий и приключений. Добавлю, что одно из них связано с религиозными мотивами (сверхъестественный Соловей-разбойник), второе – со знатностью (место воеводы) и третье – с богатством и пищей (сыновья Соловья-разбойника). Священники, воины, пастухи – стандартное тройное разделение древних индоевропейских каст или классов, смешения которых Илья вполне традиционно всячески пытается избежать. Выдвигались предположения, что эпизод битвы за Чернигов является интерполяцией, поздней вставкой, но, скорее всего, это органичный компонент повествования о героических поисках, даже если он противоречит решительной клятве Ильи не брать оружие и не проливать кровь (эту клятву он нарушает трижды).

Илья не убивает Соловья в битве (хотя стреляет в него, а позже убьет): при встрече со сверхъестественным врагом, которого можно победить лишь магическими средствами, он держит свою клятву. Хотя варианты истории разнятся в описании способа, которым Илья побеждает Соловья, и все они подразумевают насилие, тем не менее создается впечатление, что битва носит в первую очередь духовный характер: когда Соловей свистом пугает лошадь Ильи, тот сохраняет самообладание и успокаивает коня. Это имеет смысл, если субстратом текста было заклинание или шаманский напев: герой должен использовать духовную силу, чтобы победить сверхъестественного противника. В «Гимне жемчужины» молодой парфянский принц поражает дракона не мечом, а «магическим» песнопением, т.е. повторением заклинаний или мантр. Монгольская шаманка в своей песне, благодаря особому дару, достигает страны смерти, где получает доступ к силам Гаруды, сидящего на дереве. Ангелы и архангелы, встретившие бескрылого орла, Мать всех зол, сидящего на дереве без ветвей и ствола в центре мира, полагаются на духовные силы Иисуса Христа, чтобы вынудить орла направить свои силы против драконов и прочих огромных змеев (вишапы, наги!), а не против людей. Точно так же Илья не убивает Соловья, а побеждает и становится его господином. Свист Соловья теперь на службе Ильи, который служит князю Владимиру, и таким образом его силы обращаются на благие и святые цели.

Неоднократно выдвигались предположения, что у былины был татари-монгольский источник: похоже, что подходящей кандидатурой на эту роль служит шаманская песня, о которой мы писали выше. Былина представляет собой третий вариант истории о том, как заставить огромную, могущественную птицу, наделенную человеческим языком и невероятным голосом, обратить свои силы в помощь человечеству. Я предложил индоиранский источник первоначального заклинательного повествования и возможные пути его передачи из Согдии в Монголию и из Парфии в Армению. В обоих случаях воспринимающие культуры приспособливают материал под существующие жанры и системы верований, соответственно его видоизменяя. То же самое, похоже, произошло при передаче рассказа из Монголии на Русь: он был приведен в соответствии с формой христианского героического эпоса. Как мы отмечали выше, реальный облик Соловья-разбойника остается неясным, и, быть может, это объясняется тем, что (хотя орлы могут уносить барашков, детей и даже, как это было однажды, очаровательного фригийского подростка по имени Ганимед, который пас свое стадо, когда Зевс, «отец людей и богов», решил ненадолго отвлечься от размножения и поразвлечься) соловей не может быть столь огромен. Соловей размером с Гаруду, очевидно, покажется розе несколько неуклюжим.

Часть II

«Слово о Полку Игореве» и споры о нем

В русском слове *соловей* присутствует обычное в восточно-славянских языках удлинение (ср. *молоко* из *млеко* и т.п.). Соответственно, старославянская форма – *славии*, [Gk. *aédón*], слово, которое Фасмер интерпретирует как относящееся к цветку, *gelblichgrau* (*желтовато-серый*), от основы **solv*”. Он добавляет: «пресловутого Соловья-разбойника из русского народного творчества О.Миллер пытался... отождествить с могучим мордвином (XVII век) близ Нижнего Новгорода»³⁰. Фасмер и последующие исследователи, включая Кинана, считают версии происхождения слова *соловей* от той же основы, что *слово* и

³⁰ Vasmer M. *Russisches Etymologisches Wörterbuch. Bd.2. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1953. S.690–691.* – Кинан (Keenan E.L. *Op. cit. P.217. N.300*) отвергает этимологию *славии* / *соловей* от *слу-*, «*слушать*», как ошибочную, но, как мы увидим ниже, признает огромное поэтическое значение такой интерпретации названия птицы.

слава, народной этимологией. Другие же филологи утверждают, что именно эта связь существует как на семантическом, так и на строго лингвистическом уровнях. В последних исследованиях выдвинуто предположение, что *соловей* может происходить от другой основы, со значением *прыгать*. Что касается обсуждения былины, то здесь дело обстоит еще печальнее. Хотя возможно, что повесть об Илье Муромце и Соловья-разбойнике могла напоминать русским об отвратительном мордвине (это имя считалось иранским, от формы, связанной с перс. *mard-khor*, *поедающий людей*), рассказ о котором уже существовал в начале XVII века. Похоже, однако, что для этого автора важно передвинуть Соловья-разбойника с его удобной жердочки где-то между Черниговом и Киевом обратно, к востоку от Москвы, в Нижний Новгород, и поместить первоначальный сверхъестественный рассказ в прокрустово ложе почти забытого исторического инцидента. Фасмер в своей статье про соловья не говорит ничего об очень важной литературной и семантической связи *славши* / *соловья* со *словом* и *славой*. Хотя он, строго говоря, не был обязан это делать с точки зрения лингвистического исследования, но данное упущение тем не менее вызывает удивление: древнерусская литература, очевидно, везде и всегда связывала *славши* со *славой*, а отнюдь не желтовато-серым цветом.

В последние десятилетия историки науки посвятили ряд критических исследований той роли, которую могут играть в изучении других культур глубоко укоренившиеся предубеждения. Это законная постановка вопроса, хотя чистоте эксперимента зачастую препятствуют авторы, привносящие свои собственные хитроумные политические построения³¹. Представители западного христианского мира, пишущие об ара-

³¹ Я имею в виду очевидный ориентализм покойного Эдуарда Сауда (Edward Said), исследователя современной европейской литературы, не имевшего специального востоковедческого образования. Сауд считал, что европейские исследования на Ближнем Востоке, которые зародились, по существу, в конце XVIII века, были изначально во многом предопределены неоправданным предубеждением против ислама вообще и арабов в частности. В примечании, где говорилось о свитке, которым мы обязаны профессору Агопяну из Марсована, я счел необходимым подробно остановиться на обстоятельствах его гибели: он был убит во время первого современного геноцида, который проходил прикрываясь именем ислама. Страна, виновная в этом преступлении, была единственной на Ближнем Востоке политической силой, наследницей Халифата, чья военная сила и географическое положение на протяжении половины тысячелетия постоянно тревожили Европу и чье дурное обращение с христианскими меньшинствами десятилетиями приводило в ярость

бах, бывали весьма пристрастны, хотя это и объяснимо, а порой и оправдано, историей отношения исламских государств к своим христианским подданным и европейским странам. Однако когда мы говорим о германской славистике, то зачастую сталкиваемся с еще более однозначной моделью науки, стоящей на службе у политических злодеяний. Германские ученые, занимавшиеся славистикой и другими отраслями филологии, проявили немалую изобретательность, чтобы вывести термин *славянин* не из вышеупомянутой основы со значениями *слово*, *слава*, а от *sklavos* – «раб» (а то и от более унижительных основ). Хотя нет ни одного указания на то, чтобы славяне когда-либо называли себя подобным образом и считали себя мамлюками, тем не менее такая интерпретация предлагается отчасти на том основании, что славяне составляли значительную часть человеческого товара в черноморской работорговле, от византийского времени до османского периода³². Немецкие

общественное мнение. Не забудем, что турки оккупировали все христианские земли и народы юго-восточной Европы – греков, сербов, болгар и других – и пытались захватить Вену. Кульминацией этих притеснений для армян стал описанный выше геноцид 1915 года, во время которого образованный и щедрый профессор Агопян, снабдивший Джейн Вингейт бесценной информацией, встретил ужасную смерть. Это не была Арабская империя, хотя подданными ее были в основном арабы. Это была Османская Турция. Однако о турках, об оправданном страхе и нелюбви к их государственной и религиозной политике и об армянах, о геноциде, происходившем на всей территории от берегов Эгейского моря до горных границ с Ираном, Саид ничего не говорит. Армянская история демонстрирует лживость и холодную бесчеловечность его аргументов.

³² *Отметим, что менее чем за десятилетие до публикации словаря Фасмера Гейдельберг был одним из бастионов – как и все прочие германские университеты – идеологии, объявлявшей славян недочеловеками и использовавшей все средства филологии и других наук для оправдания уничтожения евреев и закабаления и постепенного искоренения славян. Интересно, что и по сей день в западном научном мире принято отрицать античное происхождение славян на основании того, что термин «слав» впервые зафиксирован в источниках после произвольно выбранной точки в V веке н.э. Мы знаем, что финны называли русских «Venalainen», а античные упоминания Тацитом и другими авторами венедов тоже, возможно, относились к славянам. Но поскольку сам этот термин не употреблялся (хотя зачастую также считается, что он означает «раб» [slave] и поэтому не может быть оригинальным самоназванием, а значение слова «славянин» как «говорящий, наделенный членораздельной речью, славный» является поздним ошибочным толкованием), то упоминание венедов не имеет отношения к очевидно древней языковой группе, обозначаемой как «славяне». В этом бесконечном споре славяне обречены всегда оста-*

филологи и их последователи, очевидно, считают, что к их исследованиям не имеет отношения общеславянское обозначение самих германцев, *немец* – «немой». Этот термин призван подчеркнуть различие между грубой и невразумительной речью соседа и ясной и четкой своей собственной. Этот сосед был хорошо известен, а чем ближе сосед, тем глубже вражда. Отметим, что, хотя русские и усвоили из немецкого ряд полезных слов, как, например, *князь* или имя владельца этого титула, Владимира, у них тем не менее также существует поговорка: «Что русскому хорошо, немцу – смерть».

Но если правда, что основная черта, которую отмечали у соловья древние славяне – это его желтовато-серая расцветка (предположение не слишком комплиментарное и подразумевающее, что *sklavoi* были либо глухи, либо невежественны, что я решительно не склонен принимать всерьез, несмотря на всеобщее одобрение, с которым эта этимология была воспринята), то подобное восприятие отличает их практически от всех прочих народов и языков, для которых соловей, как мы видели, это, в первую очередь, птица, которая поет различные песни, поэтическая и волшебная. Эти же черты отличают орла в армянском заклинании и Гаруду в монгольском шаманском песнопении, и можно предположить, что эта черта, способность к мощной речи, продиктовала трансформацию птицы в русском восприятии в соловья. Но армянская и монгольская птицы являются также могучими хищниками, к каковым определенно не относится соловей, так что эпитет *разбойник* был добавлен, чтобы изменить его название (Фасмер считал иначе, следуя мордвинской гипотезе: «ср. в связи с этим морд. *salams* "красть", *salitša* "вор"») – как будто речь идет о какой-то эзотерической ритмической паре, в которую входит каламбур к слову *вор*). Какой бы ни была этимология слова *славии* / *соловей*, для русскоговорящих людей в их литературе и культуре соловей всегда означает птицу, по определению связанную со словом и славой.

Отношение к соловью обычно положительное. В сказке «Птичий язык» рассказывается о купце, его жене и их сыне Василии. Когда они сидят за столом, соловей в клетке запекает, и купец клянется, что отдаст все свои богатства тому, кто скажет, о чем поет птица. Их шестилетний сын колеблется, но, когда родители уговаривают его не скрывать ничего, он рассказывает, что, по словам птицы, придет день и его родители

ваться проигравшими, и невозможно не согласиться, что такая ситуация объясняется глубокими предубеждениями.

будут ему служить. Расстроенные родители той же ночью укладывают спящего Васю в лодку и пускают в открытое море. Соловей-вещун (ср.: Соловей-разбойник) бежит из клетки, долетает до лодки и садится на плечо мальчика. Их спасает капитан корабля, который, однако, не обращает внимания на переведенное Васей предостережение птицы о том, что корабль пострадает от бури. Но после налетевшего шторма капитан становится осторожнее и прислушивается к совету соловья спрятаться от приближающихся двенадцати разбойничьих судов. Они прерывают путешествие и кидают якорь в городе Хвалынске, король которого мучается от непрерывных криков ворона и воронихи. Он обещает отдать руку своей дочери тому, кто сможет отогнать черных птиц и восстановить тишину и покой, но тому, кто возьмется за это и потерпит неудачу, отрубят голову. Васин соловей объясняет, что ворон и ворониха спорят, отцу или матери принадлежит их вороненок, и все это время просят короля рассудить их. «Отцу!» – объявляет король, и птицы улетают прочь. Мальчик начинает жить в королевском дворце, получает богатые награды и однажды во время путешествия останавливается в одном доме, где ему оказывают должный почет. Хозяева дома оказываются его родителями. Так исполняется пророчество соловья, семья воссоединяется, и Вася забирает родителей в Хвалынск, где стали они вместе жить-поживать да добра наживать³³.

Но наиболее важным для изучения вопроса о сложном поэтическом употреблении слова *славий* / *соловей* является, несомненно, «Слово о Полку Игореве». На протяжении 810 строк этого эпоса слово *слава* встречается 15 раз, *слово* (со всеми нюансами *логоса*, когда это необходимо) – 3 раза, а *славии* / *соловей* – 4 раза. Неоднократно также встречаются личные имена с элементом *слав-*, включая имя Гориславич (которое Набоков переводит как «Malglogu»³⁴); по словам профессора Кинана, «отзвук славянской славы слышится через каждые три строки»³⁵, хотя слово *славянин* не встречается ни разу. Невозможно говорить о «Слове», не касаясь болезненного вопроса о его аутентичности. Это

³³ Народные русские сказки из сборника А.Н.Афанасьева, М.: Художественная литература, 1978. С.196–199. – Эта чудесная книга, доставившая автору много счастливых часов чтения в постели, была подарена мне моим дорогим другом Оксаной Федоровной Никольской, чьим замечательным гостеприимством я наслаждался год за годом в Санкт-Петербурге. Я очень рад выразить ей здесь свою благодарность.

³⁴ Nabokov VI. – tr. and comm. *The Song of Igor's Campaign: An Epic of the Twelfth Century*. N.Y.: McGraw Hill, 1960. P.102.

³⁵ Keenan E.L. *Op.cit.* P.216.

произведение в своем странном великолепии и литературном совершенстве стоит особняком среди старославянских памятников, подобно «Беовульфу» среди староанглийских. Оба текста сохранились в единственных рукописях, но, в отличие от коттонской рукописи «Беовульфа», которая пережила пожар и нашла безопасное пристанище в Британской библиотеке, рукопись «Слова» погибла во время великого московского пожара 1812 года. Славянский текст с переводом и комментариями был напечатан в Москве в 1800 году, сохранилась также рукописная копия, сделанная для императрицы Екатерины. Агент графа Алексея Мусина-Пушкина приобрел рукопись у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля около 1790 года. Это был сборник, включавший также «Сказание об Индии богатой», «Премудрость Ахикара» (по-русски Акира) и византийский эпос о Дигенисе Акрите. В «Слове» рассказывается о неудачном походе одного из князей Киевской Руси, Игоря, против половцев. Бильбо Бэггинс мог бы назвать поэму «Почти до Дона и обратно». На протяжении многих лет различные ученые пытались доказать, что «Слово» – подделка и что его рукопись никогда не существовала. В конце концов, именно в этот период просвещенные европейцы прилежно разыскивали героические эпосы своих народов, которые своей древностью и богатством содержания могли бы освободить их от культурной и духовной вассальной зависимости от греко-римской и библейской традиций. Это было время, когда Джеймс Макферсон создал своего Оссиана. Профессор Кинан считает, что одаренный ученый и панславянский патриот Йозеф Домбровский, современник Мусина-Пушкина, состряпал «Слово», во многом черпая из «Задонщины», значительно более поздней работы, литературные достоинства которой не выдерживают никакого сравнения со «Словом». Это не делает моравского ученого фальсификатором, по крайней мере, по достаточно гибким стандартам того времени: «Калевала» тоже представляет собой в значительной мере компиляцию, составленную Ленротом в 1835 году из различных источников, а не единый оригинальный текст. Многие ученые сегодня также считают, что большую часть творений Оссиана (к которым со времен Самуэля Джонсона, во всеуслышанье объявившего их подделкой, прочно приклеилась дурная и скандальная слава), возможно, составляет подлинный материал, который Макферсон собрал и опубликовал, позволив, впрочем, себе значительную свободу.

Некоторые аргументы в пользу подлинности «Слова», как мне представляется, дает содержание сборника, в который якобы входила утерянная рукопись. Существует средневековый армянский сборник, который в книгопечатной традиции получил название по наиболее популяр-

ному тексту, входящему в его состав, «*Zruyts' pghndze k'aghak'i*» («Повесть о медном городе»), нравоучительной приключенческой истории, по всей видимости, буддийского происхождения, которая перекочевала на Ближний Восток и стала одним из эпизодов «Тысячи и одной ночи». В армянских рукописях, а затем печатных книгах (последняя из них на классическом армянском была опубликована во второй половине XIX века, а переводы на современный западный диалект продолжали печататься в XX столетии) повесть расположена обычно среди прочих нравоучительных и развлекательных рассказов, из которых выделяется «Премудрость Ахикара», которая, конечно, также включалась с самых ранних эпох в число библейских апокрифов. Армяне в Средние века и позднее наслаждались историями о далекой Индии и героическими повествованиями – «Романом об Александре» и своим собственным Сасунским эпосом. Хотя цикл об Акрите не был переведен на армянский, но он был создан в районе Мелитены (ныне Малатья), на южных рубежах Армении, обозначенных Ефратом, и различные персонажи, сцены и темы византийского эпоса имеют местное, армянское происхождение. Очевидно, что Йозеф Домбровский, Мусин-Пушкин, его агент и нуждающийся архимандрит Иоиль не знали ни армянского, ни характера и содержания средневековых армянских сборников, предназначенных для поучения и развлечения. Но том, в который входила утраченная рукопись «Слова», замечательно соответствует родственной традиции составления рукописных сборников поучительных и развлекательных текстов, существование которой в большой мере поддерживается параллельным армянским свидетельством.

В «Слове» также неоднократно отмечали параллели с Оссианом. Набоков писал: «На всем протяжении "Слова" здесь и там иногда встречаются поэтические формулы, поразительно напоминающие макферсоновского Оссиана. Я обсуждаю их в моем комментарии. Парадоксальным образом, эти совпадения, скорее, доказывают не то, что русские в восемнадцатом столетии пытались имитировать Макферсона, а что в фантазиях Макферсона в конечном счете содержатся фрагменты, источником которых являются аутентичные древние поэмы»³⁶. Этот пророческий комментарий предвосхитил переоценку работы Макферсона современными исследователями, и несколько ссылок в набоковском комментарии отнюдь не являются (или, по крайней мере, являются лишь частично) попыткой раздражить читателя и заставить его вновь задуматься над вопросом об аутентичности «Слова». Набокова, в котором

³⁶ Nabokov VI. *Op. cit.* P.12.

сочетались поэт, писатель и литературовед, интересовало огромное влияние, оказанное Оссианом на русскую литературу³⁷.

Рассмотрим три наиболее важных стихотворения на эту тему, которые охватывают столетие и демонстрируют разные подходы. Лермонтов обращается к своим полувоображаемым корням (у него, действительно, были предки-шотландцы) за романтическим вдохновением. Гумилев в разгар современного декаданса взывает к ясности героического прошлого. Мандельштам предлагает нам более тонкие размышления о литературной аутентичности и наследии.

Гроб Оссиана

*Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..*

М.Ю.Лермонтов, 1830

Оссиан

*По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана.
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечом короля океана, Сварана.*

*Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспененное море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.*

³⁷ В одной из книг серии «Литературные памятники» содержится русский перевод Макферсона и огромная подборка русской прозы и поэзии, связанной с Оссианом, включая работы Карамзина, Муравьева, Державина, Полежаева, Глинки, Жуковского и Кюхельбекера (Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / Изд. подгот. и перевел Ю.Д.Левин. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983). Хотя, как справедливо отмечает Набоков, в конце XVIII – начале XIX века в России мало кто знал английский достаточно хорошо, чтобы читать Оссиана в оригинале, его влияние тем не менее было моментальным, глубоким и продолжительным. Пушкин в лицейские годы и позже пересказывал Оссиана и подражал ему.

*Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжноголосых
О битве великой в великом испуге равнины.*

*Когда я устану от ласковых слов и объятий,
Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
Я вижу на холме героев суровых и гневных.*

Н.С.Гумилев, 1907

* * *

*Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?*

*И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!*

*Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.*

*И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.*

О.Э.Мандельштам, 1914

Внимание Набокова к оссианизмам вполне объяснимо. Профессор Кинан, решительно отстаивая свой тезис, сурово критикует оппонентов. И это понятно: тема, ставки в которой столь высоки, а эмоции столь накалены, всегда вызывает бурные дискуссии. При этом книга Кинана – энциклопедическая работа высочайшего научного уровня. Он пишет, что «наибольшими художественными достоинствами среди тех работ» на современном этапе изучения «Слова», «в которых доказывается, что это аутентичное произведение XII века», являются работы Романа Якобсона и Набокова. В то же время он отмечает, что последний «в конечном итоге

занимает (как это с ним бывает очень часто) хитрую и двусмысленную позицию по вопросу аутентичности ("мы должны справиться со странными сомнениями"). Кинан не менее великодушен и по отношению к литературным достоинствам перевода Набокова, который он называет «вычурным»³⁸. Следуя его логике, если кто-то считает текст аутентичным, то это объясняется изначальным убеждением, а не научным исследованием, поскольку оно может привести только к одинокому утверждению Кинана о том, что «Слово» – подделка. Если же вы считаете текст аутентичным, однако не склонны догматически утверждать это, допуская, что можете ошибаться или что текст, по крайней мере, может содержать интерполяции или изменения при передаче (такая ситуация нередко встречается в истории древних рукописей), то это «хитрость». Кинан не указывает другие места, где великий, скрупулезный и изощренно честный исследователь Набоков «часто» хитрит. Кинан цитирует набоковские сравнения отрывков из «Слова» с Оссианом, не обращая, однако, внимания на то, что Набоков, как мы уже отмечали, предполагает в предисловии, что подобное сходство может свидетельствовать об аутентичности каледонской поэмы.

Так что Набоков своими ссылками хочет доказать постулаты, противоположные тем, к которым склонен Кинан и для доказательства которых он цитирует Набокова. Характеристика набоковского стиля как «вычурного» (можно точно так же назвать Кинана напыщенным – но зачем?), очевидно, тревожит бессмертную тень одного из величайших писателей России и Америки не более, чем жужжание комара тревожит слона. Несомненно, однако, что если бы Владимир Владимирович был среди нас и мог бы ответить на эти оскорбления, как ответил Эдмунду Уилсону на его плохо аргументированную критику значительно более пространный набоковский перевод и комментария к «Евгению Онегину» Пушкина, то он бы задал злополучному ученому впечатляющую и заслуженную публичную порку. Если бы, конечно, захотел тратить на это время.

Певец Боян, белки и соловьи

Неизвестный рассказчик *Слова* несколько раз упоминает старого певца Бояна.

Боянь бо вѣщѣцъ, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по дрѣву, стѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы.

О Бояне, соловію старáго вѣмени! Абы ты сѣя плѣкы уцекоталь, скáча, слáвию по мыслену дрѣву, летáя умомъ подѣ облакы, свивáя слáвы обáполы сегѣ вѣмени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на гóры...

³⁸ Keenan E.L. *Op. cit.* P.137, 138. N.2; P.189. N.213.

Набоков в своем комментарии отмечает: «*Мыслию по древу*. Это настоящее испытание для знаний и искусства многочисленных комментаторов. По меньшей мере, два вида белки (эволюционировавшей из *мыси*, *мышь*) появляются в ветвях этой метафоры. Однако, помимо того, что этот же образ появляется в другой форме... и что настоящая белка, должным образом названная *белия* в [строке] 349, кажется очевидным, что логическая или духовная лакуна между "мыслию" и "древом" должна быть заполнена *славием*, завершая таким образом тройную метафору...». В числе комментаторов – один из столпов русского символизма, Вячеслав Иванов, петербургская «Башня» которого была местом встречи литературного мира столицы. 25 декабря 1916 года он написал «Замышленье Бояна»³⁹:

«Вы держите ль, внуки, / Родовые поруки / Лебединога сана? / Прославлено предком / Юнейшего племени / По былинам старинного времени / Песнопенье Бояна. / Не забыли ль вы дивной науки? / Сберегли ль обаянье напева? // Как векша, по веткам / Вселенского Древа / Играет, прядает / От корня до темени / И пугает и радует / Замышленье Бояна. / Мнишь – он там; смотришь – здесь! / Кто за вещим угонится? / Где он – кто догадается? / Будет где во мгновенье ока? / Нет ему ни далека, ни срока. / Вот он весь / Над глубоким колодецем наклонится, / Упадет – / Словно в землю уйдет, / И схоронится... / Глянь-ка в высь! Кто там, в выси, висит и качается? / Так по Дереву мыслию волхв растекается... // А дубовые ветви дремучи, / Распластались в них сизые тучи, / И разросся зыбучий навес / Звездодцветом верховных небес. / А дубовые корни могучи, / Их подземные ветви дремучи, / Вниз растут до глубинных небес / И звездами олиствен их лес».

В стихотворении Иванова мы видим мировое древо, подобное древу Гаруды или Перуна, хотя я подозреваю, что его непосредственным источником был скандинавский *Иггдрасил*, с белками, играющими на нем в прятки.

Набоков, как мы видели из его комментария на «Слово», не мог расстаться с белкой, которой там не было. Что уж говорить о соловье, который там был. Но, как обычно бывает у Набокова, он приглашает вдумчивого читателя поиграть в прятки в поисках того, что есть на самом деле. Набоков очень сильно ощущал *краткость* исследуемого произведения: в своем введении он отмечает, что «Слово» «состоит из 14 175 букв или примерно 2 850 слов», которые он разделил на 860 строк. Его примечания обычно очень четко сфокусированы, и каждое относится к одной или двум строкам. Однако на странице 95 перево-

³⁹ *Посвящено С.М.Городецкому (См.: Иванов Вяч. Стихотворения. СПб.: Новая библиотека поэта, 1995).*

дчик ненавязчиво вставляет относительно короткое примечание – к строкам 1–70! Это очень большой кусок текста, и можно рассматривать это как набоковский юмор, скрывающий крайне важные вещи. Вот это примечание: «1–70. Под предлогом попытки решить, какой стиль выбрать, старомодный, сложный и высокопарный стиль Бояна или более соответствующий современному сюжету, предполагаемый певец Игорева похода спрашивает себя, с чего бы начал Боян, приводит примеры политических идиом Бояна (67–70), как будто рассматривая, насколько они подходят для недавних событий, играет с ними, отвергает, – но тем временем искусно и успешно оформляет ими начало своей истории. Так Пушкин в "Памятнике" (1836 год) пародирует стихотворение своего предшественника Державина (1743–1816) на тему Горация ("*Exegi monumentum...*")», чтобы под этой маской выразить свои собственные тайные стремления».

Вот стихотворение Державина, написанное в 1795 году:

«Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный, / Металлов тверже он и выше пирамид; / Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный, / И времени полет его не сокрушит. // Так! – весь я не умру, но часть меня большая, / От тлена убежав, по смерти станет жить, / И слава возрастет моя, не увядая, / Доколь славянод род вселенна будет чтить. // Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных, / Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал; / Всяк будет помнить то в народах неисчетных, / Как из неизвестности я тем известен стал, // Что первый я дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить, / В сердечной простоте беседовать о Боге / И истину царям с улыбкой говорить. // О муза! возгордись заслугой справедливой, / И презрит кто тебя, сама тех презирай; / Непринужденно рукою неторопливой / Чело твое зарей бессмертия венчай».

А вот пушкинский «*Exegi monumentum*», написанный в 1836 году, за год до смерти поэта (я выделил жирным шрифтом строки, идентичные или почти идентичные державинским):

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа, / Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа. // Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит – / И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит. // Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгуз, и друг степей калмык. // И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокой век восславил я Свободу / И милость к падшим призывал. // Веленью божию, о муза, будь послушна, / Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно, / И не оспаривай глупца».

Общие черты двух стихотворений можно разделить на три близкие категории: 1) памятник и бегство от тлена; и то, и другое тесно связано с бессмертием; 2) слава и слух (от того же корня) о славе, которые обеспечивают это бессмертие, и 3) муза, награждающая поэтическим даром, посредством которого достигается слава.

Из скромности или, скорее, продолжая ту своеобразную игру в прятки, в которую он играет со своим нежно лелеемым вдумчивым читателем, Набоков не упомянул свой собственный «*Exegi monumentum*», 124-строчную поэму «Слава», написанную в Уэлсли, Массачусетс, в 1942 году, название которой он переводит как «*Fame*»⁴⁰. В строках 73–76 мы находим прямую ироническую отсылку к Пушкину, когда нелепый герой поэмы в отчаянии говорит: «*Нет, никто никогда на просторе великом / ни одной не помянет страницы твоей: / ныне дикий пребудет в неведенье диком, / друг степей для тебя не забудет степей*»⁴¹. В примечании к английскому переводу автор цитирует пушкинские строки о тунгусе и калмыке, чтобы англоязычный читатель не упустил эту отсылку. Поэма разделена на две части, различающиеся и тематически, и метрически. В строках 57 и далее Набоков воскрешает Россию: *порог*, «*тропа вся в лиловой крови*» и *канавы*. Кровь и канава: если анаграмматически и символически перестроить *канаву* и *порог*, сменить время года с безнадежной осени на пробуждающую надежды весну, то получится аналогичная строка «*весь в черемухе овраг*», на край которого героя, вернувшегося во сне в Россию, приводят на расстрел («Расстрел», Берлин, 1927 год). Расцветающую весной черемуху поэт-символист Константин Дмитриевич Бальмонт использовал в качестве эмблемы любви, и в русской поэзии она несет большой эмоциональный заряд⁴². Соловей Набокова, его *славии славы*, – это птица, которая

⁴⁰ V. Nabokov. *Poems and Problems*. McGraw-Hill, NY. 1970. №31. P.102–113.

⁴¹ В строках из набокковского стихотворения «*О правителях*» (написанного в Кембридже, Массачусетс в 1944 г.), воспроизводящих ритмическую структуру этой строфы, выражается усталое омерзение от неизбежной неизменности и безнадежности будущего: «*Умирает со скуки историк: / за Мамаем все тот же Мамай*» (трехстопный анапест, который он на английский перевел четырехстопником: «*The historian dies of sheer boredom: / On the heels of Mamay comes another Mamay*» – ср.: «для тебя друг степей не забудет степей»). И на смену татарской тирании скучнейшим образом приходит погромная тирания Романовых, а затем – тирания осетина с таракаными усами.

⁴² Как сказано выше, Набоков написал первые строки этого стихотворения на стекле в гостевой комнате Э.Уилсона, который просил писателей оставлять там свои любимые строки. Уместно вспомнить здесь стихотворение Мандельштама «*Что поют часы-*

проводит через зеркало и преобразует повседневное в необычайное. Но это также и *слово* само по себе, которое формирует поэта и формируется им, и лишь звук способен отделиться от гниющей плоти, звук, ведущий слово к славе и бессмертию. Когда Набоков упоминает соловья прямо, он выводит его на передний план в игре слов и называет его с помощью зеркальной этимологизирующей инверсии: «*Среди животных, вхожих в русский стих, / Желанней всех – певец лесов ночных, / Что выдает себя вдруг подражаньем / Кукушке, флейте, призраку, чей тих / Прозрачный посвист и легко дрожанье*» (перевод Д.Исакджанова)⁴³.

Возможно, мы несколько удалились от магического орла, власть которого была побеждена святыми и их могущественными словами в армянском заклинании. Однако стихи русского символиста Николая Гумилева принадлежат к родственной поэтической культуре и наследию восточно-христианской веры и индоиранского мифа. Так что мы можем поймать и *слово*, и *славу* в изначальном Слове Творения, *логосе* и *мантре*, поэме и молитве, которая парализует орла и пугает звезды⁴⁴.

кузнечик...», написанное в 1917 году и напечатанное в сборнике «*Tristia*», поскольку в нем очень явно прослеживается символическое использование образов черемухи и соловья: «*Что поют часы-кузнечик./ Лихорадка шелестит, / И шуришит сухая печка, – / Это красный шелк горит. // Что зубами мыши точат / Жизни тоненькое дно, – / Это ласточка и дочка / Отязала мой челнок. // Что на крыше дождь бормочет, – / Это черный шелк горит, / Но черемуха ульшишит / И на дне морском: прости. // Потому, что смерть невинна / И ничем нельзя помочь, / Что в горячке соловьиной / Сердце теплое еще*» (Мандельштам О. *Собрание сочинений / Под ред. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. В 2-х томах. Т.1. Вашингтон: Международное литературное содружество, 1964. С.69. №98*). М.Л.Гаспаров предлагает следующее объяснение: «...сам поэт в соловьиной горячке любви и творчества предчувствует близость смерти, челнок его жизни проточен, он тонет и с морского дна посылает своей любви (черемуха – бальмонтковский символ) последнее прости. Ласточка для ОМ – посредник между здеишим миром и миром теней (ср. далее), дочка – может быть, Антигона, ведущая слепого отца Эдипа к месту его упокоения» (Мандельштам О. *Стихотворения, проза. М.: Библиотека поэта, 2001. С.630*).

⁴³ «*Among the animals that haunt our verse, / that bird of bards, regale of night, comes first: / scores of locutions mimicking its throat / render its every whistling, bubbling, bursting, / flutelike or cuckoolike or ghostlike note*» («*Вечер русской поэзии*» [*An Evening of Russian Poetry*], 1945. V.Nabokov. *Poems and Problems. P.160*). Regale [«*регалия*»] + night [«*ночь*»] > nightingale, нем. *Nachtigall*; [«*соловей*»]; bird [«*птица*»] / bard [«*поэт*»] вызывает ассоциацию с ремеслом поэта, за словом и славой следует славиш / соловей.

⁴⁴ Гумилев Н. *Слово // Цех поэтов. Т.1. Переизд. Берлин: Изд. С.Эфрон, 1922. С.15–16*.

Слово

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.*

*Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.*

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.*

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

Н.С.Гумилев

(Перевод статьи с английского Артема Федорчука)

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Каравашкин Андрей Витальевич

доктор филологических наук, профессор кафедры истории и
теории культуры Российского
государственного гуманитарного университета

Соболев Альберт Васильевич

старший научный сотрудник Института философии РАН

Шаповалов Виктор Федорович

доктор философских наук, профессор философского
факультета МГУ им. Ломоносова

Рассел Джеймс

профессор, зав. кафедрой армяноведения Гарвардского
университета, Кембридж, Массачусетс, США

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political
sciences, President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Karavashkin Andrey Vital'evich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of history and theory of
culture

of Russian State University for the Humanities

Sobolev Al'bert Vassil'evich

senior specialist of the Institute of Philosophy
of Russian Academy of Sciences

Shapovalov Victor Phedorovich

D.Sci., Philosopher, Professor of the Philosophy department of
Lomonosov Moscow State University

Russell James R.

Professor, philologist, Head of chair for Armenian studies
Harvard University, Cambridge, Massachusetts, USA

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Редколлегия:

Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),

Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),

Каравашкин А.В.,

Куриленкова А.А.,

Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер.,18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (495)291-74-79

факс (495)200-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2006

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 24.07.2006. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная I. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

4. 2006 july-august

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

The Prosecutor General's Resignation:
a «Technical Solution» or the Outset
of Major Political Transformations? _____ **4**

Labels and Myths

Andrey Karavashkin

The Tormentor's power. Conventional Models
of Tyranny in the Russian History _____ **62**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Al'bert Sobolev

On the Russian Philosophy of Law
(P.I.Novgorodtsev's School) _____ **112**

Victor Shapovalov

The Myth of «the Teutonic
Captivity» _____ **140**

Russia in the World

James R. Russell

(Solov'i, Solov'i) _____ **156**